

Никуда этот мир не исчезнет...

Поэзия Удмуртии:

избранное

Ижевск, 2015

УДК 821.511.131
ББК 84(2=64.1)6-5
Н 65

Книга издана по заказу Удмуртского регионального
отделения Всероссийской политической партии
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»
в рамках проекта «Культура и время»

Книга издана при информационном сотрудничестве
с РГНФ и Правительством Удмуртской Республики
(проект № 14-14-18006)

Н 65 Никуда этот мир не исчезнет... Поэзия Удмуртии. Избранное/
Составители Серова М.В., Зверева Т.В., Шихов В.Ф., Кадочни-
кова И.С. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2015. – 256 с.

ISBN 978-5-906027-91-7

Данный сборник представляет поэтическое творчество писателей Удмуртии второй половины XX – начала XXI-го в.в., в чьих стихах рельефно воплотилась философия внешнего пространства нашего края и мироощущение современного человека. Несмотря на то, что удмуртские тексты печатаются в русских переводах, книга рассчитана на самый широкий круг читателей, которым небезразличны судьбы поэтов, которых волнует судьба поэзии, судьба малой родины, неотделимая от судьбы России.

УДК 821.511.131
ББК 84(2=64.1)6-5

ISBN 978-5-906027-91-7

© Серова М.В., Зверева Т.В., Шихов В.Ф.,
Кадочникова И.С., составители, 2015
© Издательство «Шелест», оригинал-макет, 2015

Содержание

От составителей. 11

Раздел I. «Формула родины»

Зимина М. «Я родилась в нерусской России...»

«Я родилась в нерусской России...»	13
Посвящение Ашальчи Оки.	14
Воспоминание о Грузии.	14
«Поет Гелена Великанова...»	14
Девяностые	15
«Мы простояли жизнь в очередях...»	16
«Безотрадные картины...»	16
Грачи прилетели	17
«Здесь прошлое опять разворочу я...»	18
Бабушка	18
«Нет, не была моим кумиром ты...»	19
«Я на малой родине как впервые...»	20
«... Сначала на погост: причина веская...»	20
«Формула родины? – Время, пространство, любовь...»	21
«Я жадно вдыхаю живительный воздух свободы...»	22
Огородные размышления.	22
«Черемуха цветет – вернулись холода...»	23
Из цикла «Сиреневый сад».	23
«Открой окно...»	23
«В палисадниках вновь – золотые шары...»	24
«Кого я любила, чего я хотела...»	24

Жилин С. «Беспризорная русская речь...»

Фотосалон «Люксь».	26
Тройка по географии.	27
Два деда.	28
«Дед на черно-белой фотокарточке...»	29
«За поручиком Жилиным семь лет войны...»	30
Капель.	31
Воспоминание о Госпитальной улице.	31
Маруся постовая.	33
Махорочка.	34
Уцелевший.	35
«Мальчик, снимающий город...»	36
Семейная фотография.	37
«Запах сдобы от семейного альбома...»	38

Город мой.	38
«Вот центр души городской...»	39
Улица Свободы.	40
Алексей Николаевич.	41
«За разговорами, долгими спорами...»	42
В маленьком городе.	43
Грахово.	43
Грахово. Правленский сад.	44
В имении художников Сведомских.	45
Пленэр в усадьбе Сведомских.	46
Северянка.	47
Осенние размышления о потопе.	48
«Беспризорная русская речь...»	49

Фролов В. «Этот мир, на тебя безрассудно похожий...»

Моя жизнь.	50
«Еще позавчера шумел камыш...»	52
«Словно бублик на жарком песке...»	52
«К закату свободна река и наивно темна...»	53
«Развалинами бродят облака...»	53
«На садик мой не напасешься краски...»	54
«Запомнить и забыть вчерашний кавардак...»	54
«Эх, где-нибудь в туретчине, в кофейне...»	55
«Не меня привлекает столица...»	55
«В стране беззащитной правители холят обжор...»	56
«Сограждане не спят в ночи субботней...»	56
«Уснули рынок и завод...»	57
«Гудки и хрипы тепловоза...»	58
«Слегка подсохший бутерброд...»	59
«В городских беззаконных и тесных дворах...»	59
«Куда бегут тропой шакалы и верблюды...»	60
«Когда к тебе полоска света...»	60
«Чем хитро напрягать судьбу-химеру...»	62
«В болотный северный полон...»	63
«Верную махорочку курю...»	63
«Все проходит. Однажды не горбясь пройдет...»	64
Памяти Александра Сопровского.	64
«Какие редкостные дни...»	65

Шихов В. «Но мы ведь языка не предавали...»

«Дождь не заметен, но земля в глазах...»	67
Выход.	68
«Сад ветренен...»	69
«Как бурное allegro аллергии...»	70
Кенотаф.	70
Слова.	72
«Возможно, где-то существует город...»	73
«И осени замешана палитра...»	74
«Живу в чужом столетии, в чужом...»	75

Переселение.	75
«Буду варваром, грабившим Рим...»	77
«Прежде, нежели я отойду и не будет меня...»	77
Скудельница.	78
«Чалму поднял высоко клевер...»	79
Итака.	79
«По возвращении в места, какие помню...»	80
Исполнимся. Сомкнемся темным смехом...»	81
Из цикла «Post scriptum».	82
«Я так надеялся, что больше никогда...»	82
Страва. Триптих.	83

Сомов А. «И живы все, и смерти нет...»

Из цикла «Отцу и сыну».	87
«Это тайная несвобода...»	87
«Здесь рябины стоят, как рабыни...»	88
«Так и бывает: волны и облака...»	89
Из цикла «Опыты приближения».	89
«От тебя мне и теперь – никуда...»	89
Тебе.	90
Утро седьмого дня.	91
Из цикла «Базарный день».	92
«Сверим часы...»	92
«От мглы, налипшей на зубах...»	92
«Это осень. Неужели так скоро...»	93
Колыбельная сыну.	94
Из цикла «Все живы».	95
«О, расскажи мне эту новость...»	95
«...и вдруг прольется, как из чаши...»	95
Из цикла «Зимние квартиры».	96
«Вот белый свет. Вот это я и ты...»	96
«Гляди – над парусами этажей...»	96
Из цикла «Тугарин и окрестности».	97
«Гонорарный январь, оснеженный Ижевск...»	97
«Городок в табакерке фабричной...»	97
«Воскресение, радость, сухие глаза...»	98

Кадочникова И. «Когда концы с концами сводит время ...»

«Господи триединый...»	100
«Перелисташь дни и вырастешь из плена...»	101
«Мы жили – Боже мой – в такой глуши...»	101
«По улицам ижевским и пустым...»	102
«Как тянется сегодня выходной...»	102
«Когда морозно пахнет Рождество...»	103
«Земля томится влагой, но вода...»	103
«Август – и куст черноплодный».	104
«Привыкаю к тебе, бездорожье камбарской земли...»	104
«Камы-реки синева...»	105
«Здесь можно жить, затаив дыханье...»	105

«Как хорошо в полуденной тени...»	106
«В каком краю, у призрачных оград...»	106
«И когда ты задумаешь сделать нечто...»	107
«Господи, прости меня, пожалуйста...»	108
«Ноябрьский день, сонливый, осторожный...»	108
«Возвращаясь на родину, думаешь: вот бы жить...»	108
«Не поеду ни в Москву, ни в Питер...»	109
«Знакомый мир как будто не знаком...»	109
«Все, что мы называем счастьем, на самом деле...»	110

Багаутдинов М. «Запутываясь в нитях равновесий...»

«Запутываясь в нитях равновесий...»	111
«Я водяры стопарик грохну...»	112
«Опять повезло – окатило из лужи...»	112
«Хочешь, полосы закрашу?...»	113
Разговор кошки и дворника	113
«Не покупай своим детям кукол с большими глазами...»	114
«Впереди невиданные выси...»	115
«В доме из горького черного шоколада...»	116
«Кривясь объективом...»	116
«Господи, счастья-то сколько!!! Господи, сколько счастья...»	117
«Сколько шаров нападало с потолка...»	117
«закрывал глаза и на три два раз...»	118
Желтое стихотворение	119
«Я разменивал дни на таблетки и сны...»	120
«Покидая подъезд где темно и который не чистят...»	120
«На заброшенном теле заводятся шрамы...»	121
«Тук-тук. Тук-тук...»	121
«Люди курят лишь для того, чтоб не сойти с ума...»	122

Репина Т. «Города существуют, пока они есть на карте...»

«Остров»	126
«– Что ты несёшь, – говорит, – что ты мелешь?...»	127
Онегин	128
«Чёрный чердак совести...»	128
Кунсткамера	129
Простуженный организм	130
Больше двухсот	131
«Мы не видим дверной проем, если он пуст...»	132
«Одиночество подсоли...»	133
Карантин	133
Море с открыток	135
«В переснеженном городе сахар скрипит на зубах...»	136
«Каждая булка ломается поперек...»	136
«когда ты любим...»	137
Марокканский буйвол	138
Небо	139

Раздел II. «А ты проживешь без памяти?»

Владыкин В. «Отсюда все и пошло»

«К сожалению, об Удмуртии и удмуртах...»	142
«Далеко-далеко в Сибири...»	143
«Поют на Руси о Волге...»	143
Память	144
Священная книга	144
Заклинание	145
Человек и Инмар	146
Воршуд	146
Напев Быдзим Крезь	147
Великий Лес	148
Люди-лебеди	148
Воробьи и лебеди	149
Отчего поет тюрагай?	149
Зачем люди придумали душу?	150
Ольха	150
«Мои далекие предки верили...»	150
«Пощадите меня, люди...»	151
Собачье сердце	151
«Когда на небе нет луны...»	152
«В деревне хлеб уж не пекут...»	152
«Зачем нельзя?»	153

Кузнецова А. «Я все же от тебя не отрекаюсь...»

«В юности, может быть, в детстве когда-то...»	154
«— Счастливейшей из счастливейших...»	155
«Неласковая родина моя...»	156
«Беяки уничтожили деда...»	157
«Папа, тятя, отец...»	157
«...И вспыхнут снега над далекой судьбой...»	157
«По-за речкой Позимь...»	158
«Взаимы не клянчи у скупого...»	159
«Ой красив, как красив...»	159
Мартовский снег	160
«Воложка... Синий...»	160
«Речка Чимошурка...»	161
«В песнях не пропетая...»	161
Сказка про Чепцу	162
«Темно...»	164
«Зачем городят огород?»	165
Молитва	165
«Бог погоды, Куазь, я твоя дочь!...»	166
«Комета вспыхнет лишь на миг...»	167

Федотов М. «Но там – и начинается судьба...»

«Кому куда, а мне пахать землицу...»	168
«Хлопья белые в небе парят...»	169

Чупчи.	170
«За деревней, у реки Лекмы...»	170
«...Очень часто во сне я скачу на коне...»	171
Вольная песня.	172
«Когда мой дядя песню пел, бывало...»	172
Ширян.	173
Мушники.	174
Четвертый сын.	175
«Мне кажется, все это было вчера...»	178
Герд.	179
Флору Васильеву.	179
«Приснилось мне...»	180
«Сегодня в театре...»	181
Танцевальная мелодия.	182
Городские думы о деревне.	182
«Хвост над городом в небе повис...»	183
«Нет на улице даже собак...»	183
«Зовет меня забытая дорога...»	184
«До Кильмези мой поезд идет...»	185
«Привет тебе, мой угловатый дом...»	185
«Только тебе я откроюсь, быть может...»	186
«Прости меня, Боже! Я – грешник великий...»	187
«Ранее утро. Кровавое небо...»	188
«Будет когда-то весна голубиная...»	188

Шибанов В. «День начинается с заката...»

Сквозь мох.	190
«Вдоль дороги проселочной – провода и столбы...»	191
Тетя Дарья.	192
Раскололась чашка.	193
«Окно для бабочки открыл...»	193
Дверь.	194
«Мы с тобой разминулись. Я двигаюсь в прошлое...»	195
Леса на севере Удмуртии.	195
Толсур.	196
Старая газета.	197
Урты.	198
Вниз головой.	198

Диева А. «А вера тоже строилась веками...»

Ошья.	200
«Сколь неласково сердцу...»	201
«Малый пруттик – в молодые года...»	202
«Мой прадед посадил в саду черемуху...»	203
Вера.	203
Оуэр!	203
Влюбленность.	206
«Родитель! Отче!...»	208
«Очнись, душа! Встряхнись и воскресли...»	209

«Обрядилась черемуха в свет-кружева...»	209
«Под ношей моей неизбежной печали...»	210
«О душа! Не сорвись на ошибку...»	210
Море лазурное.	211
«И опять я бессонную ночь привечай...»	211
«Слова мои, слова не радуют...»	212
«Стихнул гром во сиянии молний...»	212
«Зеленым-зелена»	213

Матвеев С. «Мироздание воет во мне...»

«Ломая лазурную гладь небосвода...»	214
«В день, когда я на свет появился...»	215
В день рождения.	216
«Из ничего возникло тело...»	216
«Это длинное тело не чурается омота...»	217
«Год кончается. Сквозь кружева на твоём окне...»	218
«Луну в морозном стекле продышу...»	219
«Жужжит огромным роем пчел народ...»	219
«Зима прошла. Снег в небо улетает...»	221
Хронос.	222
Бабушка.	222
Бесконечный уход.	224
«Я в мягком окружении живу...»	224
«О, если б узнать, чья здесь вина...»	225
Игра.	225
Папоротник на краю деревни.	226
«Полечу над землей, как стрела...»	227
«Сквозь любовь, сквозь легенду, сквозь грусть...»	227
Поль Гоген.	228
По прочтении «Ста лет одиночества» Маркеса.	229
«Все заплывано в клетке моей...»	230
«Месяц август. Гром последний...»	231
Весна. Какая-то девчонка.	232
«Эта высь голубая впилась в меня смертной тоской...»	233

Захаров П. «время – вибрация настоящего чувства»

«простое чувство...»	234
«он – на шесть сторон...»	235
«Там, где нет голса...»	235
«У центра города сел Кылдысин...»	236
«О мусор, грязь, замшелое, гнилое...»	237
«есть много способов...»	237
Бабочка.	238
«Когда нас шлют по скатеречной дорожке...»	239
Отражение видений.	240
«В городе клубники, ягоды созревали...»	241
«– Паровоз, паровоз...»	241
«за стол я сел...»	242
Из цикла «Песни удмуртского туно»	242

«во время рождения лучей зари...»	242
«Я как удмурт присушивался ушами туно...»	243
«да воссияй же на берегу в сторону берега...»	244
«призраком или статуей...»	244

Орехова Л. «вот я ожила и встала»

вместо эпитафии	245
«сначала на тебя обрушатся...»	246
На свою родину средневековыми французскими глазами	247
«в этом мире...»	247
Если по Пармениду из Элея	248
старик	248
встреча	249
«ты стоишь на сегодняшнем зеленом поле...»	250
Ощущение своего места во времени	251
видение	252
Древний удмуртский дом	252
Ишан (неопознанное) или что-то другое из прошлого	254
Увидев цветы на песке	254
«и было еще и такое время...»	255
Небесная вода	255

От составителей

Сборник «Никуда этот мир не исчезнет...» представляет избранные имена в поэтическом пространстве Удмуртии. Это не антология, не панорама литературной жизни нашей республики, которая, конечно, связана с творчеством таких авторов, как Ф. Васильев, О. Хлебников, О. Поскребышев и многих других классиков поэтического жанра.

Нам хотелось бы под одной обложкой объединить русских и удмуртских авторов, как нам кажется, менее известных широкому читателю, в творчестве которых весьма ярко, проявляется образ нашего общего пространства, формирующий, в свою очередь, мироощущение современного человека, его внутренний мир. Также мы старались отразить не только развитие данной темы в поэзии Удмуртии второй половины XX – начала XXI-го вв., но и развитие эстетических тенденций в рамках сменяющих друг друга десятилетий.

Авторские подборки построены по сюжетно-тематическому принципу. Это редакторские циклы, смысл которых заключался для нас в том, чтобы смоделировать поэтический и человеческий имидж автора – возможно, отразить его судьбу.

Стихи удмуртских поэтов печатаются на русском языке в переводах Владимира Емельянова и Анатолия Демьянова, уже много лет работающих на ниве межкультурного диалога, позволяя русскоязычному читателю приобщиться к философскому богатству удмуртской поэзии, которая сегодня переживает необыкновенный творческий подъем. Отсутствие оригинальных удмуртских текстов объясняется их доступностью для удмуртских читателей в других изданиях и неизбежной смысловой закрытостью для русских жителей Удмуртии, не знающих удмуртского языка.

Имен, конечно, могло быть и больше. Но мы надеемся, что это не последний случай такой поэтической книги, цель которой – еще большее духовное сближение народов, всегда умевших жить в мире и согласии, вместе преодолевающих культурно-исторические катаклизмы.

Раздел 1. «Формула родины»

Маргарита Зилкина

Родилась в 1947 г. в городе Можге. Детство и юность прошли в с. Грахово. Окончила Граховскую среднюю школу и филфак Удмуртского пединститута. Работала учителем русского языка и литературы. Автор поэтических книг «О несуетном поговорим...», «Лирика», «Эти вечные темы...», «...а музыка осталась». Редактор-составитель коллективных сборников «Камбарка поэтическая» и «Любовь моя, провинция».

Член Российского союза профессиональных литераторов. В настоящее время живет в Камбарке.

Публикуемые тексты воспроизводятся по книгам: «Эти вечные темы...» (Ижевск, 2005), «...а музыка осталась» (Ижевск, 2012).

«Я родилась в нерусской России...»

Я родилась в нерусской России,
Где купавку зовут «италмас»,
Где удмуртские песни грустили
Над моей колыбелью не раз.

Многолюдные помню базары...
Воскресение. Солнечный день.
Как на праздник, маришцы, татары
Из окрестных идут деревень.

Вавилонское столпотворенье –
Всех наречий и говоров пир!
Этот радостный на удивленье,
В красный ситец обряженный мир!

Было небо, как стеклышко, чистым,
И смотрела я женщинам вслед,
На которых звенели мониста
Из серебряных царских монет.

Посвящение Ашальчи Оки

Говорят, что разных мы кровей
И что ты удмуртский соловей,
И что в древней книге бытия
Ты – отдельно и отдельно – я...

Тем, кто нас по клеточкам разнес,
Я задам единственный вопрос:
Разве паспорт есть у соловья
И его отчизна – не моя?
Нет национальности у птиц,
У хорошей песни – нет границ,
И когда соловушка поет,
Никому не нужен перевод...

Воспоминание о Грузии

Закроешь глаза – и окажешься в городе Мцхета.
Какое вокруг раскаленное южное лето!
Какой романтический повсюду царит антураж!
Какой экзотичный у нас пред глазами пейзаж!

Какое веселое солнце над нами ликует!
Страна «СССР», как ни странно, еще существует.
И горная речка по камушкам резво журчит...
И «дружба народов» на полном серьезе звучит.

Поет Гелена Великанова,
И Кристалинская поет –
Шестидесятые... И заново

Пред нами молодость встает.
Какие песенки наивные,
И вроде слабый голосок –
А совершают диво дивное:
Дают вернуться на часок
В те дни, черемухой пропахшие,
Надеждой смутною полны, –
В те годы, счастливо совпавшие
С весной воспрянувшей страны.

Девяностые

Ложь нам удобна, а правда – опасна:
Проговоришься – гореть на костре...
Жизнь поначалу и вправду прекрасна:
Ранней порою,
на самой заре.

Сколько нам выдали розовой краски!
Нечто маняще мерцало вдали...
Как мы летели – без всякой опаски,
Дальше, и выше –
и прочь от земли!

Лишь соловья сладкозвучные трели
И долетали до здешних высот...
Вечность иль жизнь пролетела? И вот –
Гром среди неба:
слепые прозрели.

Так ли уж нужен был солнечный луч –
Тот, что прорвавшись сквозь толщу тумана
И через вязкие скопища туч,
Высветил грубые наши румяна?

Где мы? – У бездны на самом краю.
Что это? – Время, пространство, судьбина.
Вот она, подлинной жизни картина...
Мы-то считали, что жили в раю.

Боже, какое сегодня число?!
Там, наверху, перепутали даты?
...Вот и пришло оно, время расплаты.
Вот и пришло оно...
Вот и пришло.

Мы простояли жизнь в очередях.
Мусолили заветные талоны.
Не нарушая времени каноны,
Мы в немудрящих прятались мечтах.
Коль очередь – не вырвешься вперед:
Пенсионер тут зорко наблюдает.
Нахал, что в поле зренья попадет,
К прилавку просто так не подойдет.
Я выстояла. Разные дела
Тем временем копились и копились...
Иссякли силы. Руки опустились.
Чур, очередь моя! Но жизнь прошла.
И по сему – облом и недовес.
Кто этим заведеньем управляет?!
Я к жизни проявляю интерес,
Но жизнь ко мне его не проявляет.
«Вас не стояло». Врете, я была!
К чему мне этот крохотный обмылок?
Но дышит тьма в седеющий затылок.
Что вы хотите? Очередь прошла.

Безотрадные картины –
Навсегда они со мной:
Малой родины руины,
Дым отечества родной.

Среднерусская окрестность
Далеко не райский сад...
Я любила эту местность
Много лет тому назад.

Вот оно – все то же поле,
Облака над ним летят...
Сколько раз чертили в школе
Эту ось координат!

Разве не такая ж точно
Вся картинка бытия?
Где-то здесь должна быть точка,
Обозначенная – «Я».

С вечной жаждой постоянства,
Снова к детству на пути
Одолею я пространство...
Время, как тебя найти?

В те же вглядываясь дали,
Прядь седую теребя,
Я с тобой не совпадаю –
Не могу найти себя.

Грачи прилетели

Зое Шамаевой

Мартовский снег со следами капли.
Снова картина «Грачи прилетели».
Ох, до чего же он все-таки наш –
Этот саврасовский бедный пейзаж!

Серость кругом и сплошное сиротство.
Так отчего ж ощущается сродство
С этими комьями черной земли,
С этой старинной церквушкой вдали?

Мы возвращаться сюда не хотели.
Все же вернулись... Грачи прилетели.
Русской глубинки привычная грусть –
Все-то мы знаем о ней наизусть.

В южных краях побогаче природа,
Только иного мы племени-рода.

Скоро сквозь тучи пробьются лучи.
Март наступил. Прилетели грачи.

Здесь прошлое опять разворошу я –
Исчезла с карты целая страна...
У нас отняли Родину большую –
Осталась только малая одна.

Вот эта уходящая натура,
Перед которой вечно мы в долгу,
Вот эта черно-белая гравюра –
Деревья, утонувшие в снегу.

Бабушка *Стихотворение в прозе*

Вместе с бабушкой ушел в небытие ее язык –
говор вятской деревни позапрошлого века.
– Что на тебе за ремонья?! – это о нашей
короткополой моде века двадцатого.
Интересно, что бы она сказала о нынешней...
– Оболокайся теплее! Опять на улицу
без оболочки!
(И в самом деле: куда же мы – на улицу! –
без оболочки! – такие беззащитные...)
– Робенка надо счувать! –
так бабушка формулировала
свою суровую воспитательную методу.
Теперь я понимаю, что «счувать» –
это мудрое слово.
Ребенок должен чують, чувствовать,
что он в этом мире не самый главный.
Его номер шестнадцать.
Иначе, выражаясь языком современности,
он оборзет окончательно.
Бабушка счувала меня все детство.

Как и любой ребенок,
я ощущала себя центром Вселенной –
и высоко возносила в своих мечтаниях.
Но бабушка неуклонно возвращала меня на землю
посредством татарской галоши.
(поскольку в доме не было мужчины,
отсутствовал и ремень,
но галоша с успехом его заменяла).
– Где ты шляешься целый уповод?
Уповод – это такой отрезок времени.
Он растяжим и не укладывается
в научную систему мер.
Как бы ты ни хотела вернуться пораньше,
уповод уже закончился...
Теперь мой муж говорит, что к старости
я окончательно оборзела.
Но я-то знаю: нет, не окончательно –
на дне моей души существуют ценности,
вбитые бабушкиной галошей.

– Бабушка! – там, наверху, – ты меня слышишь?
Я прожила большой уповод. Я догнала тебя.
– Куда ты на улицу с голым пузом?! –
кричу я внучке. – Давно ли болела?
Что за ребенок!
И никто его не чувствует...

Нет, не была моим кумиром ты –
На маму походить я не хотела.
Порой с опаской в зеркало смотрела,
Боясь увидеть в нем твои черты.

Я отрекалась от твоих идей,
Увоенных в сороковые годы,
Твоих подружек – чуждых мне людей,
Твоих костюмов, вышедших из моды.

– Нет, – говорила. – Нет! И ни за что!
Но так и быть, я вымою посуду.
Но это обветшалое пальто
Я все равно донашивать не буду!

Вся молодость прошла в сплошной борьбе –
Бескомпромиссна юность и упряма.
И вот теперь тоскую о тебе,
Но ты об этом не узнаешь, мама.

...Давно пришли другие времена.
Дни неуклонно движутся к закату.
И жизнь, тобой которая дана,
По всем законам подлежит возврату.

Но если мне приходится бывать
В местах, где тени прошлого теснятся,
То слышу вслед: «Ну вылитая мать!»
И что мне делать – плакать иль смеяться?

Я на малой родине как впервые –
Слух уже не радуют соловьи.
На просторных улицах – все чужие,
А на тесном кладбище – все свои.

...Сначала – на погост: причина веская:
Уже давно на кладбище родном
Лежит рядком вся улица Советская –
Мой некогда гостеприимный Дом.

И бабушки знакомые, и дедушки...
Судьбе согласно или вопреки
Там – правые, тут – левые соседushки,
Мои друзья, мои ученики.

И милые, и донельзя противные –
Иному во хмелю был черт не брат! –
Партийные лежат и беспартийные,
И старые, и юные лежат.

Лежат как жили: семьями и кланами.
Те ссорились при жизни, те – дрались.
С любовями безумными и драмами...
И только тут в согласие ужились.

И слабые, и бесконечно стойкие,
Кто малости любой был в жизни рад...
Кто войнами добит, кто перестройками.
К чему им рай? За что, скажите, – ад?

Здесь все мои мечты разбились детские...
Стою, недоумения полна,
И плачу по тебе, моя советская,
Родная, бестолковая страна!

Формула родины? – Время, пространство,
любовь...
Дольше всего продержалось, конечно,
пространство...
А с остальным – вековечное тут окаянство:
Стены и кровля прочнее, чем теплая кровь.

Время умчалось, и люди родные ушли.
Что там в остатке? Сплошные березки и ели.
Что же я делаю здесь? Почему, в самом деле,
Так я цепляюсь за этот кусочек земли?

Елки любить? Изо мха выступающий пенёк?
Да и кому ты нужна со своею любовью?
...Но только здесь по ночам к моему изголовью
Нежно склоняется мамина милая тень.

Я жадно вдыхаю живительный воздух свободы.
Сегодня меня занесло в этот край неспроста.
Вбирают зрачки живописное буйство природы –
Мои золотые, мои дорогие места!
И, как по заказу, роскошное выдалось лето.
До блеска промыта дождем молодая листва.
Я жмурюсь от солнца.
Ох, сколько мне выдано света!
И робко внутри молодые стучатся слова.
И снова березы шумят над моей головой,
И струйки фонтана ловлю я, как раньше, рукой...
И все, что когда-то однажды здесь было со мною,
В душе прорастает опять молодой строкой.

Огородные размышления *(К вопросу о свободе творчества)*

Когда я иду по улице, смотрю под ноги:
боюсь споткнуться.
Когда я иду по улице, смотрю по сторонам:
боюсь попасть под машину.
Когда я иду по улице, смотрю на лица прохожих:
боюсь не узнать знакомых и показаться невежей.
И только на огороде, наконец-то распрямив
согнутую над грядкой спину,
я смотрю в небо.
Дома и на улице я думаю о всяких мелочах.
На огороде я думаю о вечном.
Здесь я могу разговаривать сама с собой.
Я приятный собеседник –
никогда не оскорбляю оппонента,
хотя часто с ним не соглашаюсь.
Нам хорошо вдвоем.
Здесь никто не мешает мне сочинять стихи.
Правда, я приверженец
рифмованного стихосложения,
а на огороде почему-то получается
свободный стих.

Выходит, форма действительно
соответствует содержанию.
Надо же, а я думала, что это всего лишь
банальность из школьного учебника...
Значит, на этой территории я свободна?
Правда, огород ограничен забором.
Местами по забору даже ползет
колючая проволока.
Напоминает зону.
Но вверху, на небе, ограды нет –
облака улетают далеко-далеко.
И я вместе с ними.
Значит, и в тюрьме возможна свобода,
если смотреть на небо?
«Было бы желание», –
меланхолично подсказывает мой собеседник.
И я с ним соглашаюсь.

Черемуха цветет – вернулись холода.
Умели наблюдать природу наши предки,
Хотя приметы их сбывались не всегда,
А нынче и совсем те совпадения редки.

То дождь идет зимой, то летом выпал снег –
В старинный календарь теперь смотреть напрасно:
Переиначил всю природу человек,
И не понять с утра, то ль пасмурно, то ль ясно.

И только в майский день нам горе не беда:
Мы рады наконец-то сбывшейся примете.
Черемуха цветет – вернулись холода.
И все же что-то есть надежное на свете.

Из цикла «Сиреневый сад»

Открой окно: лиловый дым
Уже плывет по всей округе.

Смотри: опять прошелся Врубель
По переулочкам ночным!
Мир, не разгадан и велик,
Мазками жадными набросан.
И сквозь сиреневые росы
Трагический мерцает лик.
Воспоминаний смутных тень...
Пора вселенского цветенья.
И не спасешься от сирени.
Сирень цветет... Цветет сирень.

В палисадниках вновь – золотые шары,
Как свидетели той безоглядной поры,
Что пока еще жизнью зовется...
Только в августе ночь до того холодна,
Что душа промерзает до самого дна,
Потому что она растается

С этим малым отрезком родимой земли,
Где когда-то цветы для меня расцвели,
А теперь – для кого-то другого...
Но пока еще целая ночь впереди,
Но пока еще теплится что-то в груди,
Я пройду этой улицей снова.

Отгону от себя я осеннюю грусть
И предчувствие: больше сюда не вернусь –
Возвращаться так сладко, так больно...
Ах, как светят во тьме золотые шары –
Словно в космосе черном иные миры...
Но довольно. Довольно... Довольно.

Кого я любила, чего я хотела –
Скажите, кому есть до этого дело?
До наших реалий, подробностей быта...

Все это со временем будет забыто.
Сотрутся фамилии, лица и даты –
Все то, что казалось нам важным когда-то.
И только лишь строчка одна черновая
Напомнит, какую была я – живая...
Течет мое время широкой рекою,
Чтоб я ручейком в нем осталась – строкою...

Сергей Жилин

Родился в 1960 г. в городе Ижевске. В 1986 г. окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета.

Работал учителем в сельской школе, преподавал в университете, был редактором в издательстве.

Автор трех поэтических сборников и нескольких книг по истории Ижев-

ска, Удмуртии и Прикамья.

Член Союза писателей и Союза журналистов России. В настоящее время живет в д. Сельчкe. Активно участвует в культурной жизни города как исполнитель песен на собственные стихи.

Публикуемые тексты воспроизводятся по книгам: «Перед ледоставом» (2001), «Собор на снегу» (2002), «Прощеное воскресенье» (2005).

«Беспризорная русская речь...»

Фотосалон «Люксь»

Перед музейной витриной дивлюсь
На фотографию в раме.
Фотосалон под названием «Люксь»
Помнят не все горожане.

И улыбаются мне господа,
Дети и мастеровые –
Кто эти люди, девались куда,
Где их дома вековые?

Эти сюртук и кафтан наградной,
Это шитье золотое

Время смахнуло враждебной рукой,
Будто все дело в покрое.

Будто закройщик во всем виноват
Или утюжили мало –
Переменились душа и наряд,
И человека не стало.

Дети смеялись и сто лет назад,
Ждали обещанной птички,
Только внезапно привычный уклад
Вспыхнул, как будто от спички.

Однообразна в одежде война,
И вот тогда за подкладом
Самое ценное прячет страна,
Вдруг припадая к прикладам.

Все перемелется, будет мука,
И жернова крутят ветры.
Снова портные творят, а пока
Мы обращаемся к ретро.

Да не изменит нам собственный вкус! –
Жаль никогда не приду я
В фотосалон под названием «Люксь»,
Где старый мастер колдует.

Тройка по географии

Дневнику гимназистки без малого век,
В нем сплошные то «яти», то «еры».
С той поры утекло столько лет, столько рек,
Устарели письмо и примеры.

До сих пор не забыть нам тринадцатый год –
Все теперь познается в сравненье.
У нее сплошь «четыре» и «пять», только вот
За Балканы лишь «три», к сожаленью.

У единственной тройки на целый дневник
Вид случайный, нелепый, понурый,
Но куется в Германии крупновский штык,
И в России твердят: пуля – дура!

Математика – «пять», и Закон Божий – «пять»,
И берет ноты в пении чисто.
Этой девочке судьбы Европы решать,
Но она влюблена в гимназиста.

У мальчишек, известно, о славе мечта,
Все-то видят себя при погонах...
Как начнут по Руси бабы выть-причитать,
Мужиков провожая в вагонах!

В галицийской земле гимназисту лежать –
Вышло время, пропущены сроки.
И всю жизнь ей теперь предстоит вспоминать
Географии злые уроки.

Два деда

Замерзают баркасы на камском песке,
И не действует переправа.
Но от красных уходит мой дед налегке,
Покидая тайком берег правый.

И, гранаты нащупывая чеку,
Под ногами не слышит он треска...
Пробирается дед мой тайком к Колчаку –
Далеко-далеко от Ижевска.

Опустел за войну казенный завод,
Когда дед мой второй возвратился.
Он был красный герой, не щадил свой живот
И за счастье народное бился.

Пусть наган привычно сжимает рука,
Но пора за дела уже браться.

Дед служил комиссаром в ижевской ЧК
И мечтал о свободе и братстве.

Ах, два деда моих, вам бы сесть за столом
С пирогами и четвертью браги!...
Две похожих судьбы вдруг под разным углом
Разошлись, превращаясь в зигзаги.

Черной дробью рассыпаны здесь рыбаки,
Пусть не действует переправа.
Вот стою я на льду посредине реки –
А какой у нее берег правый?

Дед на черно-белой фотокарточке –
Загорелый, сильный, молодой.
Выжил на гражданской и достаточно –
Что ж ты, мама, плачешь, Бог с тобой!

Не кутьей встречали поминальною,
Пусть худой и стриженный под ноль,
Улицей шагал он Коммунальною –
А была Базарною давно ль?

Шел, не узнавал места знакомые
Улицы родной Береговой,
Что звалась уже Милиционною –
Все же не Тррора, Боже мой!

Заводская башня в дымке скроется,
Разойдутся с пруда рыбаки.
Тротуаром дед шагал по Троицкой,
Что давно Советской нарекли.

Все переменилось в нашем городе,
И страшнее дульного зрачка
Ухмыльнется вождь с портрета в бороду:
Будет вам ЧК за Колчака!

Будут вам и митинги, и пряники,
Смерть и кровь, и новые враги...
Ну, а город затонул «Титаником» –
До сих пор расходятся круги.

За поручиком Жилиным семь лет войны,
Сто могил дорогих и два ордена.
У него за спиной половина страны,
А другая пока им не пройдена.

Отшумит Ледяной Сибирский поход,
Не дождется поручика девушка.
Он последний патрон для себя бережет,
Так как знает, надеяться не на что.

В Калифорнии сядет за стол генерал,
В мемуарах припомнит поручика,
А сам Жилин, увы, генералом не стал,
Только не было ротного лучшего!

Наша память течет родниковой водой –
Не стесненной ничем, не прирученной.
И боец молодой, и фельдфебель седой
Добрым словом помянут поручика.

Всему время свое – пировать, помирать,
А поручикам – молодость вечная.
Мемуары не им предстоит сочинять,
И поделатъ тут, видимо, нечего!

За метелью вершины холмов не видны,
И дорога пока что не пройдена...
За поручиком Жилиным семь лет войны,
А еще за поручиком родина.

Каппель

Как ты судьбу не крои,
В черной тайге ни просвета.
Каппель, солдаты твои
Северным ветром отпеты.

Кана студеной водой
Окроплены и обмыты...
Что ни боец – то герой,
Да имена позабыты.

С волжских святых берегов,
С Камы, Ижа и Тобола
Было несчетно полков –
Все их война измолола.

Бредил всю ночь генерал
И вдруг затих на рассвете.
Он не увидит Байкал,
Даже восхода не встретит.

Гроб деревянный, простой
Грузят солдаты с молитвой.
Только смыкается строй,
И не окончена битва.

В ней победителей нет,
Всех нас Россия помянет.
А над Байкалом рассвет
Кровью, засохшей на ране.

Воспоминание о Госпитальной улице

Э.Г. Бабкину

По торцовой мостовой
Госпитальной улицы
Было весело шагать
Утром и в ночи.

Сорок первый год идет,
И мой брат волнуется,
Что на финской не успел
Орден получить.

Этот малый городок
Мне огромным кажется.
В центре памятник вождю,
За рекой завод.

И чтоб не напала вдруг
Никакая вражина,
Днем и ночью город мой
Оружие кует.

Все изменится потом...
С Госпитальной улицы
На года в госпиталя
Угодит отец.

Что-то станет еще,
Что-то с нами сбудется!..
Только пережили все,
А там войне конец.

Переименована,
Когда-то нумерована,
Но и нынче так же
По ней течет народ.

Госпитальной улицы
Всем нам хватило поровну,
Ну, а я все помню
Сорок первый год.

Маруся постовая

Посвящается Анатолию Демьянову

Выкинет коленца
Наша злая память,
Но о пленных немцах
Хочется сказать мне.

Строить им досталось
Лестницу над прудом.
Лишь поплачут малость
Эльзы да Гертруды.

Баба с пистолетом
Охраняла фрицев.
Над Россией лето,
И хочется умыться.

Сорваны погоны,
Запропали ранцы,
И стирать кальсоны —
Нечего стесняться.

Белокурых бестий
Детские улыбки,
Да у речки Леты
Бережочек зыбкий.

Сохранилось малость
В памяти под спудом:
Все, что нам осталось, —
Лестница над прудом.

Как все это было,
Помнила Маруся.
Где ее могила,
Господи Иисусе?!

Вот галдят без толку,
Словно птичья стая.

У Маруси сбоку
Кобура пустая.

Не служила в СМЕРШе,
Лагерь не знала,
Милиционершей
Постовой стояла.

Не смотрела гордо
И, боясь закона,
Свой наган потерявший
Оставляла дома.

То смешно, то грустно
У Сенного рынка,
Где шпана Марусе
В бок воткнула финку.

Это все случится,
А пока – живая,
Охраняет фрицев
Баба постовая.

Махорочка

*«...Дым Отечества нам сладок и приятен»
А. Грибоедов*

Махорочка, махорка –
Отчаянный табак.
И сладостно, и горько
Пропах тобой барак.

Когда в тайге мы жили,
Забывши про «Казбек»,
То все тебя курили –
И конвоир, и зек.

Я, как в былые годы,
Отвык от сигарет.

Вдыхаю дым свободы –
Махорочный букет.

Россия дышит тяжело,
Отчизны горек дым –
Последняя затяжка
И мертвым, и живым.

Уцелевший

*Памяти деда моей жены
Александра Александровича Попова*

Почти всю жизнь он ждал,
Когда за ним придут,
Припомнят те года,
С конвоем уведут.
Он жил не с кондачка –
Лоялен к власти, но
Служил у Колчака,
Пускай давным-давно.

Сосед в глаза глядит,
Сомнение берет:
Далеко ль до беды! –
Уже который год
Пытается забыть
Хабаровск и Харбин.
И нет страшной судьбы,
Когда в душе один.

А город все же рос –
И дети, и дома.
Ни страха нет, ни слез,
Ни слуха, ни письма
От тех, кто рядом с ним
Тогда ушел в поход.
А в памяти Харбин
Уже который год.

Все ляжем на погост,
Все отойдем во тьму,
Но есть один вопрос:
Какой погост кому?
Те минули года,
Не унеся беду.
Всю жизнь свою он ждал,
Когда за ним придут.

С. Н. Селивановскому

Мальчик, снимающий город:
Улицы, парки, людей –
Шарфиком кутает горло
Он на ветру площадей.

Город – сплошной частный сектор,
В камне лишь центр да завод...
Чувствуя важность объекта,
Он объектив ответит.

Щелк – парходик отчалил,
Щелк – это мы на ходу
В радости или печали
В сорок девятом году.

Мальчик, снимающий город,
Не для истории – так,
Снимков хранящихся ворох,
Где каждый дом и барак.

Вот парход «Красный сплавщик»,
Красный полощется флаг...
Время идет, только мальчик
Не постареет никак.

Щелк – парходик отчалил,
Щелк – это мы на ходу
В радости или печали
В шестидесятом году.

Нет бы, нам остановиться,
В город всмотреться свой, но
Мы все листаем страницы,
Крутим немое кино.

Вечен маршрут и беспечен:
Город, завод или дом...
Что же мне плакать нечем,
Если листаю альбом?

Щелк – парходик отчалил,
Щелк – это мы на бегу
В радости или печали –
Вспомнить никак не могу.

Семейная фотография

Вот это улица моя,
Вся деревянная, заречная.
Смеется женщина беспечная –
Вот это мама. Это – я...

Шестидесятые... Весна.
Семья позирует для фото
На фоне простыни, к воротам
Которая прикреплена.

По моде тех веселых лет
У брюк отогнуты манжеты,
Обуты ноги в сандалеты...
И вот – готов фотопортрет.

Пригладит время нам вихры,
Изменит адрес и прописку,
Закинет далеко иль близко
Из той обманчивой поры.

Мы замороженно глядим
Со снимка прямо в бесконечность...

Бреду по улице заречной,
Не нужен никому, один.

Запах сдобы от семейного альбома –
Пахнет сладко и немножечко печально.
Разбежались, разлетелись и нечаянно
Растеряли близких и знакомых.

Ждет автобус пассажиров ранних,
И еще всю щебечут птицы,
Но уже незримые границы
Делят нас на ближних и на дальних.

Мало было выдумать препоны,
Растерять родство или приязни,
Наблюдаю, как за ходом казни, –
У деревьев обрезают кроны.

Но весной распустятся их почки,
Пусть над ними провода и крыши,
А деревья все стремятся выше,
Шелестят листвою дни и ночи.

Как забыть о потрясенье нервном
И не думать о былой утрате?
Плохо жить на городском асфальте
Тянущимся к космосу деревьям.

Вот и мне сегодня неспокойно,
Что осталось от бывшего дома? –
Запах пыли от семейного альбома...
Улица родная незнакома.

Город мой

На семи холмах, как Москва,
Среди финских племен, как Питер,

Город мой не верит в слова,
Так что лишних не говорите.

Здесь над серым лицом пруда
Рыжим чубом дымы взметнулись...
Сосчитайте его года
И всмотритесь в морщины улиц!

Растворится среди веков
То, что мы растеряли сами:
Жалко старых особняков
И наличников с якорями.

Там цветет в палисадах сирень,
И черемуха – повсеместно.
Тротуары скрипят весь день
В деревянных улочках детства.

У него не столичная спесь –
И в домах, и в знакомых лицах,
Город мой не падок на лесть,
Что таится в газетных страницах.

На семи холмах, как Москва,
Среди финских племен, как Питер,
Город мой не верит в слова,
Так что лишних не говорите.

С.Д. Горбунову

Вот центр души городской,
По-детски наивно гордящейся
Собора казенным изяществом,
Парящим над самой толпой!

Вот центр души городской,
Тут сінета, там – филармония.
Гармония или ирония
В той улочке полупустой?

Вот центр души городской,
Дома возле площади скучены,
Измучены парочки тучами,
А день как назло выходной.

Вот центр души городской –
Подарок неожиданный прохожему,
Такому на город похожему,
Что ясно: он в городе – свой.

Вот центр – магазины, музей...
Слоняйся по улицам города,
Из летних кафе незадорого
Часами на город глазей.

Вот центр души городской...

Улица Свободы

С. С. Дерендяеву

Мы на улице Свободы
Проживали наши годы –
Там, где разные народы
Поселили в общий дом,
Где Отчизна всем знакома
От двора до гастронома,
И ларек манил нескромно
Разговорным языком.

Мы на улице Свободы
Вдоволь видели природы.
Все Победой жили гордо,
Хоть прошло немало лет.
Где вы, пленные мадьяры,
Что дрова пилили рьяно?
Все-то нам казалось – рано,
Да эпохи сгинул след.

От «Улыбки» или «Старки»
Поцелуи стали жарки.
А еще там были марки,
Что дарил сосед-моряк.
И за то спасибо Шуре,
Сверхсекретнейшей натуре –
Вы бывали в Сингапуре? –
Ну, а Шура – только так!

Где та улица Свободы,
Детства голубые своды?
Ресторан под боком – «Отдых»,
Еще нет кафе «Пингвин»...
Даже если с переплатой
Не купить билет обратный,
И – свободный, бородатый –
Я стою совсем один.

Алексей Николаевич

Памяти оружейника А. Н. Вознесенского

Жил да был Алексей Николаевич,
Дом второй от пруда.
Мы с дружкой у него гостевали и
Беседовали иногда.

Переулок Широкий – не Узенький,
Где-то возле небес.
Он не жаловал громкую музыку,
По душе был Бернес.

Хорошо как в домашних нам тапочках,
Пышет печка теплом.
А в комодке крестильные карточки
Еще с древних царских времен.

Но хозяину, знать, мы потрафили –
Все богатство на стол!

И глядим мы с дружкой фотографии,
Лет которым под сто.

Но пока над эпохой мы охали,
Что-то в мире ушло.
Алексей Николаевич, плохо ли,
Коль сидим втроем хорошо?!

Не растут на березах здесь финики,
А завод – навсегда.
Алексей Николаевич, миленький,
Да куда ж вы, куда?!

Ах, как слушалось нам с другом в доме том,
Ах, как жилось легко!
Только жаль, все потом вдруг пошло на слом,
Как в сражении полегло.

И выходит, как будто здесь не жили,
Переулок чужой.
Алексей Николаевич, где же вы? –
Говорю сам с собой.

В. Фролову

За разговорами, долгими спорами
Так и живем мы – то встреча, то проводы.
Вечно брести нам с тобой коридорами
Этого древнего, юного города.

Вечер за вечером – вечные бусины,
Перебирай эти четки небесные.
Месяц за месяцем – только не грустно нам,
Что мы с тобой на земле все не местные.

Гулко аукнется голос прокуренный.
Что же вымучивать строчки нелестные
В адрес отчизны, с фасада припудренной,
Где во дворах только стены облезлые.

За разговорами, долгими спорами
Так и живем мы – то встреча, то проводы.
Вечно брести нам с тобой коридорами
Этого древнего, юного города.

В маленьком городе

Маргарите Зиминной

Трудно поэту жить в маленьком городе,
В маленьком городе множество глаз.
Здесь на поленницах снежные бороды,
В маленьком городе все напоказ.

Даже семейные беды и горести
Знают, наверно, в квартире любой.
И обсуждают все местные новости
Запросто – Вера, Надежда, Любовь.

Трудно поэту жить в городе маленьком,
Здесь он со всеми знаком.
Вера, Надежда, Любовь ходят в валенках
И поутру топят дом.

Если захочешь, поставь многоточие,
Только вот кто упрекнет их в грехах?!
Вера, Надежда, Любовь и все прочие
В душах живут и стихах.

Грахово

Видно, вправду мирозданье
Покачнется без него,
А иначе – что ж так манит
Это старое село!

Я историю листаю –
Тянет в омут с головой...

Где же ты, душа живая,
Да и есть ли кто живой?

Нет уже того уезда,
Изменилось все давно.
С кем живет теперь Надежда
Или Вера – все равно...

Но в одном уверен вновь я,
Здесь остались навсегда –
И Любовь, и мать их Софья,
Без которых никуда!

Потому как только мудрым
Открывается любовь...
Двести лет восходит утро
Над селом и будет вновь.

И пускай полынью терпкой
Пахнут местные поля,
Здесь на родословной ветке
Где-то почка есть моя.

Грахово. Правленский сад

Валерию Грахову

В этом селе терпко пахнет полынью,
И над рекой полуденный свет.
Прошлого след не отыщется ныне
Там, где тропой ходил много лет.

В старом саду не играет оркестр,
На пяточке не толпится народ.
С прошлым в ладу здесь один только ветер –
Что он еще нам с тобой донесет?

Ветер напомнит минувшего даты,
Прошлого века людей имена.
И отзовется вдруг эхом стократным
Милая сердцу моя сторона.

Слышишь оркестра мотив деревенский –
Что он играет из прожитых лет?
Помнит о многом сад наш Правленский,
Пусть волостного правления нет.

Многого нет, многих нет нынче с нами,
Время уходит водой из прудов.
Помнишь, сюда приходили с друзьями? –
Сколько с тех пор миновало годов!..

В старом саду не играет оркестр,
На пятачке не толпится народ.
С прошлым в ладу здесь один только ветер –
Что он еще нам с тобой донесет?

В имени художников Сведомских

Снова березы надели косынки,
Ветви согрев от зимы.
Но а художников тянет к России
От итальянской земли.

Рим и Венеция всеми воспеты,
Сколько ты их ни пиши!
Тянет художников русское лето
Где-то в прикамской глуши.

В сене и дегте нисколько не смысла,
Вникнут во все там и тут.
Ладная девка идет с коромыслом,
Сети крестьяне несут.

Лето в разгаре, а телу не жарко –
Смыты усталость и пот.
В Лету впадает речка Камбарка,
Лодка по пруду плывет.

Так бы и жить им до старости самой,
Время зимы позабыв,

Но ни Камбаркой, ни даже Камой
Не уплывешь от судьбы.

Так бы и жить, не жалея, не плача –
Краски и пристальный взгляд,
Только на кладбище римском Тестаччо
Наши художники спят.

Снова березы надели косынки,
Ветви согрев от зимы.
Новых художников тянет к России,
К краскам родимой земли.

Пленэр в усадьбе Сведомских

Извечно таинство пленэра,
Когда художник слит с природой,
Когда ни школа, ни манера
Уже не делают погоды.

Здесь дом, похожий на корабль,
Два века место обжитое.
И в тридцати верстах Сарапул,
Притихший где-то за рекою.

Мелькнёт паром «летучей мышью»,
На переправе нет народу.
Ну, а хозяин просто вышел —
В саду рисует непогоду.

Он был бы рад под крышу дома,
Да в нем другие постояльцы.
И раздаётся смех с балкона —
Того гляди, покажут пальцем.

Уже расставили посуду,
И водка пьется под огурчик.
Последний луч скользнет по пруду
И отразится в медных ручках.

Новое время, новые люди,
Может, и нас потом не осудят.
Что же грустишь ты полвека
в краю родников?!

Осенние размышления о потопе

О.Р.

Через осенние дожди,
Через Казань, через Сарапул
Ты на меня не ворожи,
Пока еще звезда дрожит,
Пока я не взошел по трапу,
Хотя давно готов ковчег,
Да голубь с вороном в раздоре...
И я – последний человек
На стыке всех земных историй.

И, выйдя в тамбур покурить,
Под тусклой звездочкой вагонной
Вдруг рвешь связующую нить,
А небо продолжает лить
На стол страны огромной.
Пасьянс из листьев на земле,
Не разберешься в серой массе:
Вон там король, а там – валет
Чертовой иль бубновой масти.

Через осенние дожди,
Через Сергач или Калугу
Ты на меня не ворожи,
Пока еще звезда дрожит,
И жизнь моя бежит по кругу.
Но вот уходит мой ковчег
Куда-то в сторону Европы...
И я – последний человек
Из тех, что жили до потопа.

Через осенние дожди...

Беспризорная русская речь
На просторах страны затерялась.
Остается поэтам лишь малость –
Хоть частицу ее уберечь.

Будет снежною хрупкою сечь,
Опрокидывать ветром в потемки.
Кто бы знал, что в родимой сторонке
Так причудлива русская речь!

И, премудрости книжной учен,
Я под крышей случайного крова
Вдруг ловлю стариковское слово,
Понимая, что сам ни при чем.

Ни при чем, ибо верил другим,
Тем, кто в радио-, телеэфире
Рассуждал о России и мире,
Но не видел такой вот пурги,

Не сидел на завалинках изб,
Не крутил самокруток в беседе –
По России на велосипеде
Проезжал, как обычный турист.

Словно грозный, неведомый лик,
Будто церковь в житейском болотце
Или звезды дневные в колодце –
Зачарует вдруг русский язык.

Станет ясно, тоскуем по ком –
Колобродим, беснуемся, любим,
Чтобы сжатые дрогнули губы, –
Значит, вечно отныне живем.

Владимир Фролов

Родился в 1957 г. в городе Сарапуле. Образование среднее. Некоторое время учился в Механическом институте г. Ижевска (ныне ИжГТУ) и на филологическом факультете Удмуртского государственного университета. Работал фотографом, грузчиком, сторожем, портным.

Публикуемые тексты воспроизводятся по источникам: «Дыханье» (Ижевск, 1997), «Луч», сайт «Поэзия.ру».

«Этот мир, на тебя безрассудно похожий...»

Моя жизнь

О. Ц.

Это может быть вера с надеждой
или сладость последнего срока
На прощанье с любовью нежной
или же нелюбовью жестокой
Это может быть стойкая жажда
сумасшедшего позднего счастья
Это долгие дни что однажды
перестанут идти или мчаться
Это можешь быть ты на закате
Аллилуйя мой Бог Аллилуйя
Это наши святые объятья
наши зыбкие поцелуи
Это наши сожженные лица
то ли временем то ли войною
Это может и не случиться
и спокойно пройти стороною

Это могут быть детские письма
и весенние хрупкие звуки
И осенние нервные листья
и твои драгоценные руки
Это все и священный твой голос
и насмешливый смех серебристый
Это мною украденный волос
баснословный и золотистый
Это и беззаботная прелесть
твоего долгожданного тела
Это дни что давно мне приелись
это ночи без сна и без дела
Это крепкий томительный запах
верный запах созревшей ромашки
Это север и юг это запад
и восток без крапленой рубашки
Это поезд в далекие страны
увозящий тебя почему-то
Это вспыхнувшая и так странно
не кончающаяся минута
Это летняя ночь Мендельсона
это траурный рокот Шопена
Это все чем я жил незаконно
и узнал свою нищую цену
Это может быть новый порядок
неудавшейся начисто жизни
Это ветер полыни так сладок
и тоска по тебе как отчизне
Это память моя или совесть
это все чем владею на свете
Это честная скудная повесть
о пропавшем счастливом билете
Это бархат твоей светлой кожи
это и мотылек над водою
Это все что на счастье похоже
но впервые зовется бедою

На барометре сухо и ясно
и земля замирает от жажды
Это лишь оттого и прекрасно
что проститься придется однажды

Только это не канет не канет
в глубину потемневшего неба
А всегда и найдет и достанет
где б ни жил я и кем бы я не был.

Еще позавчера шумел камыш,
Сейчас в печи трещит, искрит и рвется,
Но греет – не декабрьская ли тишь
Свободой долгожданною зовется...
И под руку российскому уму
Предпраздничность безветрия, безвестья,
Безвременья – отчасти потому
Душа хмельная снова не на месте:
В кустах, крестах с молитвой на устах,
Снегах чужих, пустынях раскаленных,
В бегах иль соблазнительных местах,
Не столь родных, насколько отдаленных.

Словно бублик на жарком песке
(Волга-реченька, не в обиду) –
Загораю на Каме-реке,
Простодушно исчезнув из виду.
Кроме фруктов, небес, овощей
Ничего в мире не замечаю...
Но сердитых язят да лещей
И кормлю, и порой улещаю.

Гляну вдаль – ни хрена не пойму.
В душу свистну – ни дна, ни покоя.
Ветерок одинок по уму
Да винишко полусухое,
Да великая Кама-река,
Простоватая, словно тальянка,
Или беженка-Малика –
Персияночка-полонянка.

Бурлаки не грозят бечевой...
Ох, невольная душка-свобода!
Ах, дымок горьковат кочевой!
Ух ты, матерный трепет народа!
И дубинушка ты не моя,
Просвистел я тебя и прошляпил...
Ухнем, щедрости не отмоля,
Эх ты, Федор Иваныч Шаляпин...

К закату свободна река и наивно темна;
А тронешь ее – небеса пробегут чередою
Ночей близоруких – качнется спросонок луна
Под ивою сирой – затрепетавшей водою.
И дрогнет осинник, краснея, живой и живой –
Так охолопись, стгоряча наугад растирая
Бездомное сердце колючей октябрьской травой
В апостольском инее засветло щедрого рая.
И пусть холода и гонимые – кем? – небеса
Пустырником жгут и крапивой холеные руки –
Поземка, котомка, полынь, полынья, береста –
Закат на лету рассыпая в рассветные звуки...

В развалинах ютятся облака.
К весне на перепутьях, перевалах
Пристанищем открытым облекла
Часовенка и стариков, и малых.
Прохладно сердцу и пустым рукам,
Как будто в мерзлоте – каменоломне –
Доверься свежести и островкам
Небес в освободившейся часовне.

Ведь подзаборный отдохнет пиит
В развалинах и мартовском кювете –
И снег, как мост, над вечностью скрипит,

И облака – несбывшиеся дети –
Из озорства сумеют по пути
И любопытства приостановиться,
Чтоб за руки тебя перевести –
Сомлевшего шута и ясновидца.

На садик мой не напасешься краски,
Чтоб выделить хотя бы колорит.
Шиповник ли, анютины ли глазки,
Лазурь и охра – все огнем горит,
Трепещет, рассыпается и тает
В непослушанья гордой нищете,
Пока случайно жизнь не обретает
Рассвет на снисходительном холсте.

Художества дремучее тиранство
И редкое глухое торжество –
Расшевелив спокойное пространство,
Перепугаться щедрости его –
И ветром ускользая над долиной
Иль пеплом по дороге столбовой,
Земле оставить непоколебимый
Испуг небес, покинутых тобой.

Запомнить и забыть вчерашний кавардак.
Квартирка в хрустале после веселой пьянки,
И, Боже мой, какой безумец и дурак
Не перебил часы – как судовые склянки.

А как же был хорош в шампанском ананас,
И персики нежны и холодны, как хлопья
Воинственной зимы, и ангелы на нас,
Завидуя и злясь, глядели исподлобья.

А мы, судьбу свою доверив небесам,
Умеющим хранить живой, медвяный, хлебный
Свободный вздох земли, цедили – как бальзам –
Спасительный портвейн, грошовый, но целебный.

Так выпьем за любовь и скомороший дух,
На молодом спирту настоящий, высокий!..
Да было б все как есть – ни жалоб, ни прорух,
Да в небе облако – иль ангел одинокий...

Эх, где-нибудь в туретчине, в кофейне
Пить кофе, не мечтая о портвейне
Домашнего, казанского разлива,
И улыбаться солнышку, и живо
Очухаться среди роскошной вьюги –
Ни мокко, ни портвейна, ни подруги,
Ни Ирода, ни счастья, ни Хусейна
На снежных волнах камского бассейна.

Не меня привечает столица.
И свое отбродив, неспроста
Я не вижу, куда прислониться,
Приторчать у какого куста.

На гулящих московских вокзалах
Под прицелом пространства стою –
Я – пылинка из многих, из малых...
Но выстаиваю, не сдаю –

Общежитие, табор, больница,
Каталажный нежданный покой...
И меня провожает столица
Не икоркой, так коркой сухой.

Свет дорожный площаден и резок.
И пред ним, в ожиданье вины –
Привередливый лишний довесок
И хребет беспощадной страны.

В стране беззащитной правители холят обжор,
А лишним скитальцам шутя подсыпают отраву
В стаканы и плошки. Дремучий какой дирижер
Здесь палочкой машет – по важному чину и нраву?
Не зря иногда задерешься бежать второпях
Из шумной харчевни – не допив, не перекрестившись,
В дверях усмехаясь: – Ты славно зажился в гостях,
На воле затейливой и дармовой загостившись...

И в ночь пропадаешь надолго, сама простота
И щедрость блаженного неутоленного духа,
Дурачась в сердцах: – Неужели не ждет у Христа
За пазухой честная стопка и хлеба краюха?..

Бежать так бежать – под невинный пастуший рожок,
На вызов гобоя, за трепетом меркнувшей флейты...
И лучше весною, безумно наивный дружок,
Где пазухи листьев так гостеприимны и клейки.

Но кто утвердит, что вернее – сума иль тюрьма?
Так чашу дохлещем и общую участь разделим,
Как добрую Францию ветреник Гаргантюа
Любезно делил с обездоленным Пантагрюэлем.

Сограждане не спят в ночи субботней,
А двери запирают на засов,
Пока гуляет по-над подворотней
Проворная орава Гончих Псов.
Слегка утихомирилась малина
И ни души – ни Бога, ни воря...

Во рву калина, словно балерина
В отставке, среди хлама и старья.
Давно ли по сомнительным бумагам
Здесь правит Демос, как бухарский хан,
Да призрак коммунизма с белым стягом
Лакействует, пугая горожан, –
Смущая горсткой древнего изюма,
Подсушенной и пущенной в обрат,
Когда иссякнет ночь и жизнь, безумна,
Врывается в обетованный град –
В терновый мир, изнеженный любовью
По балочкам и потайным углам,
Где утром продают бифштексы с кровью
И хлеб с грехом полночным пополам.

Не удивляйся – сущее всего лишь
Закланья агнца временный обряд,
Потерянный среди игрищ или сборищ
Юродивый неведомый собрат.
И все мы, видно, калики, уроды,
Чтоб задыхаться в воздухе пустом
В объятьях крепких сладкой несвободы,
Очнувшись под калиновым кустом.

И ты, наверняка, эпикуреец,
В аду купивший место за трояк,
Под тесным и великим сводом греясь
Среди волхвов и царственных бродяг.
И что тебе гремучие запоры
И желтые зрочки полночных псов,
Когда мечтаний розовые горы
Бегут под парусами облаков,
Спешат, как после судорожной пьянки
Работники по семьям и домам...
И падают, дрожащие подранки,
К равнинам вольным и родным холмам.

Уснули рынок и завод,
Степенный и лихой народ,

И небоскребы, и бараки.
Юдолью худа и добра
Гуляют звезды до утра
И беспризорные собаки.

Спит пограничный караул,
И Кремль с устатку прикорнул
Священным нищим-городничим.
Слетишь с последнего ума –
Храпят и люди, и дома
В непротивлении привычном.
Кому веселья ни повем –
Не растревожу, и зачем?
Безмерны глупости гадаю:
Почто не вою на луну,
Ленивую свою страну
Во сне почто не покидаю?..

Гудки и хрипы тепловоза
С утра, как водится, не в тему...
А здесь официантка Роза,
Похожая на хризантему.

Передник, желтенький кокошник,
Глаза, как синие кулисы...
И будь я барственный киношник,
Свежее б не искал актрисы –
Ругательства и комплименты,
Приязнь к навару и буфету,
И подгулявшие клиенты,
Сходящие на нет, как в Лету.

Пускай служанка недолива
Наполнит новую рюмашку –
Я закажу вдогонку пива,
А Розе поднесу ромашку –
За слабость или своеволие,
За то, что Роза-хризантема

Царит над грешною юдолью
Звездой ночного Вифлеема.

Слегка подсохший бутерброд
И важный запах пива с воблой...
В пивной потерянный народ,
Сговорчивый и полноводный.
Крутая горечь сигарет.
Мысль широка, неприхотлива –
Бессмертных нет и смертных нет –
Есть пара крупных кружек пива.

Взломаченный святой народ
Кругом, а не пивная пена,
И дым течет наоборот
И утончается степенно –
И посреди пустынных глаз
В сыром кутке у тети Липы
Ты вновь калиф, пускай на час,
И пообок – одни калифы!

В городских беззаконных и тесных дворах
С темнотою звенит вопиющего глас.
Беспощадный – совсем не за честь или страх –
В наказанье, прощенье, надежду, отказ?..

Только черта какого бродяга орет,
Когда время владычествовать соловью,
И согражданам восхитительно врет,
Как шалил пилигримом в аду и раю?..

Что рулады его... В клетке и под замком
Жизнь – малиновка, пеночка, Божия тварь –
Бьется, летится, колеблется флейтой-дымком,
Разоравшегося удивляя едва ль.

Куда бегут тропой шакалы и верблюды –
Туда и жизнь спешит, на первый водопой,
Чтоб жажду утолив с ладони без посуды,
Счастливо подмигнуть сумятице мирской.

Средь наций и племен недолго обознаться,
Чья верность времени свободна и груба –
Какого рубежа искать и с кем брататься,
Коль не с кем разломить дорожные хлеба.

Поделится с тобой, рассеянный мой ослик –
Ты вовсе вислоух – попробуй обмани
С поста иль голоду – покой вернется после,
Когда сбегут домой скитальческие дни –

Найдется водопой у караван-сарая,
Чтобы обоим нам в охотку выбирать –
Чью волю дать себе в пустых предместьях рая
И сладко умереть, не смея умирать.

*И петь тебе дано о реках, вспять потекших,
и о мостах, воздвигнутых на них...*

Плиний Младший

Когда к тебе полоска света
заглянет из-за штор с утра
И подтвердит границу лета –
не обольщайся, что пора...
И, пасынок второго Рима,
о Риме третьем не грусти,
Блуждая мысленно и зримо
по августвующей Руси.
Пусть твой наперсник, славный, явор
темнеет больше от того,
Что ты, ученый бывший варвар,
не обрываешь ничего

В похолодевшем доме, в мире –
и уморительнее нет –
Арабской, римской ли цифири
из бездны или в бездну лет.

Дни августа тебе поближе
Декабрьских – и какие дни!
Не фантазируй, посмотри же,
куда отправятся они.
И утренник вещуньи Анны
да будет холоден и тих
И набормочет вьюжный, странный,
пространный, слишком зимний стих,
Неосторожный и колючий,
жестокий, как февральский наст,
Прекрасный, как счастливый случай,
нас избавляющий от нас.

А эта слабая полоска...
иль нить. Прими ее, смеясь
Над временем, решившим броско
тобою обозначить связь.
И обернись к началу лета –
а вдруг за молодым, за ним –
Такая же полоска света,
и розов мир, и обозрим:

И самый первый Рим разрушен,
второй – на радостях спился,
А третий – юн и безоружен
и презабавное дитя.
И ты – его послушник, данник,
и скоморох, и – пилигрим,
Из Рима первого изгнанник
и мести преданный вторым,
Но не дорвавшийся до мести
на вешем празднике свобод,
Как будто не тебе известен
из Рима третьего исход.

Чем хитро напрягать судьбу-химеру
Загадками скитаний, аки песен,
Доверимся банальному размеру,
Где тесен мир, и беззащитно тесен.
На перевале подвигов-бездействий
Болят и ноги, и чужие раны...
Босяк Овидий грузится в Одессе,
Акрополем любуясь, на каштаны.
Изнеженный в объятиях славянки
И празднично смеющейся вишневки
Да отрешенной иволги-сливянки,
Рад принимать обноски за обновки.
Какому побродяге не разумно,
Прощаясь с жизни лишней половинкой,
Дни выбирать из пригоршни изюма
С оскоминой и верною кислинкой.
Кивни востоку – жулик Марко Поло,
Кому нажива-Индия порукой...
А северу – и грянет из-под пола
Монгольской Русью и китайской скукой.
Вотще пиры, столетия, раздоры.
Братушка Авель, кто не бедолага,
Когда одни заборы-косогоры
С позорами, как нежная бодяга;
Когда еще не предан и не предал,
Но попытайся раз остановиться:
Добра и зла по совести отведал
Спаситель каждый и братоубийца?..
Слышать, в Калькутте помирать не страшно,
Опередив щенячьи виновато
Улыбку в утешение и брашно
От первого погубленного брата.
Грехи отмажут Шива с Кришной-Вишной
Меж Семиречьем и Тмутараканью,
Покуда бродит клюква сливой-вишней
И льется кровь морозной гулкой ранью...

*Командированный к тачке острожной...
Осип Мандельштам*

В болотный северный полон
Или таежный кольский роздых
Торопимся и воздух пьем
Взамен винца – холодный воздух
С горячим – словно бы ерша –
Припоминаньем краткой воли...
Малютка, нищенка, душа –
И ты из перекатной голи.

Уже не светит, не свербит.
И, громыхая как калека,
Наш поезд мчится за Ирбит
Во славу сломленного века,
Во глубь сибирских пустырей...
И, словно с чифирочком кружка,
Хоть ты нечаянно согрей –
Фуфайка, нянюшка, дерюжка...

Верную махорочку курю,
Чист и грешен, словно первый снег;
Сладковатый дым боготворю –
Нищий первозданный человек.

Что могу поведать о других,
Коли и себя не помню я...
Боже мой, из бедных рук Твоих
Как сладка махорочка моя.

И когда отправлюсь на покой
В кепочке, одетой набекрень,
Дай мне силы слабою рукой
Не цепляться за грядущий день.

Чтоб уже на день сороковой,
Откровенно – прежде чем вздохнуть

Напоследок – терпкой, заревой
Горестной махорочки курнуть.

Все проходит. Однажды, не горбясь, пройдет
Этот мир, на тебя безрассудно похожий;
Камень в пропасть отбросит с дороги прохожий,
И исполнятся сроки в свой час и черед.

Не случайно надменный мудрец Соломон
Облегченно крутил утомительный перстень –
Он-то знал: жизнь проходит среди женщин и песен –
Райских птиц и сварливого множества жен.

И призненный мир возвращая векам,
Ты отметишься здесь утоленным дыханьем,
Обращаясь по сроку – сгорающим камнем
К нищим звездам и странствующим облакам.

Памяти Александра Сопровского

С утра, с понедельника новая жизнь,
А ты и при ней ни при чем –
Подкинут иль выброшен, но задержись,
На свет опираясь плечом.
Поди догадайся – какой сумасброд
Горячечный мир посвятил
Горячей надежде, а веры оплот
В непрочных сердцах поселил...

О Господи Боже, единственный мой
Хозяин окрестностей сих,
Где зябко с утра пробираться домой
На слабых своих на двоих –
С угла беззащитно бутылки звенят
Как судьбы, как колокола...
И дрогнешь – не по тебе ли звонят
И помнят тебя не со зла.
Порыву доверившись и хрусталою,

В нестойкой толпе у ларька
Спроси огонька и услышишь: – Люблю,
Присядь, коль тропа далека?!

А сборщик пушнины прохожему рад,
А выпьет – ну прямо святой
Папаша, влюбивший на чай забирать
То сребреник, то золотой.
Бряцающий звон этот по вечерам
Младенцев выводит дурить,
Коль плотник, забросив с фундамента храм,
В тенечке присел покурить.
И на солнцепеке, как на волоске,
Не шастая в ленную тень,
Мы царствуем – строим дома на песке
За выпивку, за трудовень.
Прислушайся – каждую цепкую ночь
Колотятся наши сердца
И бьются, как блюдца, и снова – невмочь,
Но стоит терпеть – до конца.

Как видишь, строителей целая тьма,
И кто б нас, сердешных, простил?..
О Господи Боже, с какого ума
Ты ждешь, выбиваясь из сил?..
При деле мы – разве что крана стрела
Гуляет сама по себе
В лазури шатровой, откуда легла
На плечи бродягам, и не тяжела,
И пусть не меня, так кого-то спасла
Лихая дорога к Тебе...

Какие редкостные дни!
Листва легонько пожелтела,
Но все еще не облетела...
Спаси, помилуй, сохрани
Привычку запросто уснуть
В открытом парке на скамейке,

Простынкою из бумазейки
Укрывшись ловко как-нибудь.

Властитель звездный, загляни
В растрепанную роскошь листьев
И запиши суровой кистью,
Как мы проводим эти дни –
Слегка испуганно живем
На нищем и прекрасном свете –
Твои кочующие дети
В непротивлении своем.

Владислав Шихов

Родился в 1972 г. в городе Ижевске. Окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета. В настоящее время активно занимается политической деятельностью в республике.

Автор трех поэтических сборников: «Тени», «Руны», «Блаженство расставаний».

Публикуемые тексты воспроизводятся по книгам: «Руны» (2005), «Блаженство расставаний» (2010).

«Но мы ведь языка не предавали...»

Дождь незаметен, но земля в глазах
темнеет между взглядами от Марка,
и в форточку, отверзнутую так,
как если чуть отклеенная марка,
доносит шум, обещанный с утра,
но явленный не сразу по карнизу,
как смех ведра спускаемого книзу,
как слезы вверх несомого ведра.
Сквозь толщу вод куда как донесешь!
Коль в дверь битком, тогда раскрыли кровлю
И опустили на постели дождь,
Ослабленный потерянную кровью.
Скажу тебе не так, как встань, ходи,
Возьми постель, скажу тебе иное,
Хоть мог бы так, но будет впереди,
Чем это изречение земное,
А потому восстань, возьми постель,

Ходи по водным улицам, но где бы
Ты ни ходил, пусть световой туннель
Над головой скитается сквозь небо,
Сквозь город, что, как ветхие меха
Вином бурлящим, надвое распорот,
Как хлебы предложения, стиха,
Неубранными съеденные в голод.
Скажу тебе не так, хоть мог бы так.
Продай, что есть. Раздай другим и следуй,
Как выше и предложено в строках,
Но ни суму, ни сменную одежду,
Ни медь с собою не бери за страх.
А все напластования сетчатки
Течением отмоются, как прах
И как на месте мести отпечатки.
Нет памяти о прежнем. Уж тебе
Не знать ли это – дикий мед с росой,
Но не оглядывайся при ходьбе,
Коль за тобою вслед, подобно рою
И веренице времени, легло
Пространство в дымке, что в господнем свете.
Так тайно прячут в землю, под стекло
Свои сокровища испуганные дети.
И то и дело ходят посмотреть.
Но трудно отыскать расположение,
Коль головокружительно из жизни в смерть
И невяжимо сопровожденье.
Стоишь, не зная, изнутри, извне
Ты смотришь, с той иль с этой половины,
За мальчиком, маячащим в окне,
Держащимся оконной крестовины,
Как центра мироздания всего,
За мальчиком, по своему хотенью,
Иль просто кто-то там позвал его,
Уже скользящим немощно – за тенью.

Выход

Беспамятные дни блаженнее, чем сон.
Вместимость горечи и радости донельзя.

Я вышел из себя, как будто вышел вон,
И в сад бежал сломя, и голосом отверзся.

И приложился бы к народу своему,
И вырвел бы всю я внутренность наружу,
Но азъ еще не есмь, но быть не посему,
Но я еще себя никак не обнаружу.

Когда же моего скитания клубок
Иссякнет наконец – какая перемена, –
Я встану в длительную очередь, как бог,
Как на ступень из метрополитена.

*А я уже там, где никто не поможет.
Но ты повторяй, повторяй, повторяй...
О. Седакова*

Сад ветренен, велеречив и страшен,
Я вышел из пристанища куда
И, светом фонаря едва окрашен,
Все больше погружаюсь, как звезда.

Без памяти роскошествуя, лето,
В конце концов, оставило скелет,
В конце концов, спасибо и за это,
В конце концов, ведь это тоже след.

Еще я жив во власянице стужи,
Хотя изжит и исключен, как ять,
Но, господи, как хорошо здесь вчуже
Среди деревьев деревом стоять,

Смотреть, как время добавляет ретушь
И так же крохоборется, как сад,
Хоть нет уже неистово, хоть нет уж,
хоть в Библии уже листы горят.

Но все одно – пусть ночью или денно,
В конце концов, дух глу́хий и немой,

В конце концов, еще скорбишь смертельно,
В конце концов, побудь еще со мной.

Как бурное allegro аллергии –
Мои воспоминанья дорогие.
Раскрыв утробу старого стола,
Перебираю, что рука смела
С поверхности в разверстую гробницу.
Из «Демона» десятую страницу
(Цитирую: «...в ее груди печаль»)
Давно пора бы выбросить, да жаль
Весь этот груз, собранье мелочей:
И отпечаток крови, уж ничей,
И колокольчик, уж без языка,
Со школьного последнего звонка.
Знакомые, забытые предметы,
Несущие в себе мои приметы!
Вот крошки листьев павловских дубов,
Рентгеновские снимки трех зубов,
Часы без стрелок, корпии, монеты
И акварельные твои портреты,
И слой за слоем здесь черновики.
Как почерк изменяется руки!
В числе последних – «Сад камней», потом
«И долго обнимаю тебя львом...».
Собрать бы все да за городом сжечь!
И раннюю испуганную речь,
И боле поздний дерзновенный голос –
Что страдало, надеялось, боролось.
А впрочем, лень. Оставлю эти мощи
Нетленными в пределах вечной ночи.

Кенотаф *

Morituri te salutant

Растратив нить сурово, как иголка,
Измученная плотным полотном,
По истеченье данного мне срока
Я возвратился в позабытый дом,
В котором не был уж не знаю сколько.

Привет тебе, ижевская хрущоба,
Идущие по Пушкинской тебя
Приветствуют гортанно и особо,
Как в водосточную трубу трубя,
И эхом отзывается утроба.

Как хорошо, что выжили две вербы,
Посаженные бабушкой моей,
А в комнатах так вкусно пахнут хлебы,
Как трапеза полуденных теней,
И мне бы с крупной солею, и мне бы...

Но, господи, но что это за морок!
В моем углу обожжена стена,
И к ней земля, наверно ведер сорок,
Заботливой рукой принесена
И аккуратно сложена в пригорок.

Замшелый камень врос до половины
В него, как будто память обо мне,
Пропавшем без вести главой повинной
В чужой гиперборейской стороне,
Где дни неторопливы, как пингвины.

Такие камни воздвигают с воем,
Чтоб наконец гонимая душа,
То южными с душистым их упоем,
То северными бурями дыша,
Забвением смирилась и покоем.

* Кенотаф – пустая могила, воздвигавшаяся по обычаю умершим на чужбине и непогребенным. По представлениям греков, непогребенная душа не может попасть в Аид и там найти успокоение.

Слова

Когда язык народа моего,
Не растворяя уст, в моем подобье ходит,
И дом вечерний пуст, и я забыл его,
И ничего уже не происходит.

И вижу я, как видящий во сне,
Холодный город, весь в огнях пчелиных.
И, словно слово устаревшее оне,
Как призраки, несут прозрачные личины –

Как дороги тогда случайные звонки,
Попавшие неведомо каким же.
Куда их занесло? Какие позвонки
И крылья исполинские все ближе!

И, ощущая, как неодолим
Поднявшийся над головою ветер,
Я отвечаю голосом другим
На имя чуждое, на «добрый вечер»:

Положишь трубку, я тебя убью
И кожу разрисую, как папирус.
Я терракотовую армию свою
Пущу в тебя, как атипичный вирус.

Внемли моим. И к черту прикуси
Свой надоедливый, свой комариный.
Anathema тебе. И боже упаси.
Не говори. Не трогай Камарины*.

Куда как низко ты способен пасть!
И так твои шевелятся, как мухи,
И делают зловонной эту масть,
Которой дышат царственные духи.

* Камарина – греческая колония на юге Сицилии, во время Первой пунической войны захваченная и разрушенная до основания римлянами, будто бы вследствие того, что жители Камарины не помнили предостережения Дельфийского оракула и осушили болото, преграждавшее римским войскам путь к городу.

Познай, что лучше для тебя и нет
Молчания. Я все тебе прощаю.
Я, мертвых исполняющий завет,
Прощальные проклятия вещаю.

Иссяк источник крови. Съеден мед.
Иссохли горние на древнем древе.
Они теперь пусты. Никто в них не живет.
Никто не носит в материнском чреве.

Никто не знает, что они пусты,
Что ничего уже не происходит,
Что через бесконечность пустоты
До нас последний поздно свет доходит.

Возможно, где-то существует город,
Как отпечаток Тот на плащанице той.
Там слабое тепло в себя вбирает холод,
Пока еще бредешь по улице пустой,

Покуда издаешь «Теней» за нотой ноту
В произведении забытом и чужом.
И, словно муравей, не сдвинув ни на йоту,
Толкаешься в живот и лезешь на рожон.

И в иступлении реवेशь уже не слово,
Уже не знаю что. И отвечает вдруг
В порыве ветра, как осенняя дуброва, —
И вифлеемский свет, и гефсиманский звук.

И видишь, что весь град взошел встречать на кровли
И в трубы возгремел, ликуя горячо.
И безобразный сын, и темный брат по крови,
И плачешь, не стыдясь, и плачешь, и еще...

И осени замешана палитра.
И вечера. И ты уже никто.
И нет тебя. За пазухой пол-литра
Имеется увесисто зато,
И рукава довязанные свитра
Длиннее, чем у старого пальто.

И, словно кисть, воспоинаешь город
Жалчей своих нахлынувших обид.
И, заложив отчаянно за ворот, –
Пускай внутри и светит, и горит,
Когда вселенский повсеместный холод
Притягивает верно, как магнит.

Дома стоят – читай как саркофаги* –
Буквально с греческого – все в крови.
Какие мы с тобой, душа, варяги!
На урну встань и со стены сорви
Трепещущие траурные флаги,
Сигнальные флажки надежды и любви.

Пусть чудится – народ шумит, как море,
И хлопот парусов, и с мачты ноября
Соленое пропитанное горе,
Как альбатрос над бездною паря,
Участвует, как ровня, в разговоре,
На флажном языке заговоря.

Сквозь острый страх на рострах, через силу,
Сквозь зябкой хляби рокот роковой
Под знаменем сим пой, пойми, поймилуй
И сполохи огня, и волн гортанный вой,
Вселенную, и бурю, как сивиллу,
И позабытый голос детский свой.

Пусть этого уже теперь не будет –
Похерить бы, забыться и забыть.

* Саркофаг (греч.) – букв. пожиратель мяса.

И мама утром сына не разбудит,
Чтоб снова быть, и быть, и быть, и быть.
И с оцтом губка, и уходят люди
Последнее событие избыть.

И ты иди, душа, иди же с миром.
Спустись по трапу молча с корабля.
Пусть пахнет так и ладаном, и миррой,
Пусть принимает мерзлая земля,
Пусть навсегда останется пунктиром
Наш долгий путь на карте бытия.

*И сказали они: построим себе город.
Книга Бытия, гл. 11*

Живу в чужом столетии, в чужом
Отрезке времени и провожу ножом
По голове, и падают на землю
Отросшие частички за неделю.
Здесь дерево потом в палящий день
Поднимется – спасительная сень,
И сядем мы в тени увидеть, что случится
С гордыней города, торчащим, как ключица,
Вспонимая каждый об одном,
Ты в том столетии, а я в другом.
Когда ж в историю прорвется истерия,
Я обниму крылом тебя, Мария.
Вот именно, что «Ма», и «ри», и «я».
Во время разложения Бытия
Ты тоже напоследок помяни мя,
Как я твое под спудом неба имя.

Переселение

И мы с тобой в поток переселенья
Вошли и вышли на чужой песок.
Как перепись проводят населенья,
Стирают волны отпечатки ног.

И город преподносит, как гостинец,
На разных языках один ответ,
Что в воздухе темнеющем гостиниц
Для нас свободных мест сегодня нет.

Придется поспешить обратно в сети
Морского берега, пока заря,
И у костра пробыть в горячем свете,
В объятom тьмой кусочке янтаря.

Пусть снова приступы, и пусть химеры,
И глас Его, как множества людей.
Что нам до них под плащаницей веры?
Тем более что лучше нет идей.

Ты держишься, хотя дрожат поджилки,
И у детей вопросы без конца.
А я вослед, семейные пожитки
Взвалив на плечи, как Эней отца.

Еще недавно так мы покидали
Родной Ижевск без жестов и без слез.
Что было бы, когда бы ни убрали
Его обрезками своих волос!

Когда бы взгляд мой пропустили трубы
В дымящейся кромешной темноте,
Я за гарпун с собой еще тянул бы
Рабочий град, растущий на ките,

И отчие гробы, и в запустенье
Обитель чистых нег, где верный труд
И сны мои – хронические тени,
Летящие, как снег, на ундервуд,

Который бесконечно повторяет:
«Переселяйся с места твоего»,
как будто перст невидимый играет
шопеновского марша торжество.

Так, видимо, в конце не будет Слова,
Но будет музыка, но так темно,
Что если ты прислушаешься снова,
То прозвучит возвратное оно.

Буду варваром, грабившим Рим.
Будет мир расплзаться, как грим,
Обнажая последнее то,
Что язык называет «ничто»
И куда отступают остатки
Легионов в сплошном беспорядке
Перед ужасом войска теней,
Перед бурей безумных коней.
Но и там, за пределом, они
Настижимы, как ветром огни.

Горе городу трубы трубят!
Скоро трупы в кострах догорят,
Словно ветошь оставленных слов
Без дыхания, без голосов.
Дай им Бог, чтоб их тоже прияла
Уж не знаю какая валгалла,
Как одежду и обувь мою,
Обогренную кровью в бою.

Прежде, нежели я отойду и не будет меня,
Перечту то, что мне на роду, в слабом свете огня,
Словно книгу, какую однажды сумняшесь ничтоже
Я был вынужден съесть без остатка шагреновой кожи,
И поэтому, видимо, горечь, застрявшая в горле.
И поэтому, видимо, речь моя – вечное горе:

Я обманывал время и нежно воспитывал тройню,
Любовался тенями в саду и брал приступом Трою,
Говорил на чужом языке, выходил из себя,
Как гиблейские пчелы, погибель в атаке трубя,

Возвращался домой, где меня ожидал кенотаф.
И, насыщенный жизнью, от долгих скитаний устав,
Словно некое слово, утратив бывшее движенье,
Наконец я ввергаюсь в последний пробел предложенья,
Восполняя собою, как сонмы, как прочие те,
Проступающий смысл в отвратной его наготe.

Скудельница*

Пойду по полю собирать своих
В скудельницу грудную, словно стих.
Как яблоки осенние, их плоть
С ветвей рассыпал по земле Господь.
Но жизнь и смерть во власти языка.
Я был немым под небом, как река,
Приявшая стотысячный приток,
Я больше сделать ничего не мог.
Я истомился сдерживать его
Обезображенное торжество
И вид его, как будто вид коней:

Кто пожалеет о тебе, Эней?
Кто назовет, как звезды, имена?
Кто выпьет чашу горькую до дна?
Я не останусь, друг, перед тобой
В стыде, как пред прощальной трубой,
Когда с натуги лопались виски,
Луцилий мой, изрубленный в куски,
Когда копье вонзалось по значок,
Сцеволла, в твой расширенный зрачок,
Когда ты, Постум, выдыхал огонь
Пробитой грудью сквозь тройную бронь.

Кому теперь тростинками цикуты,
Длины неравной, словно бы минуты,
На братской тризне я печаль повем?

* Скудельница – общая могила.

Кому теперь высокой крови шлем
Нести с собой, как в дальнюю деревню
Пчелиный рой, посаженный в ровню,
Гудящий дым, переходящий в стон,
Укутанный простым, как сон, холстом?

Чалму поднял высоко клевер
И опрокинул тень во прах.
И пинии трепещет веер
На амброзических ветрах.

И мнится мне – растут камеи
В горячем воздухе, как флот.
О, мы сражались как умели!
Но город тем, что Троя, горд.

И не выдерживают нервы
Строителей ахейских войск,
И стонет жар стотельной жертвы,
И стынет на ладони воск,

Но замыслов уходишь полный
На чаек галечный насест.
И снова волны, снова волны
Свой бесконечный палимпсест.

Итака

*Ты поживи, порадуйся на свете,
И потом приходи ко мне.
И.Бунин. Холодная осень.*

Теперь здесь нищета, и корпия, и жалость,
И кошма слегших трав, и листьев пережной.
И что-то детское в душе моей разжалось
И сбило с ног большой нахлынувшей волной.

И лижет мне лицо, как верная собака,
И скудный воздух, и холодных окон хор.
И я не узнаю тебя, моя Итака,
Укутанный сфумато старый двор.

Пусть обижается и обижает влага,
И темный далеко доносится поток,
И погружается развернутого флага
Полотнище в сырой насыщенный песок,

В котором черепки и пифосов, и амфор,
И времени черты, и бога стерты лик,
И смерть приявший так, как только триумфатор,
Железный легион солдатиков моих.

Мы победили в той войне, и я в ответе
Назвать по именам всех тех, кто был в роду,
Пока еще живу и радуюсь на свете,
Но скоро уж приду, но скоро уж приду.

По возвращении в места, какие помню
Обрывочно, как сон, расплывчато, как тень,
Как винограда гроздь, я дорогую тройню,
Повисшую на мне, ношу с собой весь день.

По стогнам вековым, по дворикам укронным
Скитаемся, смеясь, сорокоуст ревмя.
Я – словно уносим течением подводным
И бережно храним крылатыми тремя.

Без них бы я сюда явиться не рискнул бы
И, смалодушничав, держался б в стороне;
Грудную клетку рвал; кусал бы больно губы
И, как Сцевола, кисть – на горестном огне.

От призраков устав, разворотив руины,
Я б жадно не искал по косточке скелет.

Доподлинно, что мозг, из самой лучшей глины,
Уподобляется архитектуре лет.

Мы проходили здесь по *via dolorosa**
Бесчисленное раз, в походную трубя.
Ты жил, Луцилий мой, и значит, ты боролся,
И значит, что днесь мне плохо без тебя.

Пусть угнетают дух смятение и голод,
Холодной осени вечерние огни,
И успокоиться никак они не могут,
И плачут, уходя, и в ночь идут одни –

Доподлинно, что жизнь из той господней страсти
Беспомощней всего, но вы, любовь моя!
Но, Анна, говори, избавь меня отчасти,
Но, Катя, говори и говори, Илья!

Исполнимся. Сомкнемся темным смехом.
Я в сумрак кутаюсь, как в шкуру льва
Немейского с чуть опаленным мехом.
И ты, немея, знаешь, что слова
Еще немного и меня погубят,
Когда такая доля и вина.
Исполнимся. Другие не пригубят
Из нашей чаши аромат вина,
Холодноватый и с тонами ягод,
С оттенками и кедра, и углей,
И, кажется, забытых детских тягот,
Затерянных во глубине аллей.
Исполнимся. Внесем в свои тетради
И, как Сцевола руку на огне,
Удержим и мелодию Вивальди,
И тайное смятение во сне
Апостолов, забывшихся в печали, –

* *Via dolorosa* (лат.) – дорога, по которой, согласно христианскому преданию, вели Христа на распятие.

«Душа скорбит, но будьте же бодры» –
но мы ведь языка не предавали
и не презрели прошлого дары.
И после ночь пустынною дорогой
не шли, неся за волосы его
большую голову, уже с тревогой
взыскуя цель похода своего.

Исполнимся. Вернем в сырую землю
И, чтоб не осквернился скорбный дух,
пребудем днесь, немея пред метелью,
В саду застывшем, обратившись в слух.
Когда же шум, идущий по деревьям,
Дойдет до нас так тяжело из глуши,
Тогда ли окончательно поверим,
Что сам Господь пошел вперед души?

Из цикла «POST SCRIPTUM»

Я так надеялся, что больше никогда
Не обращусь к тебе. Ни как вода
По капельке из сломанного крана.
Ни как огонь в печи того титана,
Что вымирал, как будто существо,
В хрущевском доме детства моего.
В таком родном до боли и проклятом,
Под номером сто семьдесят девятым
По Пушкинской, где больше двадцати
Я прожил лет. Потом сказал: «Прости.
Arrivederci». Впрочем, не об этом
Я начал речь, но будучи поэтом,
Увлёкся замыслом и ритмом, как борьбой.
Я так хочу поговорить с тобой.
О пустяках, о временах, о нравах,
О чем-нибудь, о бабушкиных травах,
Что, как загадку, добавляла в чай.
Пусть сам язык припомнит невзначай
И Мандельштама грифельные знаки,

И образ мира, данный в Пастернаке,
И вещи ахматовские сны,
Звучание и нёба, и десны,
О фильмах Линча, Бергмана, Феллини,
О маске венецианской – паутине,
Какою на ходу одаривает лес.
«О ложных обвинениях небес»*.
О странствиях, о доблести, о славе,
О виноградарстве и об отраве
Отрекшихся самозабвенно губ.
И нет дыхания продолжить голос труб!
И нет, не утоли мои печали
О поцелуе в северном портале
Палаццо Дожей – в общем, обо всем,
Что в памяти храним с тобой вдвоем.

СТРАВА триптих

Кто назовет, как звезды, имена?

1

Смеркается на Северном кладби́ще.
Пусть из горла, но помяни, дружище,
Всех тех, кто выжил в яростном бою,
Но в госпитале принял смерть свою,
Отложенную ровно на мгновенье.
И плеск волны, и ветра дуновенье,
И на ладье отправленный Тристан –
Все это ложь. Когда умрешь от ран,
Узнаешь, какова она, дорога,
От тела неподвижного до Бога.
Кровавая железная кровать
Идет ко дну, начнешь лишь отплывать.
И происходит это погруженье,
Как самое большое пораженье.
Придя сюда, ты сделал верный шаг.
Доподлинно, что скорбь твоя как стяг.

* Несуществующую в реальности книгу Рэя Стюарта «О ложных обвинениях небес» автор читал во сне.

И горькая горбушка каравая.
Деревья словно песня хоровая.
Как хорошо, что сей живой навес –
Не вечное безмолвие небес,
Но словно бы посланье роковое.
Чу, из глубин бредет собака, воя.
И долго лает, различив тебя
На фоне золотого сентября,
Но после безвозвратно пропадает.
Какая пустота тебя снедает!
Знать, сердце, как мутант и паразит,
Само себя наверно поразит,
Когда такая выпита отрава.
И тризна по-славянски значит трава.
И группы крови нет на рукаве,
Но, прежде чем забудешься в траве,
В последние минуты посещения
И честь воздай, и попроси прощенья.
И, обходя, как сторож, Элизей,
Свою тоску, как полымя, залей.
И поклонись Отечеству солдатам,
И назови по именам и датам.

2

Пусть невозможно подобрать слова,
Но все же здравствуйте, Кузьмин В.А.,
Рожденный в год восьмой начала века
И в сорок третьем сломанный, как ветка,
Не знаю где, возможно, под Москвой
В отчаяньи атаки штыковой –
Лишь мама не поверила в Сибири,
Что сына драгоценного убили.
Земная неизбывная юдоль!
Охотников, Давыдов, Самидоль,
Худойвердинов, Куреня, Успенский,
И вы сопровождали бой вселенский,
Как редкое биение сердец
Сопровождает время под конец –
Ни ангелов тебе и ни хоралов.
Вот рядом рядовой А. Генералов.
Что он успел за восемнадцать лет,

Пока хирург не сократил скелет
По кость бедра остановить гангрену?
Не принимая эту перемену,
Никак не мог поверить: «Это все?
А как же предсказание ее?».
«С такой фамилией до генерала
Дослужишься», – невеста повторяла.
Когда бы грудь напополам рассечь
И сердце, как детеныша, извлечь,
Закутать в шелк и в шкуры трех оленей
Под «Lasgitosa» горних песнопений.
А тело, чтоб блистала белизна,
Обмыть настоем перца и вина,
И в мраморном гробу до Волгограда
Везти домой, как храброго Роланда.
Хотя о чем ты? Это ведь война
Другая и другие времена.
Да ты и сам совсем не нужен веку
С твоим последним словом имяреку.
Но все же продолжай, в конце концов.
Верлинская, Черемушкин, Кольцов,
Леонтьев, Белкин, Фофанов, Трофимов.
Лишь нету шестикрылых серафимов.
Унисбург Сокол в возрасте Христа –
И вечный свет, и тень, и сирота.
А Пушкин Н. в своем пути недлинном
Был истинным поэтом – гражданином.
И наконец-то после всех, как знак
Особенный, проявится сквозь мрак –
Лишь с буквы листик уברי без страхов –
Не может быть, что лейтенант В. Шахов,
Не может быть, что, завершив войну,
К народу приложился своему.
А ты подумал уж, признаться, вчуже...
Но, Муза, промолчи об этом муже.

3

Как странно, что по истечение дней
Твоей душе становится больней.
И возвращаются невольно строфы,
как ощущения после катастрофы.

И неизвестно через сколько строк
Ты переступишь болевой порог.
Казалось бы, невыносимо больше,
Но разум благодарен этой ноше.
Когда бы были взвешены твои
Слова о верности, и о любви,
И о разлуке, как о скорбной чаше!
Но все же этой ласки нету сладше,
И пусть происходящее с тобой
Как в окружении неравный бой.
И вот теперь пред Богом, как пред морем,
Вздыхающим то вечностью, то горем,
post scriptum и post mortem говоришь,
как будто бы над бездною паришь:
Смеркается на Северном кладбище,
Но нам ли отступать с тобой, дружище.
Приди же, дух, от четырех ветров
И возложи на кости, как покров,
Материю и кровь из ниоткуда,
И то, что полагается для чуда.
Пусть в полной мере испытует плоть,
Что в самом деле Слово есть Господь.
Пусть триумфально всадники и кони
Идут домой, как заклинают корни.
Хотя о чем ты? Ведь ни ты, ни я
И ни архангел, и ни судия.
Лишь в глубине какое-то движенье...
Не может быть, чтоб было продолженье,
Не может быть, чтоб не было его.
Прости, вкусивший смерти торжество,
Печальный мир, мучительный и страстный,
Болезненный, бессмысленный, прекрасный,
божественный, где столько дорогих
останется, не воплощенных в стих.
Прости, что я забыл, она забыла.
Так удивительно, что это было,
Как новая взошедшая звезда,
И не случится больше никогда.

Алексей Солов

Родился в 1976 г. в городе Сарапуле. Окончил Ижевский государственный технический университет.

Поэт, прозаик, критик, журналист. Работал художником-оформителем в кинотеатре, охранником, преподавателем информатики, инженером по маркетингу, дизайнером наружной рекламы, верстальщиком, выпускающим редактором газеты, редактором отдела прозы литературного сайта.

Был удостоен ряда национальных и международных премий.

Публиковался в журналах и альманахах «Урал», «Дети Ра», «День и ночь», «Воздух», «Луч», «Новая реальность», антологии «Ижевская тетрадь» и др., на сайтах «Сетевая словесность», «Новая литература».

Трагически скончался в 2013 г.

Публикуемые тексты взяты с сайта «Сетевая словесность».

«И живы все, и смерти нет...»

Из цикла «Отцу и сыну»

И. Маркову

Это тайная несвобода, чей закон неподкупно строг.
Это тянутся к небосводу силовые линии строк.
Это камушек Демосфена под бесчувственной пятой.
Сотрясаемый атмосферным электричеством, как бедой,
встань с молчанием вечным вровень и по имени назови...
Ничего горячее крови. Ничего солоней любви.
Не гадай – орел или решка: если малого не сберечь,

остается Черная речка, остается черная речь.
Неприкаяна и счастлива, отлетит от тела душа...
Слышишь – музыка молчалива, и поэтому хороша.
И когда усталое небо поперхнется студеной мглой,
вдруг поймешь без страха и гнева – а иначе быть не могло:
лишь отчаянье и надежда, благодарность и правота
так упрямо, светло и нежно запечатывают уста.

*Памяти матери
...и все-таки до смерти хочется жить.
О. Мандельштам*

Здесь рябины стоят, как рабыни
на невольничьем рынке в ряд,
и горят их щеки-рубины
миллионами терпких карат.
Лист сорвется – и тот украдкой:
как бы часом не замели...
Здесь, у ветхой могильной оградки, –
средоточье моей земли.

...Неба сумрачная хранина
да густой осенний озон.
Игом памяти вдрызг хранимый,
я, увы, безнадежно спасен.
Но превыше явных ли, тайных
клятв на льну, молоке и крови
я извечный должник и данник
вмиг осиротевшей любви.

Ах, условиться бы о чем-то
важном – с ветром, землей, травой:
здесь конец и начало отсчета,
перекресток моих тревог.
И свеча перед скорбным Ликом,
и не лыком, так лихом шит,
все блуждаю в мареве липком –
и до смерти хочется жить...

Так и бывает: волны и облака,
плеск, фейерверк над рекою, петарды, шутихи.
Кончится праздник – жизнь обреченно легка,
только и выдохнешь: «Свете мой тихий...»
Так и бывает – и смерть совсем ни при чем:
эта подруга – своя, что называется, в доску.
Перебирает костяшки за левым плечом –
не оборачивайся, пока не надышишься вдосталь.
Не оборачивайся, перебирая слова,
перевирая мотив этой глупенькой песни,
ветер и пот рукавом утирая со лба –
завтрашний день будет еще грубей и небесней.

...Так и бывает:
лодка качается на волне,
к берегу лодку волной прибывает.
Свет пребывает в тебе и во мне.
Свет прибывает.

Из цикла «Опыты приближения»

От тебя мне и теперь – никуда:
ни на строчку, ни на шаг, ни на миг.
Полновесная твоя нагота –
льном и творогом в ладонях моих.
Значит, вымелькал еще один день,
канул в лето, словно взмах или вздох...
Значит, главное и впрямь – в ерунде:
забавляться со щенком и звездой,
слушать, треску новостей вопреки,
незатейливый напев тишины,
кашеварить бы в четыре руки
да наутро пересказывать сны...
Перспектива глубока и ясна,
как небес парных глотнула взаймы.

А под занавес согреет и нас
бледно-розовое солнце зимы.
Только снова обретенно прильну –
напоследок, на лету, на бегу –
к непорочному, несмятому льну
лона, голеней, лопаток и губ.
... Значит,
дело-то – увы! – к ноябрю.
Значит – хватит нам страстей да обид.
Буду реже говорить, что люблю,
буду истовой и злее –
любить.

Тебе

Что нам звездные войны и пыльные дрязги,
что нам вечный разлад между ночью и днем?
И в холодной степи, и в автобусной тряске
мы друг друга наощупь губами найдем.
...Мы умрем.
Наяву ты безжалостно гонишь
от себя эту мысль, как назойливый взгляд:
в слишком темной крови тлеет нежная горечь
поцелуев, касаний, прощений и клятв.
А по мне – так и небо усталое рухни
всею тяжестью тысячетонною ниц,
только б в месиве рук отыскать твои руки
и слепыми провалами мертвых глазниц
увидать,
как в спрессованных толщах асфальта
зреет горькая нежность тугого ростка –
и припомнится все: наша нищая свадьба
и весеннего грома роскошный раскат,
хрупкий утренний лед,
обернувшийся сталью,
синева над рекою и там, в синеве, –
нескончаемая журавлиная стая
уносящихся вдаль дочерей-сыновей...
Только б длились безгрешные наши объятья
этот день,

эту ночь,
этот век,
этот миг
и не близился срок возвращаться обратно –
в пустоту нерождений
твоих и моих.

Утро седьмого дня

Очнуться погруженным в тишину,
как в вату,
в нирвану, абсолютный нуль,
кромешный вакуум,
очнуться, и начаться, и начать
круговорот полузабытых стадий
творения. Как будто невзначай
придумать Слово. Вслух сказать. И стать им.

Овеществляя в новом естестве
никем не считанные степени свободы,
решить: «Да будет свет!» –
и будет свет,
и тьма, и день, и ночь, и твердь, и воды...
Все разделить на дух и плоть
и в глиняную плоть вдохнуть живую душу.
Понять, что мир на этот раз неплох –
хотя бы тем, что лучше предыдущих.

...Перечеркнуть наотмашь сгоряча
и повторить все снова.
Но помнить, что в начале всех начал –
Слово.

Очнуться
погруженным в тишину...

Из цикла «Базарный день»

А. Корамыслову

Сверим часы. Архангелы стаями
тянутся к югу. Иллюзии стаяли.
Кем бы ни были, чем бы ни стали мы,
все-таки чуем
разницу между удачей и счастьем,
между последним и первым причастием,
тайной и чудом.

Чудо – понятно. Тайна – прельстительна.
Думаю, тайне оно и прощительно:
беженка, приживалка,
путает, мямлит, скрывает, скрывается,
просит займы, а голос срывается –
и непотребно, и жалко.

Чудо бывает единожды явленным.
Глянь – к палисадникам, крышам и яблоням
тянутся белые сходни.
– Мало? Не верите? Натя вам, олухи:
цвет на траве и радуга в облаке,
лето Господне!

Здесь – преломление и отражение.
Здесь – и победа, и отрешение,
шпиль и основа.
Все в этом мире не нами заверчено.
Капай, смола. Гори, семисвечие.
Бодрствуй, рубанок, – и раньше, чем к вечеру,
лодка будет готова.

От мглы, налипшей на зубах,
от злобы, что довлеет дневи,
храни, Господь веселый Бах,

в заботах о насущном небе.
Даруй нам, Господи, любовь
без слов кривых и знаков тайных –
корзину рыбы, пять хлебов
и в марте гололед и тальник,
цветочный яд и дикий мед,
Восток и Север, Юг и Запад,
поскольку этот город мертв
и дом покинутый не заперт.
Поскольку не сыскать границ
шагам размывчатым и спорым
в ночи – и все же оглянись,
ведь этот шов еще не вспорот!
Сыграй, прошу Тебя, сыграй
на самых чистых и щемящих
в малиновый павлиний рай,
в сквозной, набитый ветром ящик...
Ведь нет позорней немоты –
не умалишь ее, не спрячешь –
и это слишком знаешь Ты.
И плачешь, Господи! Ты плачешь?

*Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века.
«Символ веры», Никейский собор, 325 г.*

Это осень. Неужели так скоро,
неужели так до срока? Поверь,
я не слышал терпеливого хора,
указующего мне, кто правей,
кто правдивее.
В прожилках и остях,
словно в устьях замерзающих рек,
застоялся пузырящийся воздух,
пузырящийся и ясный, как грех.
По какой такой любви и причине
под рассыпчатый смешок-шепоток
от предсердья к воспаленной брюшине
перекачиваешь медленный ток?

Сколько скуки на внимательных мордах
облаков порожних, сторожевых...
Слышишь? Чаю воскресения мертвых,
но не чаю обретенья живых.
Слышишь? Верю в холода, в непростенье,
в снег, что выпадет из Боговых рук,
в превращение и коловращенье,
возвращенье – на гончарный ли круг?
...Это память. Это тысячи волглых
соответствий в обожженной листве.
Подержись еще немного за воздух.
Заплати за ускользящий свет.

Колыбельная сыну

Ты плачешь. Ты совсем не хочешь спать.
Разбрасываешь руки и пеленки.
И мгла надорвана. И ночь – на спад.
Какая-то кошмарная поломка
случилась во Вселенной. Некий сбой.
Земля кряхтит и валится с орбиты.
И ты захлебываешься собой
от маленькой взаимдашной обиды
на день, на ночь, на сон, на то, что нет
его, на нас, хлопочущих без толка...
А в изголовье – приглушенный свет
и с Рождества не убранная елка.
Давай, бесчинствуй, надрывайся, вой,
реви, как сумасшедшая белуга!
Ты голос подал – значит, ты живой
и сделал шаг из замкнутого круга.
Потом усни, чтоб, словно за дверьми,
под веками на цыпочках прокрасться
в базарный день,
в галдящий пестрый мир,
прекрасный – трижды проклятый – прекрасный.

Из цикла «Все живы»

О, расскажи мне эту новость,
как из-под ног бежит земля
и вены вздувшиеся ноют
под капельницей февраля,
как бьют размеренные склянки
и бьются вдребезги сердца...
Помедли, хитроглазый ангел,
у замеченного крыльца!
Как подают при встрече руку,
даруй мне весть, улыбку, знак.
Давай притормозим маршрутку,
что заплутала в наших снах,
и полетим без остановок
сквозь перекрестки и дома...
О, расскажи мне эту новость:
сегодня кончилась зима.

...и вдруг прольется, как из чаши,
непоправимо белый свет,
сухой и звонкий, чуть горчащий, –
и живы все, и смерти нет.
И пласт подтаявшего снега,
под тяжестью своей осев
и выдохнув, сорвется с неба –
и страха нет, и рядом все.
И тут же встрепенется зыбко
и дрогнет крыльями в пыльце
новорожденная улыбка
на запрокинутом лице
цветка. Ну что ж, и ты не бойся,
иди в полуденной росе
туда, где смерть почила в бозе
и живы все.

Из цикла «Зимние квартиры»

Вот белый свет. Вот это я и ты.
Вот это снова ты. Вот мы с тобою.
А дальше – разведенные мосты
и дым над нарисованной трубою,
оружие под окнами коты,
зонты, диваны, новые обои,
виолончели, скрипки, и гобои,
и скомканные нотные листы,
прощания, обиды, нелюбови,
последний шаг до тлеющей черты –
и вдруг, среди огромной, как в соборе,
невероятной, гулкой немоты –
короткие глухие перебои...

Ты замечала, до чего пусты
глаза без страха, жалости и боли?

Гляди – над парусами этажей,
как бы застряв в тугой воздушной плоти,
бесчисленное воинство стрижей
бесчинствует на бреющем полете.
Когда кругом безоблачная синь,
какая сумасшедшая тревога,
какой атас у них на небеси...
Скажи мне, милый Боже, ради Бога...
Присмотришься, а ничего и нет:
ни угадать, ни позабыть, ни вспомнить.

И только-то – инверсионный след,
косой чертой перечеркнувший полдень.

Так погуби меня, но разреши
жить этой жизнью без стыда и гнева,
где чудеса тревожны и стрижи
к земле притягивают небо.

Из цикла «Тугарин* и окрестности»

*Денису Модзелевскому,
журналисту и гражданину*

Гонорарный январь, оснеженный Ижевск
и квартира твоя – на каком этаже? –
неприкаянная и большая,
кура в микроволновке, аптечный бальзам,
Башлачев на кассете угрюмо базлал,
и до света – всего-то полшага.
Ни продажных газет,
ни затертых кассет,
завалиться без спроса – и вдрызг окосеть
с припасенной бутылки кагора.
И понять сокрушенно: первейшее зло –
в объективной реальности, коей залог –
недостаток в крови алкоголя.
Виннипухово Дао, великое «да»,
заповедная тропка отсюда-туда,
ну, давай поиграем, как будто
мы забыли пароли, ключи, имена,
а снаружи нездешняя вовсе страна,
и шагнуть за порог – как отправиться на
три веселые белые буквы.
Простодушная доблесть, дикая спесь –
полагать наобум: все, что явлено днесь,
равнозначно тяжелому бреду.
Так и бродим впотьмах – по чужим, по своим,
с телефонов казенных друг другу звоним:
– Приезжай! – Я приеду, приеду...

Городок в табакерке фабричной, где
все давно до балды Левше-Балде –
раздолбаю, мученику во труде,

* Тугарин – здесь г. Сарапул (авт.)

прокоптившему небо родимой «Примой»,
где шипит и квохчет людская молвь,
да река под боком, да семь холмов –
благодать четвертого, что ли, Рима.
Где каленым железом да с матерком
достоевский мужик тишком-ладком
ухайдакал-таки лошадку,
где двумя перстами грозил раскол,
молонья в руце на гербе градском
и тюрьма, довлеющая ландшафту.

А в прогале звездном, как между строк, –
то ли начисто отмотавший срок,
то ль досрочно вышедший из-под стражи
пролетает ангел моей земли,
отвернув к небесам похмельный лик,
ибо черен, одутловат и страшен.
Ибо не на что тут ему смотреть –
в хороводе путаниц и смертей
все как есть и отцы не лучше деток.
Он видал все это не раз в гробу,
он подносит к устам свою трубу
и орет в нее: «Эй, ну где Ты?»

Воскресение, радость, сухие глаза,
самый медленный поезд на свете.
Все, что можно представить, и все, что нельзя, –
лишь бы только не видели дети.

(Запрокинется в небо чужое лицо –
и каштаны посыплются под колесо.)

Променад по больничному дворику – глянь,
как несуетна жизнь год за годом.
Я в нее проникаю до самых до гланд,
я вхожу в этот пряничный город.

(А потом – только пряди намокших волос.
Я взорву этот город, знакомый до слез).

Но прошу тебя, ты обозначь, проследи
траекторию главного чуда
перед тем, как забьюсь-упаду посреди
оживленно молчащего люда.

(И каштаны посыплются на тротуар,
как последний,
сладчайший,
немыслимый дар).

Ирина Кадочникова

Родилась в 1987 г. в городе Камбарке. В 2009 г. окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета. Кандидат филологических наук.

Работала учителем русского языка и литературы в школе. В настоящее время является преподавателем гуманитарных дисциплин в Восточно-Европейском институте г. Ижевска.

Публикуемые тексты воспроизводятся по журналу «Луч» (2010, 2014).

«Когда концы с концами сводит время...»

Господи триединый,
Каждому дай свое.
Женщине дай сына,
Воину – копьё.

Смерти какое дело,
Что нас пригрело здесь?
Бабочки хрупкое тело
Плачет в тяжелой воде.

Скажешь: помилуй Боже,
Примешься снова за
Горестный труд, но все же
Сколько тебя спасал

И от реки Гордыни,
И от звезды Полынь,
Дабы и присно, и ныне,
Дабы вовеки аминь.

Перелистаешь дни и вырастешь из плена
Сухих календарей, настраивая слух.
И пару-тройку строк уронишь – и мгновенно
Вернешься в бытие, где тишина и звук –
Все переплетено и воедино слито.
И нет ни времени для горя, ни причин.
И так останешься – твердить свою молитву
Скупую. И когда она горчит,
То на душе куда светлей и слаще,
Куда бессмертнее и ближе до небес.
И сам себя воистину обрящешь.
И вымолвишь: воистину воскрес.

Мы жили, боже мой, в такой глуши,
Где ангелы слетаются над крышей,
Где сон таким благоговеньем дышит –
Не сон, а замирание души.

И этот милый деревенский быт,
И сеновал, распахнутый рассвету...
Еще нам предстоит так много лета,
Чтоб все это запомнить и забыть,

Избыть в себе, переболев тоской
По запаху земли, согретой рожью,
По долгому пути, по бездорожью,
По небу у тебя над головой.

Когда б еще в открытые поля
Упасть нам васильковыми глазами?

И эту муку мы взрастили сами,
О Эвридика верная моя!

По улицам ижевским и пустым,
Вдыхая осени прохладный дым,
Пойдем с тобой, как прежде, наизусть
Изученным маршрутом. Ну и пусть
Минуло лето – с лебеда вода,
И под ногами желтая слюда.
По Горького, где твой любимый вид:
Направо сонный водоем стоит,
Налево кроны тянутся к горе
(Наверное, как свечи, в сентябре), –
И в Летний сад, в шумилище берез,
Уже не прячущих прощальных слез.
Пойдем с тобой, без цели, просто так –
Куда глаза глядят: через овраг
По деревянным улицам резным,
По воткинским дорогам объездным,
По северным холмам, где я читаю
То самое – «Вставай, пойдем по краю...»

Как тянется сегодня выходной –
В кругу зимы, в унылой книжной лени.
И мы с тобой из разных поколений,
Но все-таки из музыки одной.

Пусть нам с тобой ни в чем не повезло
И все, что есть у нас, – любовь да мука,
Но я тебе протягиваю руку
И расправляю над тобой крыло.

Когда морозно пахнет Рождество
Еловыми бессмертными ветвями,
Мы в нем как будто воскресаем сами,
Хотя и ровным счетом ничего
Не происходит – так, одна возня:
Уборка попеременно с магазином.
И суетно, и душно нестерпимо.
И в небе, как обычно, ни огня.
И думаешь, что ты еще, увы,
Ни чуда не познал, ни ошущенья
Полета, замирания, всезренья,
Великой всеобъемлющей любви...
Но в этой канители выходной,
Когда концы с концами сводит время,
Когда уходит старый год со всеми
Метелями, и пахнет тишиной,
Мир возникает с чистого листа, –
Дымящийся, восторженный, как прежде.
И мы распахиваем дверь в надежде,
Что с холодом впускаем в дом Христа.

Земля томится влагой, но вода
Поет о том, что горе не беда.
И наш кораблик – спичка в скорлупе –
Навстречу уготованной судьбе
Несется, налетая то на риф
Из камешка, то кружит на мели
Ручья, пока не подтолкнешь его –
И дальше в путь, как будто ничего
И не было. И снова бег волны.
И снова мы дожили до весны,
Хотя устали, бранные, но все ж...
Как ты поймёшь, как ты меня поймешь!

Август – и куст черноплодный
Тянется к черной земле.
Думай о чем угодно –
Снеге, дожде, тепле,

Плачущей много осине
По жизнелюбцу-листу.
Мы же такие отныне
Вечные в этом ряду.

Впору смириться с любой
Мукою, видит Бог, –
И с беленой-любовью,
И с лебедой-судьбой.

Что нам и стон ковыльный,
Что нам и горе-век? –
Мы же такие живые
В скошенной этой траве.

И у тебя в ладонях,
Где ночевала слеза,
То ли ромашка тонет,
То ли плывет звезда.

Привыкаю к тебе, бездорожье камбарской земли.
Где-то в жаркой Тавриде неспешно идут корабли
И стоит Херсонес, удивляя своей глубиной...
Привыкаю к тебе, привыкаю, мой город родной.

После длительных странствий опять возвращаюсь сюда.
Вдоль песчаной дороги пылится трава-лебеда.
И такая тоска... И никак не поймешь, отчего...
А в далекой Тавриде в июле – прекрасней всего.

А в далекой Тавриде не тучи, а горы стоят,
И, горячий от солнца, еще не созрел виноград,
Но уже алыча наливается соком-вином...
А у нас – лебеда, бездорожье, разрушенный дом

За окном. А у нас, как всегда, за окном ни единой души.
Но куда, Одиссей, но куда от себя убежишь?
И опять возвращаешься, море покинув свое,
В тишину, в бездорожье – в такое родное житье.

Камы-реки синева.
Все превращая в слова,
Ты говоришь о простом –
Камешке белом речном,

Береге странном, чужом.
Чей там виднеется дом?
И, велики и тихи,
Катятся волны-стихи.

Ты говоришь о себе.
Лодке своей, судьбе.
Женщине в дальнем краю.
Смерти в честном бою.

Здесь можно жить, затаив дыханье,
И даже не думать о завтрашнем дне.
Сидеть на окне, болтая ногами.
На деревянном теплом окне.

Здесь тихо очень, и даже можно
Услышать, как старая дышит сосна,
И всех соседских котов и кошек –
Ты не поверишь – по имени знать.

Здесь можно забыться, не помнить, кто ты –
Училка в очках, кандидат в дурачках,
Какая твоя мечта идиота,
Какая дата в твоих зрачках,

Какая скука в твоей тетради,
Как бледно слово тебе назло.
Здесь можно зависнуть и – Бога ради –
Здесь можно не помнить, что время прошло:

Болтая ногами, сидеть на окошке,
Как в детстве, кузнечиков чудных ловить
И всем соседским котам и кошкам
При встрече «приветствую!» говорить.

Как хорошо в полуденной тени
Читать стихи, труды свои и дни
(что, в общем-то, одно и то же)
Вершить и множить, множить, множить
Бесплотных звуков стройные ряды
И говорить со временем на «ты»,
И говорить: куда, моя ладья,
Плывешь? – В небытие из бытия,
В холодный мир небесных многоточий...
(Как сложно было этот текст закончить:
Enjambement. Прости меня, язык,
Я к твоему бессмертью не привык).

В. Шихову

В каком краю, у призрачных оград,
Возрос он, твой тенелюбивый сад?
Когда бы говорил: «Иду на вы», –
Но лев твой не поднимет головы.

В каком краю, во глубине времен,
Где нет ни побережий, ни имен
Знакомых, но – дыхание земли,
С которой звук и слово не смели?

В каком краю, изнеможен тоской,
Но исцелен давидовой строкой,
Расцвел – причудливей морских камней –
Слезоточивый мир твоих камней?

И нам пора не стрелы собирать –
Труды и дни свои в одну тетрадь,
Как Гесиод, как всякий бы сумел,
Когда б его язык не онемел.

И когда ты задумаешь сделать нечто –
просто фигурку вылепить из глины,
и первый блин будет комом,
и второй, и третий,
ты не отчаивайся.
Значит, так и должно быть.

Это дано нам
как испытание веры:
катишь и катишь свой неподъемный камень,
глиняный шар свой, фигурку свою смешную,
Господи, – думаешь, – как на меня похожа.
И вот в какой-то миг, бесконечно прекрасный,
так и отпрянешь: откуда взялось ощущение
легкости этой, как будто с воздушным шаром,
с ношей бесплотной как будто вздымаешься в гору?

Это дано нам
как воздаянье за дело –
чувство, что нет ничего в тебе от Сизифа,
что и гора твоя так далека от Голгофы –
словно небесная лестница Иоанна.

Господи, прости меня, пожалуйста,
И помилуй от всего ненужного.
Вроде бы живешь себе, не жалуясь,
Радуюсь весне, земле простуженной,
Серому воробышку бесстрашному
(Смерть его и голодом, и холодом...),
Солнцу неожиданному нашему
Над утратившим надежду городом.

Ноябрьский день сонливый, осторожный.
Бледнеющий опустошенный свет.
А я такой придурок невозможный,
Что нет мне имени. И времени мне нет.

И если уж совсем устал от вновь
Занывших ран и злишься не на шутку,
То так и тянет заглянуть в кафе «Минутка»
И с алкашами выпить за любовь.

Возвращаясь на родину, думаешь: вот бы жить
Где-нибудь далеко-далеко, у самого моря,
Просыпаться под шум прибоя, не зная горя,
На другом языке и думать, и говорить.

Возвращаясь на родину, знаешь, какой убогий
Ожидает тебя пейзаж за окном вагона.
Между прочим, дождь. Между прочим, совсем немного
Остается времени до окончанья сезона.

Ах ты, Господи, до чего же здесь некрасиво –
Никаких там магнолий-фонтанов-дворцов-кораблей...
Но опять покупаешь в ларьке грошовое пиво
И дымишь сигаретой из пачки за тридцать рублей.

Не поеду ни в Москву, ни в Питер:
Никаких столиц не надо мне.
Вы себе живите, где хотите,
Я же остаюсь в родной дыре.

Скажут: глухо здесь и одиноко
И, конечно, мало перспектив.
Но зато за пазухой у Бога
И без роковых альтернатив.

Знакомый мир как будто не знаком –
Тетрадное непаханое поле.
И снег лежит, пронзительный до боли,
Стерильным обдавая холодком.

Пустых трамваев полусонный бег.
Мой город, узнаю твоё звучанье.
О Господи, прости мое отчаянье –
Что вот такой я горе-имярек,

Что вот такой потерянный, чудной,
Себя не узнающий, между прочим,
В зеркальных отражениях, больной
На голову – придурочный, короче!

Что все – то в облаках, то в дураках,
Что весь такой тупой, косноязычный,
Что я не понимаю ни фига,
Как говорить красиво и логично,

Что так боюсь людей и поездов,
Звонков на сотовый и электронных писем,
Своих сомнений и чужих понтов,
Что так и тянет спрятаться от жизни,

Что паранойя, Господи прости,
И я умру, возможно, не в России...

Но столько в небе напряженной сини –
И боль такая сильная в груди.

Все, что мы называем счастьем, на самом деле –
Летний вечер, едва плывущий в оконной раме,
Шелест леса, собачий лай, горизонта гуденье,
Бирюзовое небо с малиновыми облаками.

Вот посмотришь на запад – и поздно, и свет без тени.
И в грядущую зиму не верится ни на йоту.
И в открытые двери, по деревянным ступеням
Мы сбегает навстречу августу-звездочету.

Марат Багаудинов

Родился в 1984 году в городе Ижевске. Окончил Ижевскую государственную медицинскую академию и аспирантуру на кафедре патологической физиологии. Учился в Литературном институте им А.М. Горького и Институте экономики и управления Удмуртского государственного университета. Работает врачом в одной из республиканских клиник в г. Ижевске.

Многokратный победитель поэтических конкурсов и лауреат всероссийских литературных премий.

Публиковался в журналах «Литературная учеба» (Москва), «Литературус» (Хельсинки, Финляндия), «Луч» (Ижевск), «День и ночь» (Красноярск), «Арион» (Москва), интернет-журнале «Пролог», сборнике «Новые писатели» (Москва) и др.

Автор текстов для музыкального проекта «Обманы Зрения».

Публикуемые тексты воспроизводятся по указанным выше источникам.

«Запутываясь в нитях равновесий...»

Запутываясь в нитях равновесий,
Канатоходец, выбившись из сил,
Под купол цирковой себя повесил.
Весь мир в ногах, как обувь, – износил.

Глядит вперед, как будто не боится,
Канат как будто соткан из свобод.
А зрители, размазав страх по лицам,
Синхронно ждут, когда он упадет.

Факир сожрал почтовых голубей...
Ребенок запускает самолетик...
Бумажный, самый прочный самолетик.
«Прости бумагу – не стерпелось ей.
Распотроши очередную высь...
Но не сорвись. Ты только не сорвись.
Вниз не смотри, глаза не закрывай.
Тех, кто сорвется, – не пускают в рай.
Ты подожди, я подрасту – потом
На радость всем – мы вместе упадем».

Я водяры стопарик грохну,
Чтобы стало совсем тоскливо.
Вот дождетесь, возьму и сдохну
Весь такой молодой-красивый.
Вот лежу я такой, короче,
Подо мной дребезжит каталка.
Вся холодная, между прочим,
И меня, между прочим, жалко.

Опять повезло – окатило из лужи –
Все грязные. Кроме меня.
Ну чем же я хуже? Я чем-то же хуже.
Я тоже хочу как свинья...
А мне неуютно. Хочу быть похожим –
Возьму и изгажу пальто.
Ну что вы смеетесь, как будто на роже
Написано что-то не то...
Да сами вы пьяные. Я, между прочим...
Больной? Ни шиша не больной!
Я даже с похмелья здоровый. Короче,
Идите себе стороной.
Да мне же везет, – и трусы по размеру.
И горести по фонарю.

Я с прошлого года варганю карьеру...
А с будущего – не курю...

Но где-то на околоземной орбите,
Одежды суша в небесах,
Предательски курит мой ангел-хранитель
Похмельный. В семейных трусах.

Хочешь, полосы закрашу?
Будешь рыжей. Очень даже...
Только зебра без тельняшки
Превращается в коняшку.
Тем, кого когда-то... это...
Без ответа и привет...
Юлям, Катям или Дашам
Улыбаемся и машем.
Зебра–зебра... Ты не рада?
Открываю двери я...
Расплатиться как-то надо
За кредит доверия.
У меня другая жизнь.
У тебя другая жизнь.
За меня ты не держись...
Дер-жись...
Дер-жись...

Самым главным людям нашим
Улыбаемся и машем.

Разговор кошки и дворника

- Здравствуй, кошка.
- Здравствуй, дворник.
- Ты облезла.
- Ты не лучше.
- Как твой мартовский любовник?
- Вечным сном в помойной куче...

– Как твоя супруга Мила?
– Вот, прибил вчера по пьяни.
– Не любила? Не кормила?
Подожди, и легче станет.
– А давай с тобою, кошка,
выпьем с горя и поплачем.
– Выпьем, дворник, понемножку.
Первый будет за удачу,
– И за женщин по второму.
За хвостатых дам с усами.
– Нами дворники ведомы.
– Это правда, черт бы с вами.
– Третий за любовь стандартом.
– Ты познала?
– Нет.
– Я тоже...
Может, все еще на старте?
– Может быть, не вышла рожей.
– Что, пойдем? Пора работать.
– И меня заждались мыши.

Годы шли. Спивался кто-то,
Кто-то пел на желтой крыше.
Дворник думал, счастье – это
Грязный рубль на дорожке.
Кошка верила в приметы...

Дворник помер раньше кошки.

Не покупай своим детям кукол с большими глазами –
Они страшные
Не верь кукловодам
Не пей с кукловодом
Не разговаривай, если смотришь на воду
Человек умирает один раз
Кукла – существо многоразового использования.
Не выбрасывай волосы из своей руки

Ни о чем не думай, завязывая узелки
Если кто на тебя охотится – не беги
Помоги ему.

Никогда не получай писем в конвертах без обратного адреса
Никогда не открывай писем в конвертах без обратного адреса
Никогда не читай писем из конвертов без обратного адреса
Дурак
Не понимай того, что в них написано
Не верь в то, что ты понимаешь.

Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота.
Если чего-то боишься, – заведи кота.
Если ангел-хранитель по-прежнему слеп и глух –
Заведи двух.

Впереди невиданные выси,
Добрый образ мужа-старичка,
Факт не/смерти больше не/зависит
От прямой реакции зрачка.

Неудачно, в самом центре лета,
Будущего часа не нашел
Человек. Помянут сигаретой,
Человеку будет хорошо.

Два цветка до следующей даты,
Мертвый взгляд исполнен серебра.
Два часа по правилам палаты.
Два случайно сломанных ребра.

Страшно, безболезненно и хрупко,
Небеса печальные пока,
Словно с горя вымокшую губку,
Кто-то выжимает облака.

/Оле/

В доме из горького черного шоколада
С розочками в ногах и луной в груди
Что же ты, милая, так безутешно рада
Если конец позади

Папа купил к рождению белое платье
Спутник Земли с землей обнаружил связь
Доктор назначил таблетки со дня зачатия
Чтобы не родилась

Вот тебе жизнь – поломана покалечена
Для обретения вкуса требует соль
Черные полосы кажутся бесконечными
Если двигаться вдоль

Кривясь объективом
В каждый новый залив
Прошлое ромом
И от того красив
За объективом
Статуи трещь собой
Уверен
Именно так управлять судьбой
И если наступит беда или что еще
Будешь невидим под дождевым плащом
Будет торчать счастливая голова
Будто в нее стукнуло двадцать два
Градуса
Сутками
Сумеречным зрачком
Навзничь упасть
К тучам лежать ничком
Воздухом отравиться
Пугая птиц

Там
Где нет ни возраста
Ни границ

Господи, счастья-то сколько!!! Господи, сколько счастья.
Думала ли гадала, дура какая, а тут – бац – и счастье.
Или там – бац – и жизнь началась, хотя должна бы загробная.
А я тут старуха-старухой стою, даже как-то и неудобно.
А вокруг переглядываются, смеются – старая, мол,
маразменная.
Бабушка на остановке стояла возле экрана плазменного.
Дура, смеются, рекламы не видела, а у самой, поди, дома кот
Голодный, поди, цветы не политы, – стоит тут, разинув рот.

А она стоит тут, и думает, вот...
А она стоит тут и думает вот, дожила до такого чуда...
Думает, вот, дожила до чуда....
Как же я дальше буду?
Точно, завтра пойду к окулисту, поставлю себе хрусталики.
Говорят, ветеранам бесплатно вставляют новенькие хрусталики.
Поднимусь к соседке, – сидит себе, крот-кротом,
– даже не знает, что март...

Поднялась к соседке,
Накормила кота,
Полила цветы.
А тут – бац – инсульт.
Ну, или там – бац – инфаркт.

Каждый день одна остановка. Думаешь, строишь планы.
Стоишь, дурак-дураком.

Сколько шаров напало с потолка!!!
Здравствуйте, милый,
Гуманный до слез – приют.

Будем смеяться
Кричать
Танцевать пока...
Эти шары однажды тебя убьют.
Старая женщина гладит мою ладонь.
Смерть, да куда ты лезешь?
А ну, не тронь!
Вот, говорят, душа у нее гниет.
Вот, говорят, как будто и нет ума.
Если б от равнодушья не впал живот,
Вряд ли б она поела себя сама.
Проще.
Душа – копеечный субпродукт,
Жизнь – скотобойня.
Сегодня опять забой.
Ешь мою душу с живых и горячих рук.
Досыта кушай.
До колики.
Я с тобой.
Господи, как же все вокруг хороши!!!
Сколько шаров в объеме одной души!!!
Господи, что же творится у нас внутри...
Что же ты делаешь, Господи, – посмотри.

закрывал глаза и на три два раз
вертолет взлетал покидал канзас
улетал туда где никто о нем
в никуда и будет как прежде дом
где башка с утра изнутри суха
и совсем не хочется подышать

к гудвину очередь дети-страшилы-львы
воздух тревожный до рези в глазах соленый
таблетки от храбрости травки от головы
квоты на сердце с покрытием из тефлона
но плавилось что-то горело что-то внутри
когда под снарядами рушился Изумрудный
а он закрывал глаза и на раз два три

он их открывал
всегда получалось

и в чужие лбы как корнями врос
человек у которого нет волос
от того и скалится без конца
человек у которого нет лица
есть одна голова и солома в ней
на руинах города без камней
добрый гудвин смотрит в его глаза
видишь элли это твои глаза.

Желтое стихотворение

Остановись, постой у открытой двери,
Вызови лифт, ты знаешь, он едет долго.
Я, как обычно, буду чуть-чуть потерян...
Там, у подъезда, ждет золотая волга.
Там, во дворе, реальность совсем иная –
Странные птицы в пьяном осеннем небе...

Я сигаретой в мягких руках сгораю
И превращаюсь в пепел. Я просто пепел.

Лампа дневного света – замена солнцу,
Белая дверь закрыта (за нею лето),
Переодетый город болеет, – бьется,
Как в лихорадке (правда, таблеток нету).
Вот он пример реального компанейства –
Яркого цвета (может, у них желтуха?),
Листья упали и умирают вместе...
Желчная осень.
Страшно.
Тепло.
И сухо.

Письма пиши себе – получай ответы.
Глупо. Ты все придумала, идиотка...
Осень уйдет. Когда-нибудь будет лето,
Встретимся после пары стаканов водки.

Жизнь из такси выходит – подай ей руку.
Проще не знать друг друга. Не быть другими...

Ветер пронзает тело, уносит к югу,
И оставляет имя. Я только имя.

Я разменивал дни на таблетки и сны,
От которых теперь не сбежать, не уйти,
От которых теперь в моем доме тесны
Коридоры. По праздникам давит в груди.
Дед Мороз, он приходит обычно к другим.
И в мешке его чудо пропахло вином.
Только грохот петарды, шампанского дым
Заставляет загадывать всем существом
Чтобы старая жизнь да на правильный лад.
С новым боем курантов все более ждет...

Я желаю, чтоб время помчалось назад.
Чтобы каждый удар отмотал один год.
До чудесной и, вроде, счастливой поры.
Где никто не стоит над дырявой душой...

Я пойду этой ночью кататься с горы.
Мне же скоро одиннадцать, я же большой.
Забери меня, мама, в наш старенький дом,
Где сегодня не надо ложиться в кровать,
Где красавица-елочка вся серебром
Разгорается. Ей до весны догорать.
До весны не сгореть бы. Дожить до весны.
Антидот неизвестен. Хотя бы запей...
Я разменивал дни на таблетки и сны.
Новый год. Пусть он будет немного теплей.

Покидая подъезд где темно и который не чистят
Выходя на измученный осенью старенький двор

Не найдя никого ты пинаешь опавшие листья
Переполненный счастьем отравленный радостью
Спор
Двух сезонов уже решено разрешится к полудню
Бабье лето разгонит холодный осенний туман
В очертаниях луж неживые хорошие люди
Дожидаешься вечера тот будет весел и пьян
Как и тысячи до мелочей разработанный план
В очертаниях луж неживые хорошие люди
Выключается свет последствием светится бра
Самый первый трамвай за окном проезжая разбудит
Утром будет туман будто повод дожить до утра.

на заброшенном теле заводятся шрамы,
на спине и на пятках цветут васильки
ты не плачь и не бойся, касаясь упрямой,
недвижимой и страшной, холодной руки.
добавляя в коллекцию календари
в этом мире большом от окна до двери
всей душой полюби не болящие раны
и диагноз с подстрочником жизнь удалась
мы станцуем еще в позах вернике-мана
и медсестры на склянках сыграют нам вальс.

Тук-тук.
Тук-тук.
А ведь чей-то муж.
И, может быть, чей-то друг.
Так вот жил-поживал,
Дышал... А потом не дышал.
И вот – все, что жизнью воздано –
Бирка на ногу – «неопознанный».
А они такие красивые, такие белые.
А они такие милые, такие несмелые.
И на лицах всегда одинаково – недоумение.

Мол, совсем и не так представляли себе спасение.
Но они – такие красивые. Такие белые.
Так и хочется подойти – спросить, что они тут делают.
А хочешь, покатаю тебя по коридору, пока никого нет.
Вон – на лестнице свет. Прямо все для тебя – и тоннель и свет
От горла и до паха весь рас//паханный, пере//паханный.
Зато у тебя теперь всего две заботы – лежи да пахни.
Говорят, все дороги ведут... Точно! Рим – это здесь.
А остальное... Отче наш суший ... даждь нам днесь...
Он тоже был маленьким и таскал медведя за лапу.
Вниз головой, не боясь плюшевого покалечить.
Мама учила: ему же больно. А если тебя бы...
Он теперь санитар и хватается за ноги человечьи.
Со стороны вообще куклой перевернутой грезится,
С одной лишь разницей – человек тяжел и упруг,
Подбородком/затылком стуча по ступеням лестницы –
Тук-тук.
И всегда снится один и тот же сон.
Будто бы он – Харон.
Но каждую ночь Лета все мельче и уже.
И вот уже можно в брод.
Все бегут обратно,
Кричат, что он им больше не нужен...
Он просыпается.
Плачет.
Кому-то же нужен он...

Пока верещат циничные холодильники.
Пока утро не устанет кричать голосом будильника.
Вставай – живи и пахни – чей-то сын, чей-то внук.
И тук-тук.
Тук-тук.
Тук-тук.

Люди курят лишь для того, чтоб не сойти с ума.
Чтобы не видеть, как пропадают те, кто им дороги.
Эгоисты. Мир дереализован. Вокруг туман
С запахом пороха.

Как же хочется вынести из дома весь сор и хлам.
Как страшно выносить из дома весь сор и хлам.
Как не хочется оставаться в доме, где лишь сор и хлам.

Ты навечно останешься там,
Если никто не решится тебя убить.
Ты никогда не бросишь курить.
Ты никогда не сойдешь с ума.
Полынь... Полынь... Тфу ты! Туман... Туман...

Посмотри – у них в глазах ледяное крошево,
Ощути – их голосами разбавлен яд...
Ты когда-нибудь слушал, о чем говорят прохожие?
Ты прислушайся. Знаешь,
Они о тебе говорят...

А люди по улицам ходят...
В высказываниях последовательны
В поведении упорядочены
Обманов восприятия не выявляют
Жалоб активно не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...

Раздувшиеся трупы моряков
Напоминают спелые арбузы
Огромные и вкусные арбузы
Напоминают трупы моряков.

Шам-марш, шаммарш!
Все вокруг играют в фарш.
Ать-два-ать-два!
Отлетела голова.
До свиданья, голова...
По уколу – и в дрова.

Вспоминаю вздувшуюся собаку рядом со станцией метрополитена.
Переступаю через нее. Боюсь, что случайно ногой задену.
Мертвая дура! А сколько людей, должно быть, обескуражила...
На ней ничего не зажило.
И сейчас, если тоска добирается до предела,
Я иду туда и ищу ее мертвое тело.

Хочу взять на руки,
Отнести подальше,
Засыпать листьями,
Поставить палку...

Больше никого не жалко
А люди по улицам...

Что ты ходишь своими кривыми ногами по моему зеркальному полу
Что там у тебя в тарелочке, дура, опять уколы?
Иди ты со своими уколами к черту
Да-да, точно, поставь их черту
Лучше бы апельсинов мне принесла, старая гнида
Витамины полезны и в случаях постсуицида.
Смотришь вниз на свое отражение – вяленая рыба
Что ты опять приперлась?
Апельсинов принесла...
ну спасибо.

Видите у этой женщины слезы?
Еще бы, вас бы на таких-то дозах.
А через пару недель, быть может,
Будет ржать как лошадь.
И будто бы даже не убивали сына,
Единственного, маленького совсем еще сына
Воспитывала одна: ни помощи, ни квартиры
Пока одному /из нас/ не показалось, что стал вампиром
Лежит теперь тоже этажом ниже
Нейролептическим воздухом дышит
Ест ту же еду из такой же тары,
Возмущается, когда кричат санитары,
Которых катастрофически мало...

А как было бы, если б на всех хватало.

А люди все ходят и ходят
До тошноты последовательны
До ненависти упорядочены
Вообще ничего не выявляют
Жалоб, сволочи, не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...

Если месяц не пить лекарства
Попадешь в тридешатое царство
Станешь радужной несмеяной
Самой грязной и очень пьяной.
Чтоб на все хватало сил
Покупайте коаксил
Феварин феварин
Вместо масла маргарин

Добрый доктор Айболит
Полечи шизофрениит
Мы по фене да по гале
Что-то очень заскучали
Добрый доктор Айболит
Мы без сыпи и без гнид
Положи в свою больницу
Не забудь за нас молиться

В голове и за спиной
Над тобой и надо мной
Голосами
Голосами
Смейся, господи, над нами.

А люди по улицам ходят
В высказываниях последовательны
В поведении упорядочены
Обманов восприятия не выявляют
Жалоб активно не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...
Главное, чтобы люди
Чувствовали себя хорошо.

Матьяна Репина

Родилась в 1991 г. в городе Ижевске. Окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета. С 2011 года вместе с поэтом Андреем Гоголевым проводила свободные литературные чтения «Брезентовая Цапля», целью которых было объединение творческих сил республики.

Автор поэтических книг «Монография. Пишет один человек», «Без глав».

В настоящее время живет в Польше.

Публикуемые тексты воспроизводятся по книге «Монография. Пишет один человек» (Ижевск, 2013).

«Города существуют, пока они есть на карте...»

остров

открываю глаза. за окном – этот чертов остров.
разговаривай с обезьянами, зарабатывай на кокосы,
ни о чем не думай, не делай лишних вопросов
и движений – тогда не посмотрят косо.
выхожу из дома – и ноги несут по пляжу.
мне бросают волны в лицо нефтяную пряжу.
мне не страшно. я – пофигист со стажем.
а парнишке, который со мной, – вот тому напряжно.
он плетет какую-то кашу о лучшей доле,
что пора подумать в этой дыре о школе,
магазине игрушек и ЖКХ конторе
и о лицах в правительстве, которых он бы уволил.
догоняет меня и кричит: это очень просто,
мы когда-нибудь тоже слетаем к звездам,
перед нами – вселенные, в каждой галактик по сто!

отвечаю ему: это остров. ты слышишь? остров.
здесь две пальмы, два дома и две речушки
и из техники только две ржавых пушки.
если хочешь – стреляй в макак вон на той опушке
и рассказывай им про свои игрушки.
оставляю с морем наедине дорогого друга,
без ботинок иду гулять – как всегда, по кругу.
ах, Господь, если не тянешь руку,
то давай судный час или хотя бы – вьюгу.
закрываю глаза. и ночь совершает кражу
у меня – меня, пофигиста с огромным стажем,
я плыву по космосу – как никогда отважен,
а потом приземляюсь куда-нибудь –
на Юпитер, скажем.

– что ты несешь, – говорит, – что ты мелешь?
– я пришел, – отвечает, – из далекой страны,
там сидит nereида и пишет «Энуму Элиш»,
и все реки вокруг голубою кровью полны.
там убитый ацтек о любви голосит на латыни,
безбородый рыбак беспорядочно ищет брод,
исполин в серой маске и старый угрюмый филин
собираются в царство живых, в крестовый поход...
– что за чушь, – говорит, – что за юродивый хохот?
– я пришел, – отвечает, – оттуда, как серна с гор,
я по флагам топтался, в которых – и серп, и молот,
с пантеона чужого подмигивал гордый Тор,
и цари меня били по левой щеке,
иногда – по правой,
и вплетали в бороды косы убитых княгинь.
у меня душа – как у втоптаных в снег скандинавов,
только телом я...
– все, – говорит, – остынь.
он допил амброзию. доел с алтаря ягненка.
на железного сел коня, пристегнул ремень.
на соседнее кресло уселась в серьгах девчонка,
пропищала: «Закирова, 20. желательно, побыстрей».

Онегин

шаг через дверь наружу в ослепший город.
падаю в пыльную лужу, в трамвайный голод.
смотрит седой Калашников на ребенка.
вокруг умирают статуи. выстрелы рвут перепонки.
струйкой спускаюсь к пруду на дно колодца.
медленно тают друг в друге два чайных солнца.
гнется вода под небом в любовной неге.
каменным гостем навстречу идет Онегин.
«я бы вам, Таня, чаю – да чай студеный.
я вас сейчас встречаю усталой, сонной.
как генерал? живой ли? холеный? в чине?
я тут брожу как трус в колдовской личине...».
и замолчал. и смотрит, мигая редко.
тенью ограды на лица сползает клетка.
ночь сумасшедшая снова вопит: «Евгений!»
и богомольно падает на колени.
вот монумент – небу содрал ладони.
он в перспективе обратной, как на иконе.
пасть разразилась скрипом, оттуда: «Таня,
если б вы знали, как ваша честность ранит...».
ночь шестилицая шла выносить помои.
«много дурного во мне, я от вас не скрою.
ну-с, поглядите – я вам неверна повсюду.
больше того – я другой ни за что не буду».
нам бы с тобой пожить где-то в старой книжке,
нам бы рубашки шить да стирать манишки,
нам бы не знать, как выглядит этот город –
тот, где заводам молятся из соборов.

черный чердак совести
странный конец повести
под чертой лежит человек. ждет.
у него переполнен рот.
он бесценных слов транжир и мот.
у меня же – наоборот.
стихи не в счет.

я робка перед вымыслом.
в поездах я обычно сплю.
рубль складываю к рублю.
неизвестности не терплю.
сто. двести. триста.
голово движет не голова,
он наматывает слова,
на спидометре снова ять.
я готова вместо тебя поспать.
я еще не мать, но близка.
на меня ложится твоя рука,
обниму тебя. издалека.
приближаться – опасно.
я заряжена меньше. я не вулкан.
но внутри меня тоже сидит великан.
он стремится наружу, но я – тиран.
иногда даже ласковый.
человека глажу по голове.
мы летим на старой большой сове
в город, где расцветает мрак,
город строил один дурак
непонятно как. на Неве.

кунсткамера

по стенам стекает воск
кунсткамера взорвалась
мир так же велик и плоск
на улицах та же грязь
в умах все такой же смрад
пропаренное болотце
смотри дорогой Ленинград
шагают уродцы
страшно что все молчат
или кричат «ура»
чиновники ищут печать
у письменного стола
и вот уже горлом ком
люди плюют в колодцы
в паспортный стол прямиком

шагают уродцы
река как покорный пес
лижет тюрьме глаза
завис неисправный мост
под снос отдают вокзал
каменный конь царя
ему же в лицо плюется
отечество благодаря
шагают уродцы
слова застревают в ртах
веревки грызут звонари
шагает седой аллах
и гаснут за ним фонари
он выпрыгнул из ума
спутал с конфетой солнце
в собственные дома
шагают уродцы
террористический акт
кунсткамера взорвалась
невероятно но факт
она переназвалась
в газетах: «взорвался музей
день празднуется труда!»
уродцы рожают детей
уродцы были всегда

простуженный организм

простуженный организм выходит на улицу,
простуженный организм ступает по мостовой,
простуженный организм неловко сутулится –
ему очень плохо. он сыт по горло Невой.
простуженный организм прокликает Мойку,
Фонтанку, Обводный и прочие – там сквозит.
простуженный организм покупает слойку
и туалетной комнате в бистро наносит визит.
простуженный организм идет по проспекту,
простуженный организм молится на витрины,
простуженный организм попадает в секту,

где целых два месяца ест одни апельсины.
потом он садится в поезд и глухо плачет,
все двадцать восемь часов рыдает в рукав.
удмуртский кондуктор долго считает сдачу.
Калашников молча садится в свой батискаф.

больше двухсот

нашим поэтикам все бы писать стишочки,
нашим актеришкам – поигрывать рольки,
век не тот, чтобы шагом державным по строчкам,
звук не такой острый, вкус не такой горький,
ус не такой длинный, курс не такой ясный,
трус не такой жалкий, скорее, наоборот,
пульс не такой частый, блюз не такой разный,
туз не такой красный, груз – больше двухсот.
в теплом мирке, в одеялке, в приветливой
коммуналке,
прячутся толпы людишек и слушают Полозкову,
плачут людишки скопом – все им кого-то жалко,
и чем старше – тем больше себя, и это не ново.
люди идут по улочкам, ухоженным или грязным,
занимаются сексом, занимают деньги, снимают
квартирки,
дымят сигаретки, шуршат конфетки, и все
прекрасно,
поэтики пишут стишки, официанты роняют вилки,
театрики ставят спектакли по свеженаписанным
пьесам,

а возле входа в метро звучат хиты 90-х,
какая-то девушка в платье грустит и глядит на рельсы,
правительство сообщает о перспективах роста,
и все хорошо чересчур, что хочется разреветься,
читая Блока и Горького, Чехова и Толстого
или рекламные вывески, где предлагают одеться
или раздеться недорого, – и это уже не ново.
нашим политикам все бы толкать речишки,
нашим врачикам все бы лечить болячки,
нашим матросам дурнеет от долгой качки,

у наших солдатиков вечно сдают нервишки.
сегодня другое время – и есть излишки,
вместо машин – тачки, вместо боев – драчки,
вместо девиц – сучки, вместо толпы – кучки,
может, и стало лучше, а, может, – наоборот,
век не такой горький, гром не такой громкий,
глаз не такой зоркий, груз – больше двухсот.

мы не видим дверной проем, если он пуст.
мы не верим в смерть до тех пор, пока снайпер – куст.
мы не знаем людей, если их нет у нас в контакте.
города существуют, когда они есть на карте.
кто назвал эту осень осенью?
не могу перестать удивляться.
зеленое дерево уподобилось киноляпу.
я отчетливо помню март две тыщи двенадцатого –
ты приехал, и снег, не смущаясь, падал тебе на шляпу.
дул пронзительный ветер. почище, чем в январе.
небо снизило планку до косяка дверного.
и казалось, что в мире нет ничего дурного
и другого, от этого счастья отличного, – тоже нет.
кто назвал это чувство любовью? кто вышел за
стеклянную дверь любого познания и самосуда?
и отрекшись от всех, заявил, что сильнее,
чем Иисуса Иуда,
никто никого не любил. заявил прямо Богу в глаза.

ты об этом молчал даже больше, чем говорил и пел,
и отряхивал март от зимы, как шляпу от снега.
и казалось – скоро возникнет такой предел,
где мир существует независимо от человека.
кто назвал нас людьми, кто велел нам быть выше всех
и поставил в начало слово, кто сделал милость?
я все больше склоняюсь к тому,
что в слова ударяются те,
у кого в свое время с музыкой не сложилось.
согласился ли с этим ты? – только дернул бровью.
есть согласие выше нас. и мы все перед ним на старте.

это мы называем. себя – собой, а любовь – любовью.
города существуют, пока они есть на карте.

одинокество подсоли,
юный октябрьский снег.
я придумала море, и сама же в нем на мели.
в номинации «сто бессмысленных дел»
я точно буду иметь успех.
мы подружмся скоро, милый
город в асфальтных мехах.
ты подкинешь мне новых знакомых,
я напишу тебе оду в стихах.
в твой пруд, как в консервную банку,
кидают люди окурки. кидаю и я.
вчера общалась с одним из твоих кинозалов,
сегодня – с твоим президентом.
скоро будем совсем друзья.
ты мне сделаешь скидку на гречку,
на кофе и на троллейбус.
а я не буду тебя попрекать
неслучившимся аквапарком.
брожу по тебе, попутно решая ребус:
как растянуть на три чашки
один пакетик заварки.

карантин

сообщаю всем, кому стукнуло двадцать –
объявляется карантин во всех уголках Вселенной!
надеваем маски, прекратим целоваться,
забинтуем друг другу вены.
долой каблуки,
долой современное искусство,
долой зубочистки и памперсы,
запретим «вкусную соль».
наш хребет ломается без особого хруста,

пока Грей не может найти Ассоль
ему кажется, она заболела чумой,
потому что съела корабельную крысу,
она спешила за ним, он спешил домой,
сумасшедшие прыгали в воду с мыса.
сообщаю всем, что объявляется карантин!
заприте двери и забаррикадируйтесь,
нарисуйте кучу бестолковых картин,
сочините плохой стишок, а потом – ретируйтесь.
не ешьте перепечи,
не ходите по Пушкинской,
покиньте Удмуртскую,
сегодня дорожает фасоль.
ваши соседи вешают новую люстру,
пока Грей не может найти Ассоль
он очень боится, что она утопилась,
увидела черный парус и минотавра в паспорте,
ему сегодня приснилось – ему часто снилось,
что он занимается сексом на школьной парте.
сегодня объявляется карантин,
все циники отправляются в изолятор,
на бейджике главврача стоит фамилия «Грин»,
врач очень красивый. у него борода из ваты.
скажите наркотикам нет,
не давайте пиратам рома,
нет смысла идти в Айкай,
сегодня запрещен алкоголь.
мир впадает в долгожданную кому,
пока Грей не может найти Ассоль
ему чудится, что она попала под поезд,
насмотрелась свежих премьер и перепила.
он идет к штурвалу, включает пятую скорость,
бурлаки с голодухи грызут удила.
карантин объявляется повсеместно,
а заодно вводится мода на тишину.
президент, вы можете быть абсолютно честным,
вы можете объявить любую войну.
карантин разрешает все, кроме выхода в море.
тем, кто причалил, в город уже не войти.
Ассоль встречает пожарников в коридоре.
этот поезд в огне. он стоит у нее на пути.

море с открыток

*

море, вычитанное из книжек,
из писем далекого и родного.
юный Жюль Верн прячет кораблик в бутылку.
море с открыток,
море с брошюрки о море.
море, спрятанное в посылку.
море из фильма,
море в Русском Музее
и из рассказов тех, кто ездил на море.
море, которое снится.
море не в полной мере.
море, чья власть обрекает на гибель и горе.

*

льется вода через раму,
льется вода по стене,
топит Волгу и Каму,
топит поезд в огне,
топит церкви и парки,
площадь и монумент,
топит польские марки,
топит обратный билет,
тонут роддомы, загсы,
морги, больницы, суд,
голуби, кошки, таксы,
тонет семейный уют,
похороны и свадьбы,
любовницы и мужья,
тонут зятя и братья,
тонет Россия вся.
соль ударяет в горло,
лопаются виски,
море играет соло.
тонут материка.

*

утро. песок. мячик.
вода и мокрые псы.

ребенок надрывно плачет,
отец смеется в усы.
время седлать дельфина,
время искать ночлег.
море толкает в спину.
вдали маячит ковчег.

в переснеженном городе сахар скрипит на зубах.
для себя – только чай, остальное – удел всевышнего.
иногда бьет судьба по зубам – позволяешь лишнего,
а на всех родившихся не напасешься рубах.
вот и едешь своей носоглоткой вечерними рейсами,
от стены до стены, от вокзала до южных широт,
и поднявшись с колен, начинаешь отыскивать рот
на лице, на полу, на мосту, а потом – между рельсами.
вот и тащит тебя среди ночи слюнявить металл,
лезть туда, где кирпич притворился наждачной
бумагой,
а потом наглотаться воды до того, что покажется
брагой
все, что ты до сих пор наливал, проливал, выпивал.
пахнет так, будто город с утра затянулся «примой»,
будто что-то замыслил, придумал пожить всерьез.
светит солнце с востока на запад, пророча зиму,
ты, прогнув подоконник, считаешь верхи берез.

*

каждая булка ломается поперек.
язык умирает, когда умирает его носитель.
во мне умирает русский, дайте той смерти срок.
мойра гремит костями над тонкой нитью.
есть вещи, которые стоило бы любить,
только любовь не находит тепла Гольфстрима.
нас призывают отважно и смело плыть
и говорят об огромной пользе экстрима.

плывите, нам говорят, гребите доской.
только на берег нельзя, это сразу ясно.
стою по горло в воде с вытянутой рукой –
в небо протянут мой заграничный паспорт.

*

в этом краю чуть раньше заходит солнце.
в этом краю говорят немножко иначе.
знаю о том, что чужое легко дается,
Москва не верит слезам, а Варшава не плачет.
наше гестапо в нас, не ищите рядом.
не виноват лишь тот, кто еще не жил.
хожу по чужой земле королевским садом,
читаю чужие буквы с чужих могил.
в этом краю немного попроще люди,
чуть посложнее – история и судьба.
в целом и общем измены большой не будет.
во мне умирает русский, не поднимая лба.

когда ты любим,
родная деревня – Рим,
и при этом третий.

*

я часто думаю:
как ты там? что ты там?
сколько еще лошадиных сил
осталось у плуга,
сколько еще крылатых
прячется в небе вспоротом,
держит ли за руку дева,
сестра, подруга?
я часто думаю:
светит ли солнце в глаза,
поют ли про март коты?
течет ли в сосудах-улицах
горячая кровь, живая?
и где в перепаханном ложью городе

ты
кормишь кого-то истиной,
регламента не соблюдая?
я не могу не думать:
тепло ли одет, светло ли
там, где с подмостков валится
пьяный Гамлет,
путаая право с левым, места и роли...
рядом ли ты? денег ему на метро –
дал ли?..

*

месяц февраль хмурит брови
из-под собольей шапки
и Пастернака рисует
чернилами на голубом.
счастлив ли ты?
играют ли буквы в ляпки?
пишешь ли ты по-прежнему –
об одном?..

марокканский буйвол

заложив за ухо свернутый в трубку мир,
марокканский буйвол совершает один оборот,
заменяя собой святейшее из светил,
возвращая реке времен заслуженный брод
переплыв эту реку и выплыв в ее рукав,
марокканский буйвол избавляется от надежд,
желаний, мечтаний, обетов, заветов, клятв,
от дома и денег, от обуви и одежд
и избавившись от всего, бесконечно наг,
марокканский буйвол снимает свои рога,
отдает всю власть рабу с названием «враг»
и идет на восток, и поступь его легка
а за ухом тлеет скупой самокруткой мир,
марокканский буйвол рвет небо напополам,
он выходит в открытый космос – он так просил,
чтобы космос однажды открылся смертным,
открылся нам

марокканский буйвол не видел, как пел рассвет
и как раб писал на табличке слово «везде»,
как река времен сточила его скелет
и Гагарин в космос летел на большой звезде
ничего он не видел, поскольку уже не жил,
замегают Марокко арктические снега,
только психи копают землю в местах златоносных жил
и находят огромные, в метр длиной, рога.

небо

в соленом небе выход к Буонаротти,
выплеск подгрудно-глоточный,
чтобы заново задышать,
ты замер как вкопанный
в центре на повороте,
нарушая предписанное,
не скрыться, не убежать.
из-за молочной пенки
рвется вино золотое,
пьяный от радости,
забыв про зеленый свет,
стоишь, и из-под лопаток
стреляет живое,
то, чему ни названия,
ни антонима в свете нет.
чище этого только Сибирь меж сосен,
только уран в своей первозданной сини,
взгляд кавказского горца – упрям и грозен,
что-то, чего не почувствуешь
ни на одной картине.
этого неба в городе мало,
как правды в прессе,
этого неба достойные
спят в подвалах,
Боже, под этим небом
плыл легендарный крейсер,
и золотая тучка тоже под ним ночевала,
с этого неба капал

ливень на Брестскую крепость,
с этого неба однажды спустился Гагарин,
все это рядом вдруг обрелось, воспелось,
в это небо дымил
вместе с заводами Сталин,
а ты, как неморожденный,
как рыба гортань, не зная,
в кого и во что влюбленный
под звуки людского лая,
стоишь под стоградом окон,
под маленькой, злой столицей,
ломаешь нагрудный кокон
прекрасного острой спицей,
и все это, все – под небом,
чертог твоего острога,
в котором немного хлеба
и никого,
кроме Бога.

Раздел II. «А ты проживешь
без памяти?»

Владимир Владыкин

Родился в 1943 г. в городе Можге. Окончил Можгинское педучилище и исторический факультет Московского государственного университета.

Доктор исторических наук, профессор, историк-этнограф, специалист в области финно-угроведения, известный не только в Удмуртии, но и во многих странах Европы.

Является членом Союза писателей России, работает в жанре поэзии и эссе. Его произведения изданы на удмуртском, русском, английском, немецком, венгерском, финском, эстонском, мари и коми языках. Первый поэтический сборник В.Е. Владыкина «Отчего поет тюрагай?» вышел в Ижевске в 1980-ом году.

Публикуемые тексты воспроизводятся по книгам: «Песни солнечного леса: Стихотворения и поэмы удмуртских поэтов» (Москва, 1989), «В народе говорят» (Ижевск, 1998). Перевод автора.

«Отсюда все и пошло...»

К сожалению, об Удмуртии и удмуртах все-таки еще знают до обидного мало. Как-то раз в Германии одна научная дама очень удивилась, узнав, что я не русский. «Так кто-же Вы?» – «Удмурт». – «Удму-у-урт, – удивленно протянул она. – Да-да, я слышала, это где-то в Сибири. А почему Вы не похожи на бурята?» Действительно, почему?

Далеко-далеко в Сибири,
Где течет река Енисей,
Поселились удмурты когда-то,
Что искали вольную волю.
Много минуло лет с той поры,
Сытно зажили и богато,
Обрели и счастливую долю,
Позабыли про старую жизнь,
Енисейскими стали удмурты.
Далеко-далеко в Сибири,
На великой реке Енисей,
Больше века удмурты живут.
Только песни поют о Каме,
Как и прежде, о Каме поют,
Ты пойми их, река Енисей.

Поют на Руси о Волге,
В Египте поют о Ниле,
Индусы славят свой Ганг,
Удмурты поют о Каме.
И так испокон веку
Народы поют о реках,
Говорят, это реки жизни,
Без них человеку –
Не жизнь.
У каждого человека,
У каждого народа
Судьба-река течет,
Малая или великая,
Только она своя,
Неповторимая!
Но все народы-реки
Сливаются в великое целое,
Имя ему – Человечество!
Имя ему – Океан!

Память

А. Шепталину

Память моя, окаянная,
Что же со мною ты делаешь,
Отпусти ты меня, покаянного,
Отпусти меня, слышишь...
– А ты проживешь без памяти?

Священная книга

Давным-давно,
Когда нас еще не было
И даже вас еще не было,
У удмуртов была священная книга,
Где хранились самые сердечные,
Самые заветные слова.
Книга та лежала на большом белом камне,
Камень тот лежал на большой земляничной поляне,
А поляна та была в огромном дремучем лесу.
Говорят, давно это было.
Тысячу раз сменилась листва на рябинах,
Великаны-кедры состарились,
И вновь народились, и снова умерли.
Что поделаешь, затерялась та старая книга,
Но остались ее священные слова.
У каждого в душе найдется хотя бы одно
Такое заветное, сокровенное слово.
Только надо его отыскать
И сложить из тех слов новую,
Необыкновенную
Душевную книгу.

Заклинание Триптих

I

Человек – Инмару, веруя

О великий Инмар!
К тебе обращаюсь я, Человек, малый и немощный.
Пусть жизнь нашу обходят стороной голод и холод,
Град и молнии, пожары и моры –
Если б так ты сделал!:
Пусть наше поле не обскакать белке,
Не обежать лисице, не проскочить кунице –
Если б так ты сделал!:
Пусть наш хлеб уродится с камышовой соломой,
С серебряным колосом, с золотым зерном.
О великий Инмар! Если б все так ты сделал!:
Чего ж нам еще желать?:

II

Инмар – Человеку, веруя

О маленький Человек, который стал великим и всемогущим.
К тебе обращаюсь я, твой Инмар, который теперь уже ничего не может,
Теперь уже все зависит от тебя, и потому заклинаю тебя:
сделай так,
Чтобы в реках плескалась рыба, в лесах жили звери,
Чтобы в небе пели птицы, чтобы трава росла зеленой,
Чтобы небо оставалось голубым, а солнце – добрым,
Чтобы всегда смеялись дети и улыбались матери,
Сделай так, заклинаю тебя!:
Человек, ты вырос и стал великим, а Земля осталась маленькой,
Ты взял на свои большие руки маленький Земной Шар –
Не урони его! Больше мне нечего тебе сказать, Человек.
Веруй в меня, если хочешь, только этого теперь мало –
Лучше веруй в себя!
Что я могу? Пусть я создал этот мир,
Но ведь ты можешь его разрушить, не спросив меня.
Я устал от тебя, Человек. Ухожу. Оставляю тебя наедине
с самим собою,
С твоей совестью, Человек!:

III

Человек – Человечеству, веря

Люди!

Отныне и вовеки веков не забудем

О том, что каждый из нас рожден и должен быть Человеком!

Добрый, умным и милосердным!

Да не заслонят небо стаи возвращенных нами железных воронов,

Да не оскверним хлеб, не сождем воду

И не погасим солнце!

Да не покинут нас благоразумие и согласие,

Радость и счастье, мир и покой!:

И тогда будет Жизнь на Земле

Вечно и бесконечно!

А что есть дороже Жизни на Земле,

Люди!

Человек и Инмар

Однажды Инмар был в очень хорошем настроении

И позвал к себе Человека

И сказал ему: «Выбирай любые сокровища!»

Жарко пылало золото,

Холодным светом мерцало серебро,

Переливались драгоценные камни.

А Человек выбрал себе землю,

Обыкновенную серую землю.

И начал трудиться.

Отсюда все и пошло.

Воршуд

Однажды Инмар подарил людям Птицу Счастья – Воршуд –

И наказал крепко-накрепко стеречь ее.

Обрадовались удмурты, спрятали Воршуд в темницу Быдзым Куа –

Великое Святилище –

Берегли от дурного глаза и чужого голоса.

Да только примечают удмурты:

Не ест, не пьет, чахнет в темнице Птица Счастья,

И решили они выпустить ее на волю.
Рассердился Инмар на непослушных удмуртов и ушел от них.
Ну да уходящий пусть уходит.
А Птица Счастья, говорят, от удмуртов не улетела,
И гнездится она теперь почти в каждом удмуртском доме.

Напев Быдзим Крезь

В лесу жила когда-то старая мудрая ель.
Звали ее Мудор Кыз – Мать Леса.
Говорят, с нее начинался Лес, а может быть, и сама Земля.
Она подпирала небо, чтобы оно не упало на Землю.
Солнце отдыхало не ее ветвях.
Из-под ее корней нарождался робкий родник,
Чтоб потом превратиться в могучую Белую Каму.
Издалека приходили люди, чтоб поклониться Мудор Кыз.
Говорят, однажды мачеха Солнца, злая Молния, страшным огнем
опалила Мудор Кыз.

Ель умерла. Но пришел человек и оживил ее:
Он сделал из нее гусли – крезь –
И вложил в них свою человеческую душу.
Так у удмуртов появились Быдзим Крезь – Великие Гусли.

Когда они звучали, Солнце приближалось к Земле,
Чтобы их послушать.
Когда они пели Инву учан гур –
Песню поисков небесной росы, –
Небо плакало дождем.
Говорят, давно это было.
Но с той поры
Удмурты стали делать свои гусли
Из опаленной молнией ели.

Теперь уже забыли про это.
И про гусли уже позабыли.
Но напев Быдзим Крезь живет!
Если вы хотите его услышать,
Идите в Великий Лес
И прислушайтесь к нему
И к самому себе.

Великий Лес

Протестую,
Когда обижают дерево,
Когда глухой, слепой человек
Говорит про другого:
«Он – бесчувственное дерево».
Но дерево не такое!
Слышите,
Оно звенит, и поет, и плачет,
И тихо стонет
В обнимку с ветром,
Оплакивая свою молодость,
А умирает стоя, не сгибаясь,
И, нарождаясь, вновь поет и плачет,
Но не молчит!:
Великий Лес,
Слаблю тебя и каждое твое Дерево!
Звени и пой во мне
Своим таинственным оркестром жизни,
А коль уж суждено придти к печальной тризне,
Хотел бы умереть
Прямым и звонким
И рухнуть стоя,
Не согнувшись,
Как твое дерево,
Великий Лес!

Люди-лебеди

У удмуртов был такой обычай:
Один раз в году они ловили пару лебедей.
А потом отпускали их,
Чтобы лебеди
По Белой Каме доплыли до Великого Инмара
И напомнили ему о людях.
Верили люди в Инмара – не знаю.
Но, говорят,
Они очень верили в лебедей.

Воробьи и лебеди

Говорят, самые гордые птицы – это лебеди.
На одном маленьком городском пруду
Плавали белоснежные лебеди.
Им подрезали крылья,
И они стали послушными.
Гордо выгнув царственные шеи,
Они торопливо подплывали к берегу
И униженно выпрашивали корм.
Это было невыносимо грустно,
И, не выдержав, я крикнул:
«Не забывайте, вы же – лебеди!»
Но они не слышали,
А люди удивленно смотрели на меня.

А еще говорят:
Нет на земле человека,
Который бы не видел воробья.
Всюду, где живет человек,
Селится и воробей.
Мы, удмурты,
Называем его беззаботно веселым именем – зольгыри.
Казалось бы, эка невидаль – воробей:
Ни вида, ни голоса.
Но, говорят, из всех птиц на свете
Только один воробей не может вынести неволю:
В клетке он погибает.
Видимо, и в маленьком, неприметном зольгыри
Живет неистребимая, гордая свобода.
А может быть,
Просто бывают разные воробьи
И разные лебеди.

Отчего поет тюрагай?

Говорят, тюрагай – жаворонок – поет по весне от радости,
Но кто-то мне сказал,
Что тюрагай трепещет в вышине
От нестерпимой тоски и печали:

Какой-то равнодушный человек,
Распахивая поле, разорил его гнездо.
Кто знает, отчего поет тюрагай?

Зачем люди придумали душу?

Человеку даны:
Голова – чтобы мыслить,
Глаза – чтобы видеть,
Уши – чтобы слышать.
А люди еще придумали душу.
Зачем они это сделали?

Ольха

По-удмуртски ольху называют «луплу»:
«Душа-дерево», или «дерево-душа». –
Такое неказистое дерево, и вдруг – душа.
Непонятно, – скажете вы.
– А с душой-то вам все понятно?

Мои далекие предки верили,
Что у человека есть душа,
Которая после смерти
Превращается в ночную бабочку.

Когда ночью на свет ко мне
Летят ночные бабочки
И падают мертвые,
С обожженными крыльями,
Мне кажется,
Чьи-то души
Сожгла моя неосторожность...

В огромном окне
Отчаянно бьется маленькая бабочка –

Может, моя судьба-душа.
С трудом поймал,
Окно открыл
И выпустил.
На пальцах осталась легкая пыль
От крыльев – крыл...

М. Атаманову

Пощадите меня, люди,
Не хвалите меня – мне стыдно.

Пожалейте меня, люди,
Не ругайте меня – мне трудно.

Вы поймите меня, люди,
Помолчите...

.....
Спасибо, люди!

Собачье сердце

Жил один щенок.
Бездомный и никому не нужный.
И его подобрал человек.
Одни выбрасывают, другие – подбирают.
Люди ведь разные бывают.
Это был хороший щенок, а пес получился еще лучше.
Это был верный пес – он имел хозяина.
Это был гордый пес – он имел друга.
Но однажды человеку пришлось куда-то уехать.
А его он с собой не взял. Видимо, иногда мешают и друзья.
Человек не возвращался долго.
Пес мучительно тосковал.
Его собачье сердце болело по-человечьи.
А может, еще сильнее – мы ведь не знаем.
И он умер от этой нестерпимой тоски и печали.
Когда человек вернулся, ему стало очень грустно.

Потом появились новые друзья.
Они были тоже хорошие.
Но уже другие.
Невеселая получилась история.
Но так было.

Когда на небе нет луны –
Скучно.
Когда на небе нет солнца –
Страшно.
Когда рядом нет человека –
Невыносимо!..

В деревне хлеб уж не пекут.
Хлеб там теперь покупной,
Привозной.
Не свой.
Быстро, удобно, дешево.
И все-таки грустно.
Говорят, уже хлеб не тот.
Запрещаю плохо думать о хлебе.
Это мы виноваты, люди!
Будь моя воля,
Высочайше бы повелел
Хоть один раз в году,
В каждом доме
Непрерывно
Испечь каравай хлеба,
Чтоб не забыть его запах.
В каждом доме,
В каждой деревне,
По всей земле
Пусть вечно пахнет хлебом!

«Зачем нельзя?»

Когда мы проходили по деревне, наше внимание привлек один дом. Он весь был какой-то симпатичный, ладный, даже внешне уютный. Нам захотелось зайти, познакомиться с его хозяевами.

Когда мы отворили калитку, во дворе увидели совершенно очаровательную бабушку. Она была тоже удивительно симпатична, как и ее изба. Поздоровались. Спросили, можно ли войти. Бабушка всплеснула руками и ответила удивительно: «Зачем нельзя?»

Если б мы всегда так отвечали.

Алла Кузнецова

Родилась в 1940-м г. в деревне Чимосхур Завьяловского района Удмуртской Республики.

С 1956 г. работала на кирпичном заводе чернорабочей, затем на машиностроительном заводе фрезеровщицей, продавцом книжного магазина. Жила и трудилась в различных городах: библиотекарем в городе Орле, воспитательницей в тубсанатории города Чарджоу, в Вологде – на дорожном участке. В 1974 г. окончила заочную среднюю школу.

Первый сборник стихотворений «Чурьёсы тыныд» («Строки тебе») напечатан в 1976 г.

Была членом Союза писателей России. Лауреат национальной премии им. Ашальчи Оки.

Жизнь А. Кузнецовой трагически оборвалась в 2003 году.

Публикуемые тексты воспроизводятся по сборникам: «Мир женской души» (1992), «Интим: стихи (на удм. и рус. языках)» (1995).

«Я все же от тебя не отрекаюсь...»

В юности,
Может быть, в детстве когда-то
Меня посетила богиня Эрато*.
С огромной сумою словесного груза
Явилась незванная муза.
Эрато со мною по снам побродила,
Прекрасные образы строф подарила.

*Эрато (греч.) – муза любовной, эротической поэзии.

Легко и свободно мы шли до Парнаса,
Чтоб быть на вершине, позвали Пегаса.
Примчался Пегас, и земля загудела...
Как солнце слепило крылатое тело!
Под кожей коня каждый мускул играл.
Меня дожидаясь, он громко заржал.
И волосы дыбом у глупой девчонки.
От страха дрожали коленки, ручонки.
Умчался Пегас мой, презрительно фыркнув,
И выю, как лебедь, по-гордому выгнув.
С тех пор и во сне не седлаю Пегаса,
Хотя и брожу у подножья Парнаса,
И лишь иногда без словесного груза
Заглянет в окно недоверчиво муза.
И лишь иногда, для тебя, мой любимый,
Я строчки ищу, что тогда обронила,
Ту лирику сердца, что в детстве когда-то
Так щедро дарила богиня Эрато.

Перевод автора.

*Красивейшей из красивейших!
Из греческой мифологии*

– Счастливейшей из счастливейших, –
Объявил сам бог Кылдысин,
Когда бросил ижевским девчатам
Ярко-рыжее яблоко счастья.
Я поймала его! Я поймала!
Но красой неземною пленяюсь,
Надкусить и съесть не посмела,
Лишь любуюсь, поцеловала.
В этот миг мое яблоко счастья
Кто-то вырвал из рук моих...

С болью

И стенанием с ним я рассталась.
Умудренная опытом жизни,
Та, другая, вкушает счастье.
Слышен сладостный хруст.
Я в сторонке

Только молча стою и смотрю...
А застолье шумит:
– Горько!
– Горько!

Перевод автора.

Неласковая родина моя,
За что меня ты невзлюбила?
При матери живой
Росла я сироткой.
Почище мачехи она меня бранила,
До полусмерти била.
...О, как мне больно было!

Неласковая родина моя,
Ты даже юность отняла мою.
За что же песни о тебе пою?
За что люблю?
Уж не за то ли, что полы чужие мыла,
А платье состирнуть себе не находила мыла?

... Мне так обидно было.
Неласковая родина моя,
Уж не за то ли я горжусь тобою,
Что и при муже я жила вдовою
И от отчаянья чужих мужей любила,
И, как обычно, для любимых
Была немилой.
...О, как мне горько было!
Неласковая родина моя,
Я все же от тебя не отрекаюсь,
Твоею красотой восхищаюсь,
И с нелюбовью я смирилась.
Видать, такую уж несчастной уродилась
По божьей воле.
По божьей воле и, видать, не боле,
Пашу я поэтическое поле.

Перевод автора.

Беляки уничтожили деда.
И отец пал в военные лета.
Сына путь сквозь пустыню лежит.
След кровавый по цинку бежит.
В колыбели аукает внук...
Не замкнись же, погибельный круг.

Перевод Р. Романова.

Папа,
тятя,
отец...
Как хотела
я позвать его в вихре годов.
Но война
шар земной облетела.
Не пришлось мне сказать
этих слов...

Перевод А. Зарытова.

...И вспыхнут снега над далекой судьбой...
Зима заметает следы за тобой.
Над иглами елей,
от света багрян,
Снег вьется, как будто танцует ширьян.
На пламя летит, заполошно звеня,
Как будто и впрямь не боится огня.
Из той деревушки,
которую звать
Завьялово, –
ходит сюда моя мать.
Не часто –
уж больно идти тяжело:
Дороги глухие давно замело.

Милая, скажи...
Тут погибла память.
И на чьем крылечке
Мне повывь, горюя,
На помин души?!

Перевод автора.

В займы не клянчи у скупого.
Не даст. Скорей – обидит словом.
От разлюбившего любви
Не жди. Обратного не зови.

Тепла у солнца в день ненастный
Напрасно будешь ты молить.
И жизнь свою в пору прекрасной
Не сможешь удержать, продлить.

Проси лишь главного – терпенья
У матушки сырой земли.
Лишь мужества и вдохновенья
У края отчего проси.

Перевод Р. Романова.

Ой красив, как красив
Снежинки узор!
Но радуга краше, милее...
Ой хороша трель соловья!
Но песня твоя роднее...

Под солнцем исчезнет снежинки узор,
Трель соловья позвенит и порвется,
А песня твоя, мой любимый народ,
Годами, веками поется.

Перевод автора.

Мартовский ветер

Еле слышно дыханье весны –
Снегом пахнет иль огурцами?
А сугробы перинно-пышны,
Дерева – в индевелом мерцанье.

Но подул,
Пробежал ветерок
И надеждой на песню повеял,
И снегирь, заалев как флажок,
Замелькал красногрудно в аллее.

Жду поры,
Пусть она далеко,
А дыханье весны еле слышно, –
Но и слову созреть нелегко,
Чтобы песня великая вышла.

Перевод И. Крохина.

Воложка... Синий
Мышиный горошек...
А мимо проходит
Самый хороший.
Воложка, видишь?
Любый с другою.
Глаз незабудок,
Видно, не стою.
Рано, видать,
Облетел италмас.
Счастье мое,
Видать, не про нас.
Зря, видно, кружатся
Липы в «ширьяне»,
Травы плетут
Кружева на поляне.
Попусту дарится
Ситец ромашки...

(Хоть бы потрогать
Ворот рубашки!)
Жду как и прежде:
– Будет? Не будет?
Воложка, сделай–
Пусть он полюбит...

Перевод автора.

Речка Чимошурка,
Шаткие мосты.
Саня, Санчик, Шурка,
Что задумал ты?
Может быть, над речкой
Радугу зажжем
И в душе навечно
Это сбережем?
А кого стесняется
Алая заря?
Верба к речке тянется,
Может, не зазря?
Ветер майский вербочку
Целовал взахлеб,
А потом березоньку
На лугу завлек...
Видишь, верба клонится
К реченьке опять...
Выйдем за околицу
До утра гулять?

Перевод автора.

В песнях не пропетая,
В сказках не бывалая,
Ласкою согретая
Река, как зорька алая.

А солнце онемелое
В ней тонет, как в перине.
Багровое, несмелое,
Теряется в разливе...

Закатная, заветная,
Никем не принаряжена,
Ничем не приукрашена,
В алый цвет окрашена.

Алая, неожиданная,
Как сама мечта.
От того ли алая
Стала Иж-река,

Что одна желанная,
горячая рука
(грубая, в мозолях)
Лежит в моих ладонях?

Перевод автора.

Сказка про Чепцу

Веришь ли? Не веришь наверняка...

Полюбила Солнышко
Девушка-река.
И каймою плательной берега.
И пышны сатиновы рукава.
И блестят, рябнятся (аж горят!)
Деньги... бусы... девичий свадебный наряд.
Ах, краса Удмуртии – реченька Чепца –
Завлекла-занежила молодца.
Протянуло Солнышко руку-луч.
Да Ветрище Северный нагнал туч.
Ах, тоска-разлучница! Ночь черна.
Бьется, плачет реченька,
Плещется одна.
И в дожди секущие, и в мороз

Побежала к милому до вечерних звезд.
А дорожка дальняя нелегка:
Прихватила криночку молока
Да еще с малиною туесок,
Семицветный вышитый поясок.
Но Ветрище Северный на пути!
В один год до милого не дойти.
Ветер больно дергает косы ей,
Иней красит голову все белей.
И, с лица повыветрив алый шелк,
Ветер успокоился и умолк.
Поглядело Солнышко на Чепцу.
Жалко стало девушку молодцу.
Жалко, да не любитися горячо.
Поглядело ласково и – молчок.
Прожурчала реченька:
– Так и быть.
Знать, тебе, любимому, не любить.
Опрокинь мой ягодный туесок,
Развяжи мой вышитый поясок.

Снова в русло, в старые берега
Потекла с достоинством
Женщина-река,
Нарожала доченок да сынков,
Говорливых солнечных ручейков.
Да о бывшей девичьей той любви
Распевают в рощицах соловьи.
Солнце сыплет изредка
Ягодным дождем,
Той красой малиновой,
Что мы ждем-пождем...
Дождь пройдет. Поважнется
Небо над леском
Семицветной радугой-пояском.
Солнце спать уляжется.
Речке не уснуть.
На небе появится
Млечный Путь.
Вспомнится: дороженька нелегка,
Расплескалась криночка молока.

Солнце – ты, любимый мой.
Реченька – не я.
Сказкою дороженька
Не была моя.
На меня ни разу ты
Не взглянул:
Быть бы мне отвергнутой
Речкой на лугу...
Хоть бы миг единственный
Быть твоей.
И не надо жалости,
Не жалея –
Пусть бы исковеркалась
Жизни колея...
Солнце – ты, любимый мой.
Реченька – не я.

Перевод автора.

Темно,
Словно в мрачную баню попала:
тучи – дымные, небо – черно.
Я такого дурного оскала
у луны не видала давно.
Словно череп за рощей туманной
ухмыльнулся...
А следом ползет
куст взъерошенный ведьмою банной
по прозванию Мунчокузё.
Как мне страшно в лесу!
Как мне жутко!
А ведь только что – месяц сиял
и пихтовую хвою, как шубку,
тихий ветер ладонью ласкал.
Миг волшебный недолго продлился
и погас доверительный свет.
Неужели ты так рассердился
на мое осторожное: «Нет...»

Ты отпрянул во тьму –
и растаял,
будто канул навек в тишину...
Неужели меня ты оставил
в этой сказке угрюмой одну?

Перевод Вл. Емельянова.

Зачем городят огород?
Чтоб не топтал посевы скот.
Дверь запирают на запор,
чтоб не проник в квартиру вор.
И сердце спрятано внутри,
чтоб тайна там скрывалась...

А я запор сняла – смотри –
чтоб дверь не закрывалась.
Я огород не горожу –
и скот цветы не топчет.
Я тайну в сердце не держу –
и злость его не точит.
И разорить никто не смог
меня в моей отчизне...

Чему смеешься ты, дружок?
Чем плох мой образ жизни?

Перевод Вл. Емельянова.

Молитва

Господи, Боже ты мой, прости меня грешную:
За писанину небрежную,
За боль цветов мною сгубленных,
За любовников недолюбленных,
За всех мужей, мною брошенных,
За нерожденных мной...
недоношенных...

За то, что иконою Ленин,
За тонны душевной лени,
За поклонение Сталину,
За медных крестов окалину,
За то, что с друзьями
Хоть локти огложем,
А жить по заветам твоим мы
Не сможем.
... Да не сам ли такими
Создал ты нас, Боже?

Господи, Боже ты мой, прости меня грешную.
Перевод автора.

Бог погоды, Куазь, я твоя дочь!
Залетела в глаза мои
темная ночь,
надо лбом
вьется черная туча кудрями,
луны желтые
стали моими глазами,
и подобно лицо мое – солнцу.
Но если
на душе грусть-назола,
я плачу дождями,
если радость –
то радугой я в поднебесье.
А когда не по мне что-то –
молнией, громом
становлюсь над своим же я домом!
Бог погоды, Куазь, без тебя нет и дня.
Вечен ты.
Ну а что ожидает меня?

Перевод Г. Рожновой.

Комета вспыхнет лишь на миг –
и яркий свет вдали растает.
И словно правду сердце знает:
– Ведь это счастья чей-то крик!
Как скоротечна жизнь комет.
И все же их завидна участь.
Вот так бы мне, стихами мучась,
над чьей-то жизнью, чьей-то тучей
пусть хоть на миг исторгнуть свет!

Перевод А. Зарытова.

Михаил Федотов

Родился в 1958 г. в деревне Ворце Ярского района. Удмуртский поэт, по национальности бесермянин.

В 1981 году окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета. Работал научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института, редактором отдела поэзии и критики журнала «Молот» и корреспондентом газеты «Советская Удмуртия».

Был редактором отдела художественной и детской литературы книжного издательства «Удмуртия», работал в редакции журнала «Кенеш».

Автор трех поэтических книг на удмуртском языке (1985, 1988, 1991).

Лауреат республиканских и всероссийских премий.

Умер в 1995 году после продолжительной болезни.

Публикуемые тексты воспроизводятся по двуязычному сборнику «Вирсэр» («Пульс»), 1998 г. (перевод на русский язык Вл. Емельянова).

«Но там – и начинается судьба...»

Кому куда,
а мне – пахать землю,
чтоб не сказали: «Сын-то не в отца...»

Пусть говорят, что можно мной гордиться,
соседки,
собираясь у крыльца.

Кому куда,
а мне – поближе к людям,
которые бесхитростно живут,
с которыми и сердце не застудим
и не забудем, что такое труд.

Кому куда,
а мне – в свою деревню,
где нет
ни господина, ни раба,
где кажется все первобытным, древним...

Но там –
и начинается
судьба!

Хлопья белые в небе парят,
Словно пух из огромной подушки.
Озорные снежинки летят,
Будто в танце веселом подружки.

Даже ветра неистовый вой
Нынче кажется песней хорошей.
Я сегодня шагаю домой
По январской дороге продрогшей.

От мороза лицо, как в жару,
Загорелось всюю, заалело.
И пальтишко на стылом ветру,
Как бараний тулуп, задубело.

Все сугробами замечено.
Свеи снежные путь перекрыли.
«Зим таких не бывало давно», –
Мне бывалые ярцы твердили.

А когда проходил я Укан,
Так замерз, что дрожали подмышки.

В Зингагурте один старикан
Оживил меня рюмкой кумышки.

Лишь спустившись с горы Канашур,
Я душой воспарил невесомо.
И, взглядевшись в деревню вприщур,
Успокоился: вот я и дома...

Чупчи

Еще такой не видел я Чупчи:
Капризничает, как больной ребенок.
Не легче ей от этого... Спросонок
Она у берегов, как волк, рычит.

Бывали дни – я знал Чупчи другой:
Текла она спокойно, словно пела.
С чего она так яростно вскипела?
Обидел, может, кто-то шуткой злой?

На крутояре жутком я стою.
Не страшно мне, что ветер завывает
И с берега меня в Чупчи толкает.
Не кружит бездна голову мою.

А если и сорвусь в водоворот,
Я знаю: люди добрые найдутся
И не дадут в стремнине захлебнуться.
А после – и добро мое взойдет.

С цветов весенних скатится роса
За каплей – капля, русло расширяя.
И запоеет ручей, в Чупчи впадая,
И воспарит, взмывая в небеса.

За деревней, у реки Лекмы,
Стая журавлиная

На пороге ветреной зимы
Шеи свои длинные

Тянет в небо... Что ж,
Пришла пора.
Улетать туда, где ночи – южные.
Накопили пуха и пера –
Прочь, заботы вьюжные!

Вновь летят,
Вбивая клин живой
Меж зимой и осенью.
Лишь один журавлик молодой
Вслед кричит им: – Бросили!

Может быть, он ранен?
Может быть,
Он не признан стаею?

Легче было бы его убить.
А его –
Оставили...

...Очень часто во сне я скачу на коне,
луг горбатый сжимая в ладони.
Города наших предков пылают в огне.
Я спасаюсь во сне от погони.

Иногда я – охотник. И волк иногда.
То гонюсь я, а то – убегаю.
Такова моя вечная боль и беда.
Зверь я или загонщик – не знаю.

Иногда я стою над Чепцой, словно вождь,
иногда – как беглец одинокий.
И реальность, и сказка, и правда, и ложь,
пахарь кроткий и воин жестокий –

Все сошлось и смешалось в таинственном сне,
словно в тысячелетнем тумане,
и заглавный вопрос пробудило во мне:
кто же все-таки мы, бесермяне?

Вольная песня

О древняя, вольная песнь бесермянина!
Сосновой живицей изба затекла,
как будто воспоминаньями ранена...
Когда-то она молодою была.
Но годы прошли – оказалась без голоса:
не дышит, не держит тепла, не поет.
На бревнах коричневых белые полосы –
смола, будто слезы, по стенам ползет.
И в каждую трещинку, словно в артерию,
незримо войдя, этот старый мотив
и счастья, и горя длиннющую серию
опять начинает, судьбу повторив.
Поет бесермянин протяжно, раздумчиво,
а рядышком с дедушкой внучек сидит.
И время, что их разделяло и мучило,
сегодня их песнею соединит.
И снова – то горем, то счастьем огранена,
из прошлых – в грядущие дни и века
летит она – вольная песнь бесермянина,
и – вечные – в небе плывут облака.

Памяти дяди Педора

Когда мой дядя песню пел, бывало,
Журчал негромкий голос ручейком.
И буря на дворе ослабевала.
И прекращался ветер за окном.

О, как он пел: «Жиль-жиль... Зыл-зыл...» – как речка,
Что не спеша течет к большой реке.
У ребятешек екало сердечко.

Зарницы полыхали вдалеке.
То радуя, то горем сердце раня,
Речитативом, чуждым суете, –
Так испокон певали бесермяне
О совести, о чести, о мечте.
А как он мог рассказывать! Промчалось
Немало долгих вечеров, как миг.
Седая древность молодой казалась.
Юнец казался мудрым, как старик.

Еще я помню: взяв жену под ручку,
Плясать любил он... Так вот и прожил
Он жизнь свою, которую не мучал,
А в танец, в сказку, в песню превратил.

Ширьян

А пойдём-ка, пойдём-ка на луг!
Праздник первой травы отмечая,
Спляшем танец старинный,
Мой друг,
На гармошке веселой играя.

Вот и девушки рядом идут,
Как цветы на зеленой поляне.
Приглашения нашего ждут
Покружиться в задорном ширьяне.

Начинается! Шаг – и прыжок,
И – еще раз! Движения быстры.
Пляшут, пляшут – вот-вот из-под ног
У танцоров посыплются искры.

О лукавые взгляды подруг!
Прибаутки посыпались градом.
Даже солнце,
Не выдержав,
Вдруг
К нам спустилось, запрыгало рядом.

Ой, сплясал я сегодня, сплясал,
Руки-ноги свои успокоил.
Пошутил, отдохнул, подышал,
Вновь себя на работу настроил.

Сенокос!
И литовка, звеня,
Косарей на покос приглашает.
Вновь
К истокам удмуртским
Меня
Древний танец ширьян
Возвращает.

Мушники

Как будильник, затрезвонит кочет,
поднимая братьев-мужиков.
Матушка у печки захлопочет,
напечет ватрушек – мушников.

Жир бараний в сковородке пляшет.
От ватрушек дух в избе такой,
будто возвратилось детство наше
этим летним утром в дом родной.

Мать из печки сковородку вынет,
скажет мне: – Пора вставать, сынок,
просыпайся, а не то – остынет
завтрак твой, мой милый мужичок.

Мушники! И сна – как не бывало.
Вскакиваю с лавки – и к столу.
Как прекрасно сердце ликовало...
Как плясали ноги на полу!

Розовые,
с корочкою тонкой
мушники мне душу веселят.
За столом, застеленным клеенкой,

братья мои старшие сидят,
говорят: – Сперва умыться надо...
Да утрись получше, озорник.
А потом вручался, как награда,
Честно заработанный мушник.

Ах, как быстро годы наши мчатся...
Сделались мы взрослыми людьми.
Очень редко стали мы встречаться.
Но как славно слышать, черт возьми,
в дни,
когда соединяет снова
время нас,
заветные слова:
– Просыпайтесь, мушники готовы...

И светлеет мигом голова.

Четвертый сын

1
В армию мать провожает четвертого сына,
Руку его все не может никак отпустить,
Смотрит в глаза и трепещет, как будто осина,
Слезы разлуки улыбка пытается скрыть.

Так же когда-то и мужа на фронт провожала.
«Жди, – он сказал, – и вернусь я с победой
домой...»
Много ночей она слезы тайком проливала.
Он возвратился – израненный весь, но живой.

Проводы те вспоминаются снова и снова.
Кажется, все это было недавно, вчера.
Но а сегодня, как копия бати родного,
Сын улыбается и заявляет: «Пора...»

Сердце опять переполнено песней разлуки.
С этой мелодией парни уходят служить.
Сколько в тех звуках печали, надежды и муки!

Сколько в них веры – вовеки веков не избыть.
Как разудало сегодня гармошка играет!
Односельчане выписывают кренделя.
Ветер и рощи весенние им подпевают.
Солнце танцует, и кружится в пляске земля.
Сын горячится, как будто отлетная птица.
«Жди, – говорит он, – не надо печалиться, мать».
Ну, а она его держит, не хочет проститься,
Все «до свидания» сыну не может сказать.

В армию мать провожает четвертого сына.
Ветер ей волосы путает, щеки ей жжет,
Будто бы вновь проверяет – осталась ли сила...
Сын не уехал еще, а она уже ждет.

2
В небесах
Серебристых пушинок полет.
Снег идет, будто сотня черемух цветет.

Мама воду несет...

Коромысло
Усталые плечи гнетет
И скрипит, словно грустную песню поет.

Мама воду несет...

Даже если хрустит
Под обувкою лед,
На дорогу ни капли она
Не прольет.

Мама воду несет...

На крылечко поднимется,
В избу войдет,
Ведро на пол поставит
И тихо вздохнет,
И на лавке у печки
Долго-долго сидит,

И в окошко морозное
Молча глядит.

Был я мал
И не ведал, что мама больна.
Просто думал,
Что так отдыхает она.

3
А помнишь ли, мама? Под шелест метели
С тобою мы рядышком дома сидели.

И разные-разные песни певали,
Покуда бураны в трубе завывали.

Я знал и другое: в ночи беспросветной
Был слышен твой плач о судьбе нашей бедной.

Когда об отце ты моем вспоминала,
Недетская боль мое сердце сжимала.

Не надо оплакивать, мама, ушедших,
В ином измерении что-то нашедших.

Давай-ка в отцовской избушке нетесной
Разгоним печали веселою песней.

От горестных дум про небесное царство
Излечит нас песня – святое лекарство.

4
Когда соседки пожилые к нам
Приходят в гости, я беру гармошку,
Сажусь поближе к светлому окошку,
И – слезы подступают к их глазам.

Хлопочет мама у горячей печки
И напевает свой любимый крезь*.
А гости дружно хвалят перепечи.
Ну, чем не праздник? Все, что надо, – есть.

* Крезь – здесь напев, мелодия.

И чай горячий, и гармонь, и песня.
И гости хвалят сына: «Молодец!
А как играет, как поет чудесно!
А как похож – ну, вылитый отец...»

Когда моя гармошка заиграет,
Отец как будто снова с нами здесь...
И мама, молодея, вспоминает,
Как он певал ее любимый крезь.

Другу детства Л.В. Федотову

Мне кажется, все это было вчера –
И наши забавы, и школа.
И все, чем недавно жила детвора,
На жернове жизнь размолола.

Лишь память осколком засела в мозгу.
Отец твой меня повстречает,
«Что, скажет он, – хочешь увидеть Москву?» –
И к небу меня поднимает.

И так же отец мой тебя привечал.
Разжившись свободной минуткой,
Как сына родного, тебя забавлял
Простой деревенскою шуткой.

Какие мы были с тобой хитрецы!
Какие проказники были!
Но где они, где они, наши отцы?
Какие их сумерки скрыли?

Неужто опять призвала их война
Всемирному злу на потребу?
И нашим детишкам Москва не видна,
Пока не поднимешь их к небу.
Я на руки сына возьму твоего,
А ты моего приласкаешь.
И больше не надобно им ничего.
Я – знаю. И ты это знаешь.

Герд

Так о чем же он думал
В последний свой час,
Когда сердце готовилось пулю сглотнуть?
Он, наверное, понял,
С чего началась
Эта злоба свинца, что летел ему в грудь.
Он, быть может, постиг –
Кто, за что и зачем
Превратил его жизнь в узел вечных проблем.
Захотелось Иуде в глаза посмотреть.
Захотелось спросить, прежде чем умереть:
«Как живешь, бывший друг, в гнусной роли своей?
На кого заготовил ты новый донос?»
...Но остался на острове гневный вопрос.
И с родной стороны никаких нет вестей.
Только пуля, летящая через года...
Только пуля, несущая гибель и тьму...
Что
Последней опорой служило ему?
Может, вера,
Что узел его – никогда
Не удастся уже развязать никому...

Флору Васильеву

В Шамашуре не свистит синица.
Только ветер воет под сосной,
Да сова – ночная злая птица –
Проклинает дикий жребий свой.

Словно мать, что потеряла сына,
Речка Мо'я высохла почти

И своим усталым взглядом синим
Смотрит на притихшие ручьи.

В Бердышах дымят печные трубы
И с утра накрыт прощальный стол.
У людей печально сжаты губы.
И закат за окнами тяжел.
Станет былью даже небылица,
Если свет надежды погасить.
Но – пластинка вертится... И длится
Голос твой.
И призывает жить.

Владимиру Романову

Приснилось мне:
Ты приходил
Ко мне под вечер в гости.
Спросил я:
– Где ты, друг мой, был?

– На собственном погосте!

Я вспомнил
(Господи, прости!)
Как тяжело мне было
В последний путь
Твой гроб нести,
Как глубока могила...

– Володя,
Как ты не сумел
От смерти отвертеться?

А ты в ответ:
– Настал предел,
Перегорело сердце...
Потом добавил,
Глядя в даль:
– Судьба – она такая.
Кому – печаль,
Кому – медаль,
Кому – светить, сгорая...

Еще спросил я напрямик:
– Ужели мир тот тесен?
Ответил ты: – Нет, он велик.
Но скучно в нем без песен.

И не с кем выпить там, дружок.
Для них вино – отрава.
Давай еще на посошок?

И подмигнул лукаво.
Слезу смахнул
И был таков.

Лишь
С неизбывной силой
Сиял огонь твоих стихов
Над горестной могилой.

Сегодня в театре
Спектакль «Вуж Мултан».
Уже все билеты распроданы.
И вновь театралы
Увидят роман
О прошлом поруганной родины.

И старый Акмар,
Не сдержавшись,
Всплакнет,
На горькую долюшку сетуя.
И речь свою вновь Короленко начнет.
Рассыплется ложь беспросветная.
Но все повторяется в мире не раз...
Назавтра – начнется все заново.
И сердце забьется,
Как будто сейчас
Всемирный откроется занавес.

Танцевальная мелодия

Выводит ветер ласковый мотив.
Танцуют волны на пруду ижевском.
И, на бетонный берег накатив,
Приветствуют его веселым плеском.

Вдоль набережной ивушки стоят,
Обнявшись, как подружки озорные,
И молодой листвою шелестят,
Завидуя танцующей стихии.

А волны все неистовей шумят,
Танцую на серебряном просторе.
И полыхает золотой закат.
И пруд похож становится на море.

Лишь за полночь устанут танцевать
Шальные волны... Пруд утомонится,
Чтоб город мог хоть чуточку поспать,
Чтоб новая заря могла родиться.

Городские думы о деревне

Здесь – здания до облаков,
Железные заборы...
А где-то крики петухов,
О счастье разговоры.

Здесь спозаранку чудеса –
Трамвай по рельсам ходит.
А где-то звонкая коса
Траве хвалу выводит.
Здесь мы бредем среди камней,
Душой ослабевая.
А где-то шалый соловей
Поет, не умолкая.

Бетон, металл – нелепый круг
Бесстрастья и азарта.

«Уеду к черту! – скажешь вдруг.
Потом прибавишь: – Завтра...»

Хвост над городом в небе повис,
может – лисий, а может – павлиний.
Странный хвост – желто-зелено-синий.
Хвост гибрида павлинов и лис.

В этом городе нечем дышать.
Мне траву бы косить над Чепцою.
Но незримою цепью стальнойю
город ноги мне смог оковать.

Это все не к добру, не к добру...
Скоро сброшу я цепь и – в деревню
убегу к родникам и деревьям,
к полю, плугу, пиле, топорю.
Позабуду о славе пустой.
Брошу грязь жития городского.

Вру себе...
И слова мои снова
будто выстрел гремят холостой.

Нет на улице даже собак...
Только я, как в бреду, одиноко
вновь бреду через холод и мрак...
Ветер воеет и хлещет жестоко.
Ветер, враг мой, о, как ты жесток!
Лишь меня ты избрал почему-то.
Я готов заскулить, как щенок,
на пороге любви и уюта,
прислоняясь к бетонной стене
неприступного дома чужого.

Враг мой вяжется снова ко мне.
И бреду я по улице снова.

Весь насквозь я промерз на ветру.
Как нещадно он щиплется – ветер...
Неужели я так и помру,
ни души на дороге не встретив?

Зовет меня забытая дорога...
Оставлю дом и службу, что постыла...
Растет в душе недобрая тревога.
А голова распухла и остыла.

О мой Инмар, избавь меня от муки
жить в заточенье затхлом, бессердечном.
Не дай мне наложить однажды руки
на главную строку мою – о вечном.

О том, что я искал, осознавая:
беспутного поэта – не бывает.
В тумане предрассветном пропадая,
пойму: тоска по дому – убивает.

Избавлюсь я от самозаточенья,
когда петух зальется голосистый.
Как всплеск от лодки на речном теченье,
мой след растает на траве росистой.

Прощай навек, тюрьма. Я – улетаю.
Дыши, душа, мгновением счастливым.
Я опьянюсь свободой и – растаю,
как облако, что стало летним ливнем.

До Кильмези мой поезд идет.
Черный лес за окном проплывает.

До сих пор в моем сердце живет
та дорога
и скорбно вздыхает.

Станционный мигнет огонек,
чьи-то лица белеют во мраке.
Прогудит паровозный гудок –
вновь мелькают дорожные знаки.

Застонав, как больной человек,
поезд вздрогнет на стыке неплотном
и потянется в будущий век
по костям,
как по кочкам болотным.

Избы черные...
Черные пни...
Реки черные
и черноталы...
Даже сосны в бору –
и они
безнадежно больны,
как зэрпалы*.

Привет тебе, мой угловатый дом,
начало жизни
и ее основа!
Блестит луна, как тусклая подкова,
потерянная старым жеребцом.

Вот-вот погаснет поздняя заря.
Прогнили стены,
и скамьи прогнулись.
С друзьями здесь сидели мы, сутулясь,
и пили, ничего не говоря.

* Зэрпалы – легендарные великаны (удм.)

Что молчаливы –
это не беда...
Мы были угловатыми некстати.
И только залезая на полати,
как свечи, выпрямлялись иногда.

Сегодня печь не стану я топить.
Я лягу во дворе в траве беспечной
и растворюсь в бессмертной бездне вечной,
пытаясь в звездах память утопить.

Усну я –
и дыханье затаю,
и прежний дом глазастый повстречаю.
И хоть во сне
однажды приласкаю
поруганную родину мою.

Только тебе я откроюсь, быть может.
Плохо мне, друг. Видно, дело – труба...
Горькое горе мне ноги стреножит.
Горькую участь пророчит судьба.

Как я устал! Непосильную ношу,
Видно, взвалил я на плечи свои.
Кажется, скоро не выдержу, брошу
Всю эту жизнь – без стыда, без любви.

Надо спастись? Увы, я – безволен.
Надо молиться? Увы, мой воршуд*
Был позабыт мной... Я даже доволен,
Что меня верующим не зовут.

Не утешаюсь надеждой напрасной.
Сердце дрожит, как свеча на ветру.

* Воршуд – родовое божество (удм.)

Та, что казалась голубкою ясной,
Стала незрячей совой поутру...

Прости меня, Боже! Я – грешник великий.
Я жил на земле, как болван многоликий.
Я девушек, словно перчатки менял.
Я часто себе самому изменял.

А кто не имеет на совести пятен?
Кто, словно береза, и прям, и приятен
всегда и везде?
Кто не был свилеватым,
как эта ольха над поселком горбатым?
Кто век свой в святой непорочности прожил?
Кто ноги коню своему не стреножил?

Но, может быть,
в хитросплетеньях любви
прямыми становятся мысли мои?

О Господи! Может, еще возмущаю
тебя я и тем, что в себе совмещаю
и правду, и ложь, и насмешку, и плач?
Я – сам себе жертва, петля и палач...

А может, я нужен тебе лишь такой:
гулящий, пропащий, беспечный, больной,
и грязный, как лужа, и чистый, как речка,
кривой, как ольха, и прямой, словно свечка?

Ранее утро. Кровавое небо.
Выйду в бескрайнее поле
И попрошу я у Бога не хлеба,
А избавленья от боли.

Не убивай меня, злая Эпоха,
Жизнь грозовую итожа.
Боже, ответь, отчего мне так плохо?
В чем провинился я, Боже?

В небо ночное гляжу, ожидая
Вести хорошей напрасно.
Я себе сам надоел, вопрошая:
«Кто я, о Боже? Не ясно...»

В церкви заброшенной – пьяные рожи.
Нищие бабки у входа.
Где же извечный твой колокол, Боже?
Вызволи нас из болота!

Да, я крылат. Улететь бы от скуки.
Держит глухая ограда.
Цепью тяжелой окованы руки.
Может быть, так мне и надо?

Как только утром рассвет заалеет,
Снова спрошу я: «Ну, кто же,
Кроме тебя, нас опять пожалеет?»
О, не оставь меня, Боже!»

Будет когда-то весна голубиная.
Новое лето придет по стерне.
И отчего-то заплачет любимая,
Пряча лицо, и прижмется ко мне.

Это случится задолго до осени.
Я подойду к своему рубежу.
Сердце мое оторвется от родины
И, словно лист, упадет на межу.

Виктор Шибанов

Родился в 1962 г. в деревне Котгурт (Котнырево) Глазовского района. После окончания филологического факультета в Удмуртском госуниверситете обучался в аспирантуре Ленинградского государственного университета.

Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Член Правления международной ассоциации финно-угорских писателей, член правления Союза писателей Удмуртии.

Наиболее значительный сборник стихов Виктора Шибанова – «Бертасько уйшоре» («Возвращаюсь в полночь», 1991).

В 2001 г. вышел поэтический сборник «Ос» («Дверь»), а в 2006 г. – сборник «Тень черемухи» в переводе на эстонский язык.

На русский язык В. Шибанов переводился мало.

Публикуемые тексты в переводах В. Емельянова и С. Завьялова печатаются впервые.

«День начинается с заката...»

Сквозь мох

*Михаилу Федотову,
бесермянскому поэту и другу*

Когда ушел ты,
Долго я
Не смог слагать стихи.
От мая и до октября
Не выдал ни строки.

Как будто бы внутри меня
Сломалось что-то...
Мох
Застил глаза средь бела дня
И затуманил мозг.
Погасло солнце.
В мшистой мгле
Ползу я, как мураш.
Здесь лужа – море.
Гриб на пне –
Как неземной мираж.
Сухая хвоя – как бревно.
Брусничный куст – сосна.
Я одинок.
Друзья давно
Лежат в объятьях сна.
Сейчас в медвежий след спущусь,
Как в катер,
А потом
По рогу лося поднимусь.
И там – за родником –
Увижу муравейник свой.
Куст сломанный найду
И в вечность,
Словно в дом родной,
По ветке побреду.

Там, далеко внизу, – вода.
Темна, как Стикс, течет,
Сияет памяти звезда,
И желтый лист плывет.

Перевод В. Емельянова

Вдоль дороги проселочной – провода и столбы,
То ли в завтра торопятся, то ль идут во вчера.
У дороги сутулятся, морщат мокрые лбы.
То ли тихо смеются, то ли стонут с утра.

Деревянной макушкой устремляются ввысь.
Упираются в землю бетонной пятой.
И гудят, словно жалуясь: «Такова наша жизнь –
Вся в нелегких заботах о жизни людской...»

И как будто такие слова подтвердив,
По щекам их, как слезы, стекает вода,
Словно смысл большинства телеграмм приоткрыв,
Заставляет их плакать чужая беда.

Перевод В. Емельянова

Тетя Дарья

Ярче, жарче солнца луч.
Словно луковица – солнце.
Тетя Дарья горький лук
Режет,
Плачет
И смеется.

Дело движется.
Она
Потихоньку напевает,
Молодые времена
Тетя Дарья вспоминает.
По весне, бывало,
Мать
Женихов ей все искала,
Замуж не смогла отдать...
Осень ранняя настала.
Вот об этом и поет
Тетя Дарья в песне тихой.

Едкий лук глаза ей жжет –
Юный,
Звонкий,
Чистый,
Дикий...

Перевод В. Емельянова

Раскололась чашка

Раскололась чашка сине-черная,
Порожденье глины и огня.
Сотнями колючих звезд фарфоровых
Брызнула по насыпи, звеня.

Разлетелась голубыми искрами,
И теперь она – обычный сор,
Пусть осколки тонкие изысканный
Все еще хранят в себе узор.

Разгадать судьбы печальной ребусы
Кто-то, может, и сумеет... Но –
Вновь, повторно, ей разбиться вдребезги
Никогда уже не суждено.

Право быть разбитым тоже ценится.
И оно дается только раз.
Все, как говорится, перемелется.
Не об этом речь идет сейчас.

Речь о том, что чашка сине-черная
Этот миг не в силах позабыть,
Потому что звездный дождь фарфоровый
Никогда уже не повторить.

Перевод В. Емельянова

Окно для бабочки открыл,
А заползла оса.
Озноб спиною ощутил.
Страх защищал глаза.

К осе привыкнуть мог бы я,
Когда б не этот страх:
Ужель прелестница моя
Яд прятала в устах?

А может, просто за окном,
Порхая в полумгле,
Прекрасным нежным мотыльком
Оса казалась мне?

Мне душу короед грызет:
Что, если в свой черед,
Он ждет коварно, кто ему
Окошко распахнет...

Перевод В. Емельянова

Дверь

я долго стою у твоей двери
знаю что тебя нет
меня познабливает
я пришел не к тебе
пришел к ней

мы понимаем друг друга
вот она и позвала меня
она умеет
открывать и закрывать
другой мир
ладонью притрагиваюсь
к дверному косяку
с той стороны
отвечает эхом
ночь

и вот
время разворачивается
дым спускается к огню
побег ужимается в семя
капли дождя поднимаются в небо

приходил к твоей двери
к тебе

Перевод С. Завьялова

Мы с тобой разминулись. Я двигаюсь в прошлое.
А тебя твоё время вперед увлекает.
Если ты просыпаешься – наступает грядущее,
Если я просыпаюсь – вчера наступает.
Меня тянет в эпоху игр моих пращуров.
В древний мир Иднакара, в те дали былинные.
Где небесные связи с землей не утрачены,
Сны еще ароматны, как соты пчелиные.
Мед взаправду считается солнечным ломтиком,
А пространство и время нелепою выдумкой...
Оттого мы расстались с тобой, как паломники,
Что четыре минуты всего-то и виделись.
Друг за друга держаться пытались по-честному,
Но туман вдруг наплыл. И посыпались листья.
Ты ушла в своё утро – осеннее, чистое,
Я вернулся в свой вечер – весенний и мглистый...

Перевод В. Емельянова

Леса на севере Удмуртии

А знаете,
Какие там леса?
Не ждите,
Что все ждут
В лесах тех чудеса.
Обычно все:
Кусты,
Трясина
И овраг.
Он корни соснам (пихтам) рвет.
Он их заклятый враг!
Как раны,
Всюду рвы
И трещины...
Они
Терзают мир лесной.
Идут за днями дни.

Деревьям тяжело
Те раны заживлять
И прятать...
От кого
И для чего?
Как знать...
В отличие от других лесов
Большой страны,
Леса в моих краях
Дремучи
И темны.
Мне больно...
Но ведь им –
Больней вдвойне,
Втройне...
Одно лишь бережет
И тешит душу мне:
Малина в тех логах
Волшебная растет.
От всех невзгод и бед
Она меня спасет!

Перевод В. Емельянова

Толсур (декабрь)

Я ночью дверь открыл и вышел на крыльцо.
На голубой сугроб легла дорожка света.
Заволновался снег. И зимнее лицо,
Насупившись, в меня смотрелось из-под снега.
Услышал я: изба вздохнула за спиной.
От выдохов ее над крышей пар витает.
Заблеяла овца в овине за стеной.
Спокойно, вроде, все... Но сердце замирает:

Вновь в бане под ветлой забрезжил странный свет.
Как будто черти там сошлись на свой совет.

Перевод В. Емельянова

Старая газета

Однажды за полночь
Украдкой вдоль дворов
Мы с братом вышли за околицу деревни.
Сказала бабушка:
До первых петухов
Чертей увидеть можно там
И леших древних.
Вот перекресток.
Прут берем и чертим круг,
Чтобы нечистой силе преградить дорогу.
Дрожащий месяц
В круг наш просится, как друг,
Что разделяет нашу смутную тревогу.

Чертей не видели,
Не слышали мы...
Но –
Со свистом мимо
Пролетела вдруг газета –
Была похожа та газета на окно;
Она полна была
Разлуки и привета.
А из газеты этой старой,
Как песок,
Летели звуки –
Словно крошки перламутра:
Постановленья,
Самосвалы,
Джаз и рок...
Неслось все ветром
В сторону Котгурта.

Откуда были
Эти звуки,
Голоса?
Они из прошлого!

А, может быть,
В грядущем

Собрали их –
За полосую полоса –
Назло чертям
И петухам орущим.

Перевод В. Емельянова

Урты

в пустом автобусе возвращаюсь в Ижкар
наступает ночь клонит в сон
синие лампочки у ног вдоль прохода
газовые факелы за окнами

вдруг как будто рядом кто-то огромный
и сзади и спереди смотрю в упор: никого
понимаю: это урты
едут в большой Ижкар у них там дела

Ижевск ледяной омут
над ним застывая
покачиваешься как пугало
как столб ядовитого дыма из заводской трубы

дыма надежды и терпения
он выкуривает жизнь из сумеречного пространства
она гибнет
урты занимают освободившиеся места

Перевод С. Завьялова

Вниз головой

Средь ночи долгой пробужденный
Понять сумел я лишь одно:
Я – дуб, растущий книзу кроной.
Мне измениться не дано.

Вздымаю корни выше крыши,
Ветвями землю я грызу.
Люблю – как будто ненавижу.
Смеюсь – как будто лью слезу.
Я – перевертыш. В небе сохнут
И мерзнут корешки мои.
А почки – в липкой глине дохнут.
Молчат на ветках соловьи.
День начинается с заката
И снизу вверх течет вода...
И в этом ты не виновата.
Не виновата...
 Как всегда...

Перевод В. Емельянова

Ада Диева

Родилась в деревне Вот-Ошья Янаульского района Башкирии. Окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета.

Работала корректором на Ижевском полиграфкомбинате, внештатным диктором и корреспондентом в ГТРК «Удмуртия», учителем английского языка в деревенской школе, редактором отдела публицистики журнала «Инвожо».

Член Союза писателей Удмуртии, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики.

В 2012 г. издан первый поэтический сборник Ады Диевой «Юг Индур».

Переводит на удмуртский язык стихи русских поэтов Удмуртии.

Пишет музыку на стихи удмуртских поэтов.

Является лауреатом республиканских и межрегиональных конкурсов.

Тексты публикуются в переводе А. Демьянова.

«А вера тоже строилась веками...»

Ошья

Колыбель, деревенька Ошья –
Ты-то веришь, что сердце не камень...
Тут, средь жита, судьбина моя
Детство мне заткала васильками.

Ключ студеный в речурке петлял,
Эти струи целебными слыли.

И на дух земляничных полян
Облака пуховитые плыли.

Голос детства вздымает легко,
Заплуталую душу тревожит...
Далеко ты, Ошья, далеко –
Чем ты дале, тем сердцу дороже.

Ласка матушки, мудрость отца,
Стук заветный в девичье окошко...
Межевая моя полоса,
Позабытая стежка-дорожка.

Далека ты теперь, далека,
Как мечтанье, как птицы круженье...
Я на свет породила сынка –
И мое, и твое продолженье.

Маме и отцу посвящаю

Сколь неласково сердцу
В чужой стороне,
Словно сердце, как в детстве,
Томится и ждет:
Вот похлопает мама
Меня по спине,
Вот отец подойдет
И беду отведет...
Ободрят, присоветуют:
– Худо? Держись...
Нет и не было крепче
Опоры иной...
Им такая суровая
Выпала жизнь,
Точно крупная соль
На краюхе ржаной...
Пусть камчатною скатертью
В белых кистях
Обернется им в старость

Житье да бытъе,
Пусть не меркнет на ней
Золотое шитье –
В их вечерней судьбе,
В их закатных краях.

Малый прутик – в молодые года
Принесла я из лесу рябину,
И бабуля шепнула тогда
(Знать, любила!):
«Ты носи, чтоб минула беда,
В потаенном кармашке всегда
Кисть рябины...»

Нету старенькой. В землю сошла:
Время сеет и жнет, что посадит...
В стать и в радость рябина пошла
В палисаде.
Как медвяно она процвела,
Как со мною по-светлому ладит
И кистями, коль худо дела,
Гладит...

То душа, осветленная в ней
Чистым соком рябиновых бусин,
К ней сошла от старушки моей,
От бабуси.
Доброй памятью сердце томит,
След в певучую молодость стелет,
И листвою в изголовье шумит –
Колыбелит.

Мы и в радости с нею вдвоем,
Мы и в горе горячем едины...
И не вянет в кармашке моем
Кисть рябины.

Мой прадед посадил в саду черемуху,
А рядом дед – рябину в череду...
Растут они, цветут они без промаха,
И я меж ними век людской веду.

Черемуховы дни мои, рябиновы,
Текучие меж горя и добра:
Цветенье мая, ростани с любимыми –
А там, глядишь, и к пращурам пора...

Вера

Напевы флейты мне во сне звучали...
От сладкой муки сердце устает,
Душа исходит каплями печали –
Так на закате иволга поет.

Высокий голос флейты привечает,
Устать под ношей гнета не дает.
Душа родимой песней привечает
И кровью мой, и плотью мой народ.

Он мне Отец и Мать единой мерой –
Удмурт, живущий от веку веков
Отвагой сердца, умными руками,

И крезем флейты, и недремной верой:
Каков ты есть – и мир кругом таков!
... А вера тоже строилась веками.

Оуэр!

(маленькая поэма)

От трудов в небесах не витали
Наши предки – поможет навряд...

Всем народом они почитали
Удивительный, древний обряд:
«Оуэр карон!», «Оуэр карон!» –
Отбивай врага с четырех сторон...
От нашествий просторы пестрели:
Гунны, булгары, орды хазар...
Ливнем сыпались хищные стрелы,
Бушевал ненасытный пожар.
Не уйдешь, не спасешься в завалах,
Не избудешь беду на печи.
Не щадили ни старых, ни малых
Харалужные вражьи мечи.
Отдымятся пожарища мутно –
Снова жилы тянуть, выживать...
Было солоно древним удмуртам
Жить да быть, да добра наживать...
Оттого, чтоб не сгнули корни,
Наши пращурь в мирные дни
Постигали оружие упорней,
Силу рати копили они.
Подле луков-мечей не ленились,
Подрастал за отрядом отряд...
Может, коль на земле сохранились,
Подсобил и старинный обряд?
... Перед Пасхой, в Страстную субботу
Пред лицо патриархов седых,
Не пиры пировать – на заботу
Собирали ребят молодых.
Ладных отроков, хоть и безусых,
Тех, кто к брони-мечу не доспел,
Но сыздетства не праздновал труса,
Молодецким задором кипел.
Все, как лебеди, в празднично-белом
(В совершенные годы взошли!)
Шли за главным жрецом поседелым
На священное всхолмье земли.
Был особой молитвой украшен
Холм, где темные помыслы мрут,
И варилась особая каша
Из общинного мяса и круп.
А толпа пред мольбищем внимала –

С каждым сердцем Господь говорил! –
Как владетелю Солнца Инмару
Жрец-восясь поклоненье творил.
Всепокорно испрашивал мира,
Роду-племени здоровья и сил,
Милосердия слабым и сирым,
А врагу – сокрушенья просил...
Единенные голосом крови –
Всею силой народу служи! –
Парни с мольбища двигались строем,
Не мальчишки – мужчины, мужи!
Им общинную баню топили.
И, являя союз и пример,
Парни, выйдя нагими, вопили
Громкий клич боевой:

– Оуэр!

Нынче нету на них наказанья:
Погуляй, молодая гурьба...
Вечеру на лугу состязанья:
Скачки, стрельбы из луков, борьба –
Красным девкам заманчиво будет
Постоять на игрище таком.
Старики доглядят и рассудят:
Этот хил, а тому – вожаком...
Раззадорится юное племя,
Все им можно сегодня прощать –
«Оуэр!» И пойдет по деревне
Бухать в бубны, в трещотки трещать.
– Оуэр карон! Оуэр карон!
Отбивай врага с четырех сторон!
Никого тамаша не смущает –
Пусть примерят кафтан мужика.
Хлебом-солью парней угощают
А, глядишь, и корчажкой пивка.
Поутихнут хвалебные речи,
Глянут звезды, чисты и остры,
И в потемках, в низине у речки
Тень гоня, полыхают костры.
Канут в пламя трещотки и бубны:
Сладим новых, а эти – бери!
Пусть такое же с нежитью будет –

Подыхайте, пери, упыри!..
Пропадайте шайтаны лесные,
Чтоб вам век из углей не восстать...
Мы сегодня – бойцы записные,
Роду-племени сила и стать!
И еще, молодым в поученье,
Старики говорили в тиши,
Что уменье сражаться – мученье,
Но, осилив – живи и дыши!
Не для сеч и сражений – для мира
Для покоя родимой земли
Подымали удмурты батыров,
Чтоб не жить, пресмыкаясь в пыли,
Не закинуть язык и обычай
Средь чужих, средь навязанных вер –
Оглашали противника кличем:
– Оуэр!

Оуэр!

Оуэр!

«Оуэр карон!», «Оуэр карон!» –
Отбивай врага с четырех сторон!
Углядели премудрые цели,
Путь, который надолго вестим:
Устоим! Были б косточки целы,
А уж мясо, глядишь, наростим!
... И поныне наследие предков
Из ушедших столетий и эр,
Словно эхо, я слышу нередко:
«Оуэр!»,
«Оуэр!»,
«Оуэр»...

Влюбленность

Что подделаешь?
Рок рассудил
И такая мне участь дана:
Я всему,
Что Господь породил,

До восторга
Душой предана.
Многоцветным
Коврам луговин,
Горстке зерен,
Что колос хранит...
Взором в небе
Едва уловим,
Тюрагай-жаворонок
Звенит.
Костяники
Рубин-самоцвет,
Светлячок, изгоняющий тьму,
И живительный
Солнышка свет –
Ради нас, благодарных ему.
Я готова душой почитать
Среброструйный,
Хрустальный родник,
Звонких пчел
Домовитую стать:
Пчелы в хлопотах
Людам сродни...
Мой поклон
Потаенным полянам –
Хорошо по росе босиком!
Охранителям их деревянным,
Им, по счастью,
Топор не знаком.
За родства неразрывные нити,
За обряды
В седой старине
Благодарную память примите,
Деда-прадеды,
Пращуры мне!
... Шли к нам вороги,
Порознь и гуртом,
Накопив чужедальнюю злость.
Много лиха-недоли удмуртам
Пережить да размыкать пришлось.
Вышло время

И розням, и спорам,
Род наш, пращурь, жив, не угас.
И не зря
К поднебесным просторам
Мы возносим
Молитвы за вас.
Благодарность!
Восторг. Изумленье –
Узелком завяжу на тесьму...
Я не верую
В щучье веленье –
Я живу по уму своему.
Родниковою силой играя,
Тут мой пращур
Мозоли трудил...
Я поклонна родимому краю.
Что поделаешь?
Рок рассудил...

Родитель! Отче!
Кланяюсь земно
За малых нас. Родных тебе по крови,
Что ты вскормил,
И выучил, и спас
От всяких лях, устало сузя брови...

Ты был васясь...
Ты господу служил –
Смиранный жрец в смиренном поселенье,
Инмару жизнь,
Как жертву, предложил,
Чтоб люд глядел светлей и веселее.

Общинный лад
И стал твоей судьбой...
Гнездо мое! Ошья, моя деревня! –
Там радостно

Согласны меж собой
Земля и влага, люди и деревья!

Родня моя –
К тебе мои слова...
Мы доброты друг другу не жалели.
Мы – бусинки
На ниточке родства:
Порви ее – и сгинет ожерелье!

Единство наше
Стянуто узлом,
И время этот узел не порушит,
В удаче
И в злосчастье самом злом
Близки мне ваши облики и души!

Дорога
От родимого крыльца
Ведет меня в негаданные дали,
И нету ей ни краю, ни конца,
Она пряма, как истины отца
И всех, кто мне и путь, и веру дали...

Очнись, душа! Встряхнись и воскресли –
Шаги надежды сумрачней и глуше...
Неси меня над морем и над сушей
В тугую синь, в рассветный край земли.

Мне тошно здесь, в подвалах суеты,
Как дереву, когда иссякла влага,
И нет Жреца-васяся, нету мага,
Чтоб оросить томленье пустоты.
Встряхнись, душа...

Обрядилась черемуха в свет-кружева,
Рядом яблони тонут в цвету –
Ты заметил? Лишь я ни жива, ни мертва:
Ощущая черту,
Я иду в темноту...

Не заметив, я стала душою нема,
Ну, а ты постоял в стороне...
Нету мне для молитвы святого холма,
Нет ни храма, ни мольбища мне.

Да минуют меня ненасытный карман,
Почитанье сиятельных бар
И поклонный дурман
За холопьи корма...
Бог мне – совесть, судья мне – Инмар!

Под ношей моей неизбывной печали
По небу, как в море, плывут облака –
Им тоже уснуть на конечном причале,
А где и когда, я не знаю пока.

Покуда они срозова, словно грезы,
Покуда они от лучей горячи...
Но гонит их ветер. Но зреют в них грозы
И молнии, острые, точно мечи.

Свершись, неизбежное! Буря уместней –
Свободный от милостей бурей рожден!
Посевы и всходы, надежды и песни
Она окропит благодатным дождем.

О, душа! Не сорвись на ошибке,
Не ослабни, святое губя...
В рознях быта, в безжалостной сшибке
О тебе я пекусь, для тебя!

О, душа! Не внимай и не слушай
Тех, чьи души полны черноты,
Тех, что продали дьяволу душу –
Ибо в пекло сорвешься и ты...

Не беда – за душой не гроша!
За душой остается – душа!

Море лазурное

Каплю сини на память вручили
Мне лазури морских берегов,
И озябшую душу лечили
Эдельвейсы альпийских лугов.

Горы в мареве солнечном зыбки,
Невесомы объятья волны,
А повсюду – улыбки, улыбки,
Словно все и во все влюблены.

Сколь ни радостно это причастье,
Возвращаюсь без горечи я:
Нет в Европе для полного счастья
Родничка близ деревни Ошья!

И опять я бессонную ночь привечай:
По родимой деревне тоска и печаль.
Без гнездовья, где ждет-поджидает Ошья –
Как косарь без косы, без иголки – швея...

Непосильным пластом налегла тишина,
Словно ты, деревенька, души лишена,
Но в моей-то крученой-верченой судьбе
Исцеленье мое и надежда – в тебе.

Я вернусь, деревенька, мы будем вдвоем...
Золоченой зарею зовет окоем.

«И мой сурок со мною...»

Слова мои, слова не радуют –
Песок меж пальцами, а песни никакой –
Слова мои... А тут еще и радио
Звучит глухой бетховенской тоской.

Сурку все так же худо обитается,
Как сироте без матери-отца...
Слова мои, наверно, с ним скитаются,
И нету тем скитаниям конца.

Стихнул гром во сиянии молний,
Благодатно дыханье небес.
Осчастливлен в березовой молви
Словно вновь народившийся лес.

Гусли-крезь по-за облаком тронув,
Тюрагай-жаворонок звенит.
Дали дальние в мареве тонут,
Васильки отражают зенит.

Шмель-трудяга вступает басово:
Тоже песня, и ноша легка.
А в кустах пробивается соло
Золотого ошмес – родника.

Все звучит и слагается вместе,
Оттого-то и счастлива я:
В ней, вселенской мелодии-песне
Есть, хоть малая, нота моя.

Зеленым-зелена
По низовьям Ижа
Зацветает вода на пруду,
Обновляясь, цветет
Водяная душа...
Вот и я обновленной иду.

Сергей Матвеев

Родился в 1964 г. в деревне Квашур Вавожского района Удмуртии. Окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета.

Работал сотрудником газеты «Дась лу!» (ныне «Зечбур!»), журнала «Инвожо», с 1993 г. – редактор художественной и детской литературы издательства «Удмуртия».

Автор семи поэтических сборников: «Мылкыд», «Лул», «Чурыт пус», «Фиолет», «Ma kandun mööda linnuteed», «Инсьёр пöртмаськоньёс», «Сквозь призму ветров».

Был удостоен ряда региональных и международных премий.

С 2004 г. является заслуженным работником культуры Удмуртии.

С. Матвеев известен как автор переводов на удмуртский язык произведений русских, белорусских, коми, мордовских, финских писателей.

Публикуемые тексты воспроизводятся по сборнику «Фиолет» (2002) в переводах В. Емельянова.

«Мироздание воет во мне...»

Ломая лазурную гладь небосвода,
по осколкам брожу
босой и расхристанный.
Сердце вспыхивает:
кончилась несвобода!
Мой паром ушел от занудной пристани.

Я сжимаю солнце,
как снежок, в ладонях,
чтобы выдавить из него холодную воду.
Я сиянию солнечному предоставляю отдых,
а остывшее тело возвращаю в природу.

Я соскучился по мраку первичной ночи:
при солнце – ощущал себя
дремотно-голым...
Светлые сновидения мучили мои очи.
Я глушил их элениумом и димедролом.

Я ухожу в бесконечное грядущее –
в мое хорошо забытое прошлое.
В нем – ты,
по лугу ночному бредущая,
моя чужая, моя непрошенная!
Я связываю узлом вчерашнее и завтрашнее
и превращаю его
в сегодня.
Творить настоящее –
это дело азартнейшее!
Бог забыл об этом,
а я все еще помню...

В день, когда я на свет появился,
попыхла над миром гроза.
Свет ее в мою душу вселился,
озарил и обжег мне глаза.

И ударила молния в сердце,
и застряла во мне навсегда.
И не спрятаться, не отвертеться
от нее мне теперь никогда.

Я огонь ее пил, как рябина
пьет росу, как лекарства – больной.

И огонь тот, как тайная мина,
подарил мне характер взрывной.
И как вышние хляби порою
разверзаются, – так же и я
раскрываюсь душой грозовою
перед вечной грозой бытия...

В день рождения

В день рожденья торт себе купил
и поставил чайник на плиту,
тень свою на праздник пригласил,
воздуху сказал: «Тебя я жду!»

Мы сидели вместе, хохотали,
плакали, плясали на столе,
кувыркались, пели и мечтали,
что отыщем счастье на земле.

До утра мы бушевали, пили...
Но – пробилось солнце сквозь окно,
и лучи его легко сгасили
тень мою и воздух заодно.

Как сказал Есенин: «Все не ново...»
Что ж, придется потерпеть и нам...
Год пройдет, и встретимся мы снова –
тень моя, и воздух, и я сам...

Из ничего возникло тело.
И вот идет передо мной.
Ташусь уныло, оробело
я за его крутой спиной.

Мне кажется:
я знал когда-то,
я видел этот силуэт,

и подбородок угловатый,
и карих глаз безумный свет,
и локти острые,
и ноги
скитальца или бегуна...

Я перед ним поднял в тревоге
бокал зеленого вина:

«Привет!..
Как в зеркале я вижу...»

Но, сдвинув кепку набекрень,
ушел двойник мой
дальше,
выше...

Со мной осталась только тень...

Это длинное тело не чурается омута.
Лишь вздыхает оно: ах, как здесь глубоко-глубоко!

То ли выпукло,
то ли таинственно вогнуто
омут светится...
Будто икону обволокло

бирюзовым и синим – небесным –
и малахитовым –
чистым, чутким, ручейным, речным и земным...

Отыскав идеал,
это тело словами нехитрыми
молит Бога, чтоб воздух из темного стал голубым.
Где граница меж омутом, небом, рекою и воздухом,
между светлым и синим?
Попробуй найди, хоть в уме...

Если даже взрывается бомба не самая грозная,
от внезапного света глаза утопают во тьме.

Ну да ладно...
Лишь тело греховное...
Это десятое
или даже двадцатое дело...
Прощай навсегда!

На зеркальной поверхности, будто на что-то досадуя,
Божий образ колеблется:
где здесь – душа,
где – вода?...

Год кончается. Сквозь кружева на твоём окне
проникает мой взгляд, протыкая ажурную сеть.
Там колючий какой-то южный цветок улыбается мне
или хмурится... Трудно издалека разглядеть.

Он оторван от родины. Так же, как ты от меня.
Между нами огромный белый сугроб метель намела.
Год кончается. Воеет вьюга последнего дня.
Мироздание воеет во мне. Ты опять не пришла.

Эй, цветок! Скитальцем вдали от родины жить
у тебя, наверно, едва хватает сил...
Где хозяйка твоя, у тебя я хотел спросить.
Неужели ей снег последнего дня глаза залепил?

Мироздание воеет во мне. Ищет друга. Как ты,
мой цветок,
ищешь южные звезды в заснеженных небесах...
И когда нет солнца, и когда морозно-жесток
после ясных дней снегопад тоскует в глазах...

И когда метель отшумела свое, отмела,
и когда вся природа уже перестала дремать,

и когда уже буря затихла, остыла, прошла...
И когда, как пощечина: «Ты опять не пришла...
Опять...»

Год прощается с нами и плачет, как будто нам –
и тебе и мне, дорогая! – забыть не дает,
что не все потеряно, что по его слезам,
по его следам к нам торопится Новый год...

Лунку в морозном стекле продышу
в серое зимнее утро.
Красок не видя, я все же скажу,
что на судьбу свою зла не держу...
Жизнь, ты устроена мудро!

Выбью стекло примороженным лбом,
выброшу губы и уши,
выйду из дома с кровавым лицом,
чтоб удивить ваши души.

Эй, человек! Куда ты бежишь
яростней скорости звука?
Остановись и спроси: ты жужжишь
все еще,
глупая муха?

Я тебе честно отвечу: жужжу,
не находя пониманья,
но – на хулителей зла не держу,
я тебе даже спасибо скажу
за доброту и вниманье!

Жужжит огромным роем пчел народ
за стенами стеклянными в трамвае.

Кто каждый день меня сюда зовет
дышать его духами? Я не знаю.

А за стеной – бездомный космос... Ночь!
Она – пусть холодна – и все же вечна!
Эх, выскочить бы из трамвая прочь!
Но здесь тепло...
Обмана блажь беспечна.

В толпе жужжащей каждый одинок:
кто за кошель схватился, кто за сердце.
И дар, что нам вручил однажды Бог,
перекипает за надежной дверцей.

Открыться бы. Нет голоса. А есть –
он все равно здесь тотчас растворится.
Все может проглотить, все может съесть
трамвай, который через город мчится.

А за стеной – то ветер, то гроза.
Сиди! Сиди! Устроился ты ловко,
в бездонность мира устремив глаза...
О Боже мой! Когда же остановка?

Народ выходит, входит и опять
заходит... Вот мое родное место.
Оно не будет нынче пустовать.
А хорошо ли это – неизвестно.

Когда-нибудь на это место сев,
услышит ли хоть кто-нибудь мой голос?
Поймет ли, к небесам глаза воздев,
какою силой переполнен космос?

А может, отмахнется, глядя ввысь,
от этого нежданного подарка?
... Я дверь закрою! Что ж, не торопись
туда, где звезды полыхают ярко...

Дождись, чтобы достаточно окреп
твой голос личный, собственный, которым

в трамвае, что похож на вечный склеп,
шумы сотрешь, рождаемые хором.

...Кому я это говорю? Себе!
И буду повторять до воскресенья,
покуда плоть моя, покорствуя судьбе,
вновь не сольется с собственной тенью!

Зима прошла. Снег в небо улетает.
И тает белым облаком вдали.
Земля живот пятнистый обнажает.
Приспело время... Роды у земли.
Весна... В тиски тоской зажато сердце.
Где музыка метели неземной?
Не хочет сердце нежиться и греться
у пламени расправы над зимой.

Уставший дух об урагане грезит,
о стуже ледяной... Но пустота,
как скальпелем, мне солнцем душу режет,
с толпою уживается спроста.

Весна шагает поступью победной...
Из-под былых сугробов – присмотрись –
вытаивает мусор многоцветный,
а на душе тоска – хоть застрелись!

Пусть говорят, что ты, весна, прекрасна.
Скажу я, не особенно грубя:
все у тебя расплывчато, неясно,
все – временно... Я не люблю тебя.

Так иногда в наш просвещенный век,
задумавшись о прошлом и грядущем,
на кладбище забредший человек
стоит, как памятник давно погибшим душам.

Хронос

Видно, доля такая,
очевидно, такая судьба:
мирозданье рожая,
тут же – старое прячу в себя...

Я слуга и не боле...
Но люблю,
как себя самого,
то, что выплеснул с болью,
чтобы вновь уничтожить его.

И оно меня любит,
ищет вечно жующий мой рот
и само себя губит,
глупо веря,
что вновь оживет

смесь из глины и страха

с наконечником твердого лба...

Я создатель
и праха
поедатель – такая судьба...

Создаю – и считаю.
Это правда –
я должен считать:
ровно столько рожаю,
сколько в силах обратно забрать!

Бабушке

Знаю:
покосился крест
у тебя в ногах.
Далеко от здешних мест

спишь ты –
в ста верстах.

Я тоскую
и лечусь
новой тоской.
Может, потому боюсь
видеться с тобой.

Я на улицу бегу –
спрятаться в толпу.
Страшно мне:
я не могу
побороть судьбу.

Растворь меня, толпа,
превращай в ничто!
Пропадай, моя судьба,
в цирке шапито!

Возвращаюсь в полночь...
Мрак
за моим окном...
Снова в зеркале маньяк
машет кулаком,

тело собственное бьет
собственной рукой.
По осколкам кровь течет
алою рекой.

Разлетаюсь на куски
в межпланетной мгле.
Пропадаю от тоски
на полу в стекле.

Собиру осколки вновь
в тишине ночной,
и пробьется вдруг сквозь кровь
облик твой родной.

Встанет сотая верста
на моем пути.
Неземная пустота
загудит в груди.

Знаю: покосился твой
крест.....
.....
Я не такой!...

Меж иконою и мной –
только пыли слой...

Бесконечный уход

Мимолетно взглянув друг на друга,
крепко руки пожав мимоходом,
молча двинулись дальше по кругу...
Грянул колокол под небосводом.

Что ж, пора говорить: до свиданья!
На ту сторону – только с Хароном
мы уходим... Как символ прощанья –
лент клубок на венке похоронном.

Тракт протоптан... Здесь даже крапива
не растет... Эта очередь вечна, –
и покуда хоть что-нибудь живо,
и покуда хоть что-то беспечно.

Я в мягком окружении живу.
В нем, управляя угловатым телом,
пью воду, хлеб жую, кошу траву,
весь поглощенный сладким этим делом.

Я сумасшедший, видно... Опьянев
пью землю и грызу бесплотный воздух.
И, сапоги на голову надев,
ногами я смотрю на небо в звездах.
Во мне все – кувыркком: и смех, и плач,
ногokруженье, головoдpoжaнье,
волненье грив и моря дикий скач,
дев полoскaнье и белья ласкaнье.

Материя в сто раз сильнее меня.
Но ведь и я упрям: чертополохом,
колючим, нежным, пью ее со вздохом –
и с криком сам в нее бросаю семена.

О, если б узнать, чья здесь вина!
Моя ли блажь... Твое ли недоверье...
Закрyla снoвa глупая веснa
передo мнoй рaспaхнутые двeри.

Я – в мире, мир – во мне притих с утра.
Вселенная бормочет, будто сводня.
Сегодня превратилось во вчера,
а завтра превращается в сегодня.

Я промолчу, желания тая...
Но вновь кипят в уме страстей секреты...
Ну, что ж, прощай! Две жизни сразу я
сжигаю: и свою, и...сигареты...

Игра

Устремляю свой взгляд навстречу окну твоему.
Вижу твой силуэт, перечеркнутый рамой окна.
Он, как будто гравюра, врезан четко в черную тьму.
Ночь густеет, как будто еще темнее стала она.

Словно древние знаки – пусы – рама в окне
разделяет на части образ, любимый мной.
Богородицей с древней иконы ты кажешься мне.
А быть может, это не ты за бетонной стеной?

...Устремляю свой взгляд сквозь раму окна моего.
И на фоне стекла вижу собственное лицо.
Взгляд спокоен... И лоб, и уши, и нос ничего...
Нет, с таким лицом невозможно быть подлецом!

И меня Создатель, видно, с иконы лепил.
Но последних штрихов, очевидно, все-таки нет...
Потому темнота старается, что есть сил,
зачернить, по стеклу размазать мой силуэт.

Приглядишься – копыта на пятках видны опять.
Нос горбатится. Хвост по бокам, отрастая, бьет.
И рога уже начали волосы приподнимать.
Я играю... Которая больше мне роль подойдет?

Папоротник на краю деревни
окружил горбатую сосну.

Будто лук натягивая древний,
та сосна прицелилась в весну

и в меня...

Я чувствую спиною:
скоро вжикнет острая стрела –
и расстанусь я с моей весною...

Рано ты, весна моя, пришла!

Если даже враг мой промахнется,
упаду,
смолкая навсегда.
Папоротник сквозь меня пробьется.

И впитаюсь в землю,
как вода...
Оттого бегут по мне мурашки,
кружится от мыслей голова.

На исходе силы...
День вчерашний
не вернется.
Жизнь всегда права,

то в трясины быта нас бросая,
то в сверкучий пенный водопад...

Снова дом родимый покидая,
я не скоро возвращусь назад.

Полечу над землей, как стрела,
сердце встречной горы пробивая.
Не удержит меня и скала,
на пути моем гордо вставая.

Глыба горная в море падет,
замутив изумрудную воду.
Заворчит надо мной небосвод:
Бог не терпит вторженья в природу.

Притворюсь, что не слышу Его,
проникая в межзвездную млечность.
Пусть погибну! Огня моего
хватит миру на целую вечность.

Я не верю, что может не быть
Во Вселенной ни капельки веры...
Как мустанг, я лечу во всю прыть
в запредельность космической эры.

Сквозь любовь, сквозь легенду, сквозь грусть –
в сновидении ли, наяву ли –
я стрелой, кем-то пущенной, мчусь,
будто перышко в хвост мне воткнули.
Мне, я знаю, нельзя тормозить:
сердце бедное тотчас взорвется.
Силу дьявола заполучить
в мире этом не всем удается.

Даже слава Создателя в нем
не кипит без сердечной напасти.
Жаль, мы часто на свете живем
без надежды,
без веры,
без страсти,

бессердечные –
в мире убогом
коротаем печальные дни...

Я – посредник меж чертом и Богом,
а сценарий писали они.

В их сюжете я – голый король...
Но, под взглядом чужим замерзая,
никому не отдам эту роль,
как стрела,
как звезда, пролетая

сквозь любовь, сквозь легенду, сквозь грусть...

Если вдруг откажусь от призванья,
если остановлюсь... –
расплывусь
киселем на пороге познания.

Поль Гоген

1

Глянул – и показалось, что это мне снится:
темно-синее с розовым слиплись, как бред...
Если долго смотреть и прикрыть ресницы,
перед взором встает фиолетовый цвет.

2

Как твердил Д. Андреев, фиолетовый – это
очень странный, поистине дьявольский цвет.
По пятам за мной следует с заката и до рассвета
Франсуа Поль Гоген... А вернее – его скелет!

3

Вот-вот он догонит меня – и розовой кистью
измарает... И бешеной синькой польет.
И заставит бронзовых таитянок неистово
мять и мучить белое тело мое.

4

Заворчу я упрямо. И все-таки, надо признаться,
тело просит: не бойся, признай этот пламенный зуд.
О, как страшно шести их рукам загорелым отдаться!
Но – глаза испугались, а губы – навстречу...

И – пьют

5

страх и сладость! О жажда интуитивная – слиться
с отчужденностью, порожденной самим собой!
И позвать, и – прогнать!.. И рвануться, и – остановится!..
И понять, кто подарок для мира, а кто в нем – изгой.

6

Я не знаю точно, что такое Гоген.
И в каком из шести цветов притаилась весть,
о которой поведать хотят мне шесть рук, шесть глаз,
шесть колен
и таинственный код под цифрами 6...6...6...

**По прочтении
«Ста лет одиночества» Маркеса**

Черный крест на лбу твоём я вижу,
будто бы мольбу о подаянье.
К трём прибавив тридцать, ненавижу
глупость и никчемность покаянья.

Будто в вену шприц тупой вонзая,
впрыскиваю в кровь негодование.
Ты безгрешен был, я это знаю.
Но – не утешает это знание:

сонм чужих грехов сквозь крест защитный
проступает, лоб святой кровавя...
В плоть земную дьяволом зашитый,
я шагаю, путь греховный славя!

Я взбешен! Дрожи, крестonosитель!
От меня ты скрыться не сумеешь.
Я могуч! Не ты, а я – Спаситель!
Вечен я, а ты – в земле истлеешь!

Цельюсь... Вот он крест – перед глазами!
Есть ли кровь в тебе – сейчас проверю...
Выстрел! Кровь я чувствую губами!
Я попал... в себя! Теперь – я верю...

Все заплевано в клетке моей.
До меня здесь кого-то держали.
Понукая гнедых лошадей,
Клетку эту по миру таскали.

Ржали лошади. Ржала толпа,
хохотала и в клетку плевала.
Ну, толпу мы видали – глупа...
А вот небо зачем грохотало?

Видно, даже богам доброты
иногда на людей не хватает.

Мой предшественник, помнишь ли ты
обо мне? Сквозь века долетает

до меня отзвук жизни былой,
боль твоя и улыбка родная.
Чем помочь тебе? Где тот герой,
что всех нас от позора спасая,

эту страшную клетку сожжет?

Не в него ли, вопя и кривляясь,
вновь толпа, обезумев, плюет,
в предыдущем глумленье не каюсь...

Месяц август. Гром последний.
А кому-то тридцать три...
Цвет малины густо-медный,
как прощальный цвет зари.

В ночь осыпалась малина.
А две тыщи лет назад
сына родила Мария.
Был он чистым, говорят.

Был безгрешным. Ахи, вздохи
в мире слышались всю ночь.
На краю большой эпохи
можно грусть отринуть прочь.

Так в природе бесконечно
чувство связи нас крепит.
Так две тыщи лет беспечно
прожилось, – душа твердит.

Как секунды пролетели
эти тысячи... Смотри:
неужели в самом деле
вновь кому-то тридцать три?

Весна. Какая-то девчонка

Ох, как эта весна припозднилась!
Что весна? Запоздал новый век!
Одинокая лодка приснилась
мне сегодня...
А в ней – человек.

И подумалось:
в этой лодчонке
я – всего лишь держатель весла.
Сердце в милой осталось сторонке.
Душу – речка вперед унесла.

Камень прошлого виснет на шее.
Желатина застыли мозги.
Губы пухнут, от стужи немея.
И ослепли глаза от тоски.

Длинноногий –
макушкой в тучах,
но стопами приклеен к земле, –
кто я? Муж из когорты могучих?
Или просто мужик при весле?

Или нет меня вовсе? Ни в прошлом,
ни в грядущем не видно веках...
Я – лишь ветер
в сегодняшнем,
пошлом
дошлом дне
у девиц на устах...

Дева, девочка, не понимаю,
что за смута мне в сердце вошла.
Как мне выжить теперь, я не знаю.
Как мне жить без любви и тепла?

Как дождаться тебя и, ликуя,
ощутить после зимней поры
и весенний восторг поцелуя,
и томление летней жары.

Эта высь голубая впиалась в меня смертной тоской.
Прилепилось молчанье ко мне скользкой рыбьей
душой.

Боже правый! Ужели все снова должно повториться?
Боже, значит вновь повторится! И снова – со мной!
Я живу, пока мир этот есть. Он могуч на разрыв.
Никуда этот мир не исчезнет, покуда я жив.
Боже, значит, опасность есть вновь вниз на дно устремиться?
Боже, значит, мне снова стать грешником, все повторив?
К сожаленью, кончается все. Такова эта жизнь.
Дорогое порою уходит – ершись не ершись.
Боже правый! Ужель безобразное – коршуном снова...
Боже, значит, мне снова не скрыться в толпе, не спастись?
Значит, снова меня станет коршун угрюмо клевать
лишь за то, что не смог приспособиться раны скрывать.
Боже правый! Ужели все это – лишь плата за слово?
Боже, что это значит, что Ты не умеешь прощать?
Эта высь голубая мечтает своей пустотой
все на свете подмять... Но в борьбе неустанной
с Тобой,
Боже правый, зачем подвергаюсь я снова и снова
наказанью за то, что посмел не смешаться с толпой?

Петр Захаров

Родился в 1961 году в деревне Старая Кня-Юмья Кукморского района Республики Татарстан. Окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета.

Удмуртский писатель, журналист, драматург. Главный редактор журнала «Инвожо».

Автор поэтических книг «Эбга», «Вож выж», «Kolmanda silma avanemine», «Карас». Переводчик на удмуртский язык с русского, эстонского, итальянского, японского.

Произведения П. Захарова переведены на финский, венгерский, карельский, коми, марийский, английский, французский, литовский, словацкий, датский и другие языки.

Некоторые стихи Петра Захарова стали популярными эстрадными песнями.

Лауреат множества всероссийских и международных литературных премий. Член Союза писателей России. Президент Удмуртского ПЕН-клуба.

Публикуемые тексты воспроизводятся по поэтическому сборнику «Карас: (песни удмуртского шамана). Стихи. На удмуртском и русском языках» (2010). Подстрочный перевод автора.

«время – вибрация настоящего чувства»

простое чувство
или пугает
или злит
или смущает
или радует
или заставляет плакать
или сводит с ума

настоящее чувство
заставляет дрожать –
рождает голос –
выводит силу –
углубляет
вдохновляет гроздьями пространство
создает мелодию печной трубы –
разжигает огонь
распространяет-провождает дым –
настоящее содержание – правду

время – вибрация настоящего чувства
время – голос
который выводит человека
из одного пространства
в другое пространство

он – на шесть сторон
а из шести сторон – на него

так возникает КАРАС – мир внешний

он как птица в своем гнезде

птица
лепит свое гнездо
переворачивая сама себя

так появляется
место для вывода птенцов – мир внутренний – АСКАР

Там где нет голоса
Там нет и смерти
А где возникает гроздь
(КАРАС вселенной – вдох или вдохновение)

Там появляется ветер
Где исчезает чувство
Там застревает жизнь
Где притесняется ум –
(на игровых и жертвенных полях)
Наши головы боги футболят

Где нет караса-гроздя
Там не бывает жизни
А там где нет голоса
(свиста смеха плача стоны)
Там не выходит ветер

У центра города сел Кылдысин,
Из секенхенда был обут одежей он.
Читал газеты – видно, для бомжей,
Чтоб знать, где спать и где найти «сиен»*.

Я поклонился было просто звону,
Перекрестился, как святая знать,
И мелочи все бросил Кылдысину,
Чтобы карманы тяжестью не рвать.

И вдруг сам Керемет здесь появился,
Серьгами и в браслетах золотых.
– Зачем тебе чермет? – он засмеялся. –
Папаша, здесь не место для святых.

А Албасты, весь в дегте, как налим,
Пнул Кылдысину прямо меж ушей.
Но Кылдысин счастливо улыбнулся
И вытер кровь газетой для бомжей.

Ульча-бахча – кругом эти экраны
Льют без конца свои боевики.

* Сиен – еда, пища.

Там фейерверки и одни дурманы,
И не растут хлебные колоски.

А Кыдысин смеется, как больной,
Его уж бьют менты и шомпола.
А в небе голом – теле великана,
Малиново звонят колокола.

О мусор, грязь, замшелое, гнилое,
О плесень, рухлядь, о обрыдлый хлам,
О мерзкий дух, ненужное, плохое,
Вонючее, несносное, о жуткий срам.

Куда ни глянь, везде оно шныряет,
Гуляет ветром, носится водой,
Слезит глаза, дыхание спирает
Смердящей вонью и своей бедой.

Оно не кончится, оно еще все дышит
От нафталина едких сундуках,
Оно не старится, оно еще все пышет
На гуталинах и своих мехах.

«Огонь свободы нас ведет к войне,
Где старое сожжет себя до тла.
Но фениксы не радуют вдвойне,
Ведь зло останется и не спасет зола...»

Порядок нужен, сына, беспорядок –
Ведь это танец змея-бога Шивы... –
Мой дед-туно учил меня однажды –
Где овцы дохлы, там и барсы вшивы...»

есть много способов
остановиться
посмотреть внутрь самого себя

Эдип вырвал глаза
у Лира вырвали
у Циклопа прожгли

Бабочка

Над лапами рогатых елей
Сидел седеющий туман –
Казалось, был там кто-то, что-то,
Я чувствовал, как бесермян.
Я мыслями туда скользнул,
Не понимая, как во сне.
Меня ловил туманный дым,
Не говоря причину мне.
Он разрастался и крутился,
Касался рук моих и плеч,
А кто-то все тянул, как жрица,
И страха не было во мне.
И вот скользнул я через реку,
Взлетел на тот еловый холм,
И вдруг рассвет и вереницу
Закрыв поток тенищих волн.
Оно блестело черным светом,
А тени отражали блеск,
Всеми земными языками
Я осознал бы боли всплеск.
Я Бабочкой ее назвал бы,
Антеннами плелись рога,
И только две дороги пелись
На темных и больших зрачках.
Там не было дороги третьей,
Я это понял с этих глаз.

И вспыхнувший в душе вопрос мой
Под крыльями ее погас.
А крылья ее длинные
Светились тучами огней,
К ним просто так не подобраться,
Они, как молнии теней.
И мы на знание смотрели
И с двух, и с четырех сторон,
С той стороны, и с этой тоже,
От двух раскрывшихся окон.
Я плакал перед этой Мамой,
И мир слезился, как и я.
И не было от слез мне стыдно,
Она кормила от огня.
Со всех сторон колечки света
Шли от меня и на меня.
И бабочки ночного цвета
В душе рождались у меня.

Когда нас шлют по скатеречной дорожке,
припомнив, что наш зад красивее переда,
кровь в венах все же просит объяснения:
зачем наш зад от переда милее?

Зачем одежда задом наперед
магически становится сильнее?
зачем тогда шайтан нас не берет,
который яблоко подсунул Еве?

А, может, яблоко скрывает размножение
и время давнее, когда нас оплевал шайтан?
до этого мы были чище были и нежнее,
еще не знали мы, что есть саптан*.

Ты, светлый дух, тогда покрылся язвами,
а в теле огненном явились плоть и кровь.

*Саптан – очернение.

не от того ли ты Инмара постеснялся,
когда в саду он вырос пред тобой?

Но наш Инмар нас любит бесконечно,
он вывернул нас задом наперед:
все внутренности вытащил наружу,
а язвы все во внутрь завернул.

Поэтому, наверно, плох наш перед,
идем вперед – и в жизни чахнет все...
Когда нам обернуться грянет срок,
очистит ли Инмар эти болезни?

Отражение видений *(обратная сторона)*

смотрит
из темной пещеры
то, что не дает сопротивляться
тянет
с привыканием глаз оно просветляется
голова начинает кружиться от звуков
внутри
уменьшаешься и разрастается одновременно
что-то вибрирует в позвоночнике
напрасно силишься исчезает сопротивление

тело взрывается на мелкие шарики-огоньки
одновременно дух показывает все
и то что было и то что будет и то чего не будет
и то что было бы если бы сбылось
все чего не должно быть
под знаком не родившейся молнии

крылатым телом арыслана-льва
тело понимает все семьдесят значений
тайного языка ходячих рыб

а ведь вроде бы смотрит
из темной пещеры
просто удмуртская
стес
ни
тель
носьть

В городе клубники, ягоды созревали,
На асфальте красным-красно вышла костяника.
Муравьи из осколков битого стекла и пластика
Искусственный иней везде поднимали.
А шелкопряды из гниющего салафана
Плели себе шелковые нитки-коконы.
И везде под каждым дымом коврелина
Восьмикрылой бабочкой трудилось слово.

Из под листьев, из-за ракушки
Вышел на божью коровку похожий трамвай,
И скользнул он с песней под синее небо,
В те берега, где снился Уругвай.
А в трамвае стихами светящимися
Ехал Инмар, как дух удмурта, в гости.
Бесчисленными, как в небе, огоньками
Он вез подарки в далекие ночи.

– Паровоз, паровоз,
А куда ты собрался?
Паровоз, паровоз,
Почему разрыдался?
– Как же мне не рыдать,
Я собрался туды,
Куда сам соберешься,
Не отсеешь дым.

– Паровоз, паровоз,
Я ведь все это знаю,
На тебе я, дружище,
Сижусь, загораю.
А давай-ка, затынем
Песню вумурта.
А давай-ка, растянем
Долю удмурта.

за стол я сел
в японском ресторане
а за стеной Париж
меня не знающий
подходят вот японочки
и кланяются нежно
с улыбкой предлагают
сырые полотенца
мне все здесь мило, боже,
и чай, и суп с грибами,
и смуглые восточные
косые настроения
и взял я в руки палочки
засунул промеж пальцев
и словно Шурали удмуртский
душу щекочу

Из цикла «Песни удмуртского туно»

*

во время рождения лучей зари
на холме поля я плача стоял
умоляя Инмара чтобы взял
но не услышали меня небеса

только ветер трепал мою рваную рубашку
только ветер дергал мои рваные брюки
только ветер выдерживая уносил мои всхлипы

хоть и собрал я в позвоночник
огни нежных лучей зари
я лбом стучался о землю
спрашивая: зачем я уродился

но на лице как росы
загорались мои слезы
но в воздухе по-прежнему
звенел мой колокольчик

7 мая 1995 год (на второй день смерти моего друга)

*

Эжену Гильвику

Я как удмурт прислушался ушами туно:

Птица
пела
что я иду

Я как удмурт подумал головой туно:

Птица
заранее знала
что я
пройду около леса

об этом знали поля
деревья дороги и небо

Я как удмуртский туно начал чувствовать:

я и сам
частица этой природы
маленькая частица
этой веры

которой дышит роса

А Птица я понял знанием удмуртского туно:
это мое эхо
это мой двойник
это та моя часть
которой
я не могу управлять
которая полностью растворяется
среди этих деревьев лугов полей
и облаков.

*

да воссияй же на берегу в сторону берега
чтобы беспричинно непонравившемуся
нравится и нравится
да воссияй же любовью любя
чтобы запретный возлюбленный
любил и любил тебя
да воссияй же из берега любви по всему берегу
безбрежной любовью
да воссияй же своими берегами безбрежному
безбрежностью – тому кто с берегами
воссияй же не воссиявшим сиянием того кто воссияет
любя той любовью которой еще не любила

живи жизнью непрожитой жизни
заставляя жить непрожитое
не заставляя прожитую жизнь жить прожитой
умри смертью нужной смерти
мертвых
тех кто умрет
в смерти
умирающих
стороной умирающих
и тех кто умрет

октябрь 1998 год, глядя на бокал шампанского

призраком или статуей
я не стану
я стану эхом своего голоса
эхом голоса
в пространстве
разрастаясь гроздьями
это как зеркало откроет ваш голос

ознобом ознобляя
ознобит
ощущение духа куалы-святилища

Лариса Орехова

Родилась в 1979 г. в деревне Шадрасак-Кибья Алнашского района Удмуртии. Окончила факультет журналистики Удмуртского государственного университета.

Заместитель главного редактора журнала «Инвожо», директор издательства «Инвожо», основанного при редакции. Директор Удмуртского ПЕН-клуба.

Стихи переведены на эстонский, венгерский, карельский, марийский, коми, финский, английский, французский, словацкий, македонский, шведский, украинский и русский языки.

Л. Орехова занимается переводами мировой литературы на удмуртский язык. Удостоена Международной литературной премии «Триумф» имени Николая Гоголя за переводы мировой классики.

Заслуженный работник культуры Удмуртии.

Публикуемые тексты воспроизводятся по поэтическому сборнику «Ярдуртэм нюлэс / Безбрежный лес: стихотворения на удмуртском и русском языках» (2009). Подстрочный перевод автора.

«ВОТ Я ОЖИЛА И ВСТАЛА»

вместо эпитафии

прыгну
у горы
на самую высокую вершину (горы)
в бесконечный лес
эхом загромыхаю:
«вот я ожила и встала!»

(кому-то это не понравится)

потому что новый снег
свет будет свистеть
на позабытых местах молений

небесно-мелодийной
песней
будет изливаться
на вашей стороне Ар-Свадьба

приготовьте пышные столы
к вам придут гости
варите вашу кашу и сусло

приближается новая ЖАТВА

сначала на тебя обрушатся
холодные и злые ливни

из подъездов
заброшенных мест превращенных в свалки
озверевшие кошки
вопьются в тебя

а затем
все твои одежды
мужчины в белых одеждах
в быстро горящем огне сожгут

вслед за одеждами
сожгут твои лица и мысли
но затем тебя саму
искромсав на куски в этот огонь кинут

если останешься после этого
найдешь тот мир
который подарит тебе счастье

НА СВОЮ РОДИНУ СРЕДНЕВЕКОВЫМИ ФРАНЦУЗСКИМИ ГЛАЗАМИ

смотрю –
слезами
стучась
в ваши окна –

оттого, что жалею –
все мое тело
в ссадинах
я горю уже вся
в угли превратились мои стопы
уже не надо сжигать

Как Жаннету

в этом мире

солнце по-другому светит
облако по-другому летит
вместо неба – вода-время

Дедал-шаман лишь знает
почему Минотавр

Словно Икар
поднимающихся к солнцу
удмуртских детей

каждый год
внутри молчаливой ракушки-куалы
как треножный Луд

на священном огне
обжаривая
ест

ЕСЛИ ПО ПАРМЕНИДУ ИЗ ЭЛЕЯ:

я – лесная девушка
из крупинок лучей солнца – мои глаза
из цветов затканы мои одежды

сосны – мои друзья
белки-скворцы – сестрички
лошади-медведи – братья

из серебра собраны – мои шаги (следы-бусинки)

я крылатая и огненная
жаром горит – мое тело
прохладным ветром дышат груди

Природа – мой Отец
Земля – моя Мама
Лес – мой Дом

старик

В лесу прохладно и пусто было.
Один старик с удочками,
С ведрами
Пришел к лесному озеру (пруду).

В лесу все замолкло и стихло,
И птицы перестали петь,
Кузнечики, бабочки куда-то исчезли.
Громким голосом рычащий медведь тоже
В теплую берлогу спрятался,
Лиса в заячьих кустах исчезла.
Сова глаза в свое дупло спрятала.
Что это?
Что?
Кто?
В каждом живом сердце стучались эти вопросы.
В каждом теле был большой страх.

Лесной человек тайком
на это нечто посматривал.
Сколько он живет уже здесь,
Ни разу не видывал,
Не ведал страха...
Кто это? Что это?
Кто без спроса в лес зашел?
Он был страшен, с двумя ногами.
С двумя глазами...
Черное-черное было его тело,
Глаза как горящие угли прыгали,
Он рычал, свирепея,
Все готов был раскидать-разбросать.

встреча

(очень спеша
в воздухе улицы
когда чертила линию
я кого-то чуть не столкнула) –
а он быстро спросил:
– откуда?

я ничего не ответила
не объяснила (это слишком долго объяснять)
но он все понял
моим голосом
моими губами
сам сказал:

– из этих давящих
зданий
от безостановочно удаляющихся
ярких машин
наполненных серых
вонючих улиц и кварталов
в роскоши застрявших
туфель и фраков
от выпрашивая стоящих (сидящих)
шляп

от равнодушных и злых взглядов
от однообразных слащавых губ
от однообразных джинс-девушек
от пропитанных запахом табака тел
от дурацких мелодий
я убегаю

(я застыла на месте)

– куда? – своим голосом
спросил

– о Будда
широтой расшириться! –
я впервые узнал
понял его

– значит объявить войну? –
улыбнулось Его лицо

ты стоишь на сегодняшнем зеленом поле
как степная (лесная, одичалая) девушка из былой старины

(у изорванного другими
степными девушками твоего Орфея
на холсте воздуха
эхом оставшиеся голоса
напоминают тебе прошлое время –
словно изорванные голоса и мысли
народных преданий

они уже не открывают от той жизни
целомудренное сияние)

босыми ногами ты ощущаешь
исчезнувшие в подземелья
умножившиеся корни

(это как устаревшее и уставшее горе
из деревьев которые пожелтев облетели)

каждое утро
с листьев и трав
росы
прохладное прикосновение
снова и снова
в голове оставляют
счастливой любви
горячие следы

словно песню жаворонка с небес
ты ищешь
из тишины
у Матери
Отца
Сестер и Братьев
просящие помощь голоса

ОЩУЩЕНИЕ СВОЕГО МЕСТА ВО ВРЕМЕНИ

ты – женщина в этих Песках
где нет у времени конца
ты яркий цветок из этой пустыни
тебе здесь все знакомо

какие только ветра не приходят
с тобой –
с тобой только разговаривать
какие только двери не открываются
яркий твой мир развеселить

здесь мир – широкий-бесконечный
где ветры от времени отрываются
сюда сам Инмар свой свет укрыл
иногда они
в сильные молнии превращаются

видение

вдруг
быстро исчез
вокруг меня народ
и дома и улицы исчезли
куда-то
ушла-ушла земля
но ноги
на чем-то твердом стояли –
или это был меч или столб
по которому в небо поднимаются –

не посмотрела я вниз – испугалась

тогда передо мной
спустился огненный шар
я не могла даже шевелиться
как обледеневший столб стояла я –
на жену Лота
похожа я была наверно в ту минуту –
глаза из огненного шара
долго-долго изучали меня

а потом словно проснулась я

в просторном бесконечном зеленом поле
услышала соловьиные голоса
у ветра почувствовала
нежные дуновения
поняла: вот же это
мой дом
утраченная светлая родина
где не была уже давно

ДРЕВНИЙ УДМУРТСКИЙ ДОМ

Вешалка.
Еще одна вешалка.
Очень узкий стол.

Там каша
Остывает.
Масло.
Соль.
Ложка.

Скамья.
Ни одного стула нет.
Ни одной кровати нет.

Полати.
Потолок.
Маленькая печка.

Тесный уголок, —
Десять человек
Там живет.

Темно кругом.
Лишь маленькая свечка
Горит.

Кто-то в углу
На гуслях играет.
Старший брат, видимо.

Маленький мальчик
Рядом с матерью сидит.
Горячую кашу ест.

Средний брат
Что-то читает
Сидя на полу.

В полночь здесь гаснет огонь.
Но не гаснет вместе с ним огонь души.

ИШАН (неопознанное) или что-то другое из прошлого

он
из невидимого глаза тумана
тень
рядом со мной
стоит
сидит
ходит
спит

очень внимательно
наблюдая
живет
все время на меня смотрит
все
обо мне
знает
и мысли
чувствует
он

УВИДЕВ ЦВЕТЫ НА ПЕСКЕ

если вода исчезает
вместо времени остается песок
все выдувается
и стирается

мысль только остается –
невидимкой
бабочкой
с цветов
на цветы
сядьясь –

она (мысль) у самого же
времени

следы
стирает

и было еще и такое время
от шепота поминальных крыльев и
кладези ума наших предков
я знаю
увиденный через голубиные глаза
на конце голубиной дороги

Один
Бездонный
Мир –

Там внутри Гинунгапап
родились
мои основы
заиндевеющие (заледеневшие)
алмазные слезы

НЕБЕСНАЯ ВОДА

душа
в каждое утро
ходит

к
Великому Ключу –
в Великое Стекло (Чашу)
воду собирать –
эта вода – сверкает прозрачным и свежим умом

в себя
правду чистую
наполняя
душа моя
маленькими
глоточками
пьет
ее

каждое утро

Литературно-художественное издание

Составители:

М.В. Серова, доктор филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы Удмуртского государственного университета.

Т.В. Зверева, доктор филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы Удмуртского государственного университета.

В.Ф. Шихов, первый заместитель Руководителя Регионального исполкома Удмуртского регионального отделения Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

И.С. Кадочникова, кандидат филологических наук, зав. кафедрой общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин НОУ ВПО «Восточно-Европейский институт».

НИКУДА ЭТОТ МИР НЕ ИСЧЕЗНЕТ...

ПОЭЗИЯ УДМУРТИИ

Избранное

Компьютерная верстка, дизайн – С.С. Королева
Технический редактор – П.С. Пермякова
Художественные редакторы – М.В. Серова, Т.В. Зверева
Корректор – А.Ж. Фаттахова

Подписано в печать 28.05.2015. Формат 60х84/16.
Печать цифровая. Бумага писчая. Гарнитура «Times New Roman».
Усл.печ.л. 16,25. Уч.-изд.л. 15,76.
Заказ №64. Тираж 150 экз.

Издательство «Шелест»
426060, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Энгельса, 164
E-mail: shelest.izd@yandex.ru

Отпечатано: ИПЦ «Малотиражка»
426060, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел.: 8 963 548 51 43, 8 904 317 76 93
E-mail: malotirazhka@mail.ru

ISBN 978-5-906027-91-7

9 785906 027917 >